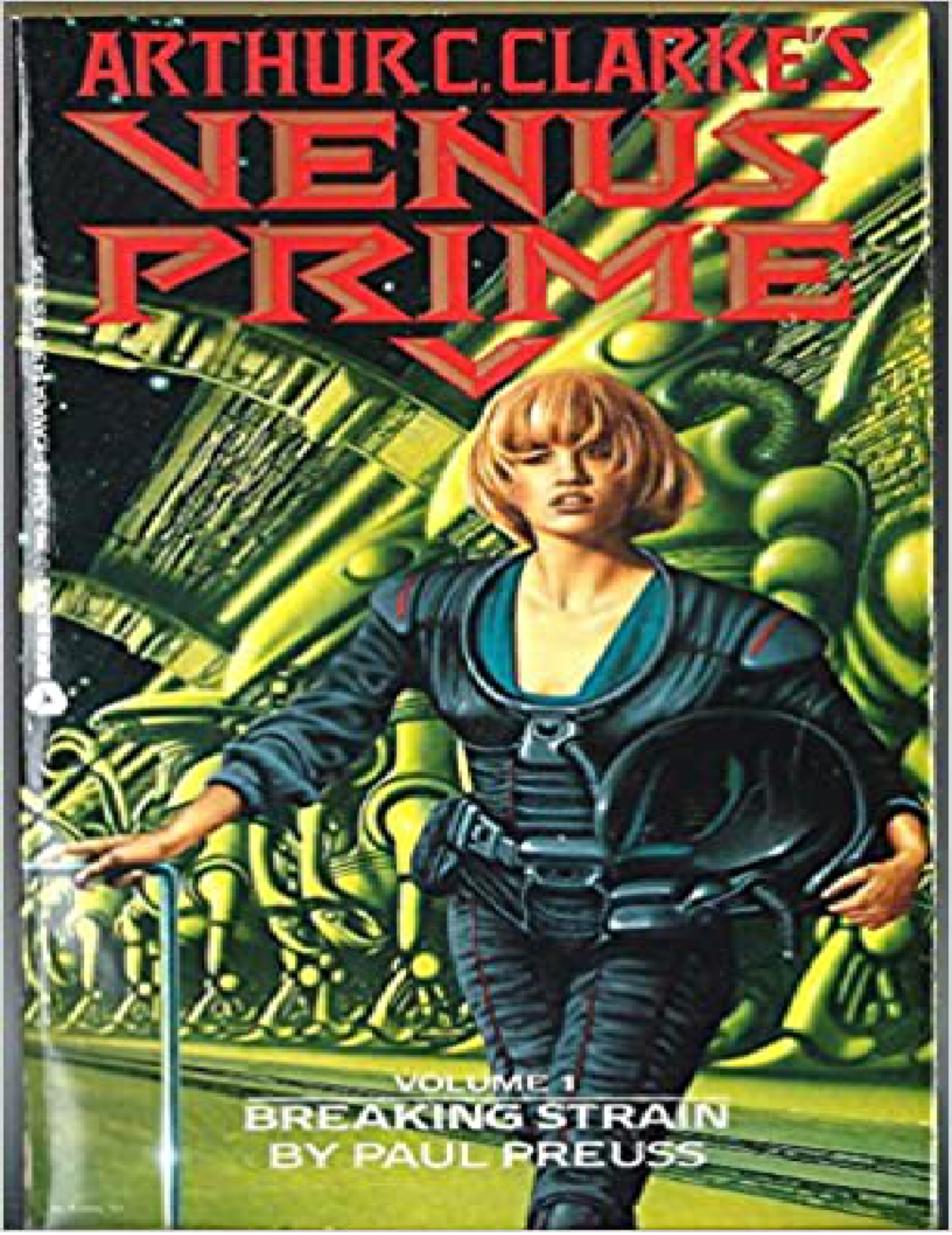
ARTHUR C. CLARKE'S
VENUS PRIME
VOLUME 1
BREAKING STRAIN
BY PAUL PREUSS

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Пол Прюс (Paul Preuss) Родился в городе Albany, Джорджия, Соединенные Штаты Америки 07 марта 1942 года. Американский писатель, консультант кинокомпаний. Автор многочисленных самостоятельных романов, а также романов серии «Венера Прайм», основанных на событиях, персонажах и местах из рассказов Артура Кларка. Псевдоним — Спарта. Ее красота скрывает таинственное прошлое и способности, намного превосходящие способности нормального человека, потому что она больше, чем человек — продукт биотехнологической инженерии. Она для себя не более чем шифр, потому что воспоминания о последних трех годах заперты в темных нишах ее мозга. Кто она на самом деле? Что было с ней сделано? Кем и почему? Ее злоключения на Земле, расследование аварии космического грузового корабля под названием «Стар Куин» постепенно начинают давать ответы на эти вопросы.

-
- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
- ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
- ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
- ЧАСТЬ ПЯТАЯ
  - 17
  - 18
  - 19

- 20
- Эпилог
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ЛИСА И ЕЖИК

1

— Слово «Спарта» тебе говорит что-нибудь ?

Молодая женщина сидела на стуле с гнутой спинкой из лакированной сосны. Ее лицо было повернуто к большому окну; бесстрастное лицо казалось бледным в рассеянном свете, который заливал белую комнату, отражаясь от зимнего пейзажа снаружи.

Ее визави машинально теребил свою аккуратную, с проседью бородку и пристально смотрел на нее поверх очков, — ждал ответа.

Дубовый, обшарпанный старинный стол. Доброжелательный взгляд, было видно, что спешить ему абсолютно некуда.

— Конечно. — На овальном лице ее брови казались широкими чернильными штрихами над светло-карими глазами; под вздернутым носом — полный рот, губы невинны в своей нежной, естественной розовости. Немытые каштановые волосы, лежавшие тонкими прядями на ее щеках, бесформенный халат — все это не могло скрыть ее красоты.

— И что это значит для тебя?

— О чем ты?

— Слово «Спарта», что оно значит для тебя?

— Меня зовут Спарта. — Она все еще не смотрела на него.

— А как насчет имени Линда? Оно что-нибудь значит для тебя?

Она покачала головой.

— А как насчет Эллен?

Молчание.

— Ты знаешь, кто я такой?

— По-моему, мы еще не встречались, доктор. — Она продолжала пристально смотреть в окно, рассматривая что-то вдали.

— Но ты же знаешь, что я врач.

Она поерзала на стуле, оглядела комнату, рассматривая дипломы, книги и посмотрела на него с тонкой улыбкой.

Доктор улыбнулся в ответ. Они встречались каждую неделю в течение последнего года. И вот все вернулось «на круги своя», опять. Да, любой здравомыслящий человек понял бы, что находится в кабинете врача.

Ее улыбка погасла и она отвернулась к окну.

— Ты знаешь, где находишься?

— Нет. Меня привезли сюда ночью. Обычно я бываю в… программа…

— И где же это?

— В… Мэриленде.

— А как называется эта программа?

— Я… — Она нахмурилась, на ее лбу появилась морщинка.

— … Я не могу тебе этого сказать.

— А, — ты не можешь это вспомнить.

Ее глаза вспыхнули сердито. — Это закрытая информация.

— Ты имеешь в виду, что это засекречено?

— Да. Я не могу сказать никому у кого нет допуска Q.

— У меня есть допуск, Линда.

— Это не мое имя. Откуда я знаю, что у вас есть допуск? Вот если мой отец скажет мне, что я могу поговорить с вами о программе, я это сделаю.

Он часто говорил ей, что ее родители умерли. Неизменно она встречала новость с недоверием, и забыла об этом через пять-десять минут. Однако, если он настаивал, пытаясь убедить ее, то она впадала в бешенство от замешательства и горя. А через несколько минут после того, как он переставал настаивать, вновь наступало печальное спокойствие. Поэтому он давно перестал ее этим терзать.

Из всех пациентов она больше всех его расстраивала. Ему очень хотелось восстановить ее утраченную личность, и он верил, что сможет это сделать, если только кураторы ему позволят.

Разочарованный и уставший, он отказался от сценария интервью. — Что ты там видишь? — спросил он.

— Деревья. Горы. — В ее голосе был долгий шепот. — Снег на земле.

Такой разговор происходил уже не раз, но она этого не помнила. Сейчас последует просьба рассказать, что случилось с ней вчера, и она подробно расскажет о событиях, которые произошли более трех лет назад.

Он резко поднялся — удивляя себя, потому что редко менял план свой работы. — Хочешь выйти на улицу?

Она казалась такой же удивленной, как и он.

Медсестры ворчали и суетились над ней, упаковывая ее в шерстяные брюки, фланелевую рубашку, шарф, кожаные сапоги на меховой подкладке, толстое пальто из блестящего серого стеганого материала — сказочно дорогой гардероб, который она воспринимала как должное. Она была способна одеваться сама, но обычно ходила в халате и шлепанцах. — Сестре-хозяйке было так проще — меньше мороки.

Доктор ждал ее снаружи на ледяных ступенях каменной веранды, рассматривая двери с их облезлыми рамами — желтый пигмент краски превращался в порошок в сухом, морозном, разреженном воздухе. Он был высоким и очень полным

человеком. Его черное пальто «Честерфилд» с элегантным бархатным воротником, стоившее как средней цены квартира, еще больше добавляла ему полноты. Но что поделаешь, — положение обязывало.

Появилась женщина, которую он ждал — медсестры проводили ее до дверей. Она слегка задохнулась глотнув резкого холодного воздуха. На щеках под прозрачной поверхностью бело-голубой кожи расцвели два розовых пятна. Она не была ни высокой, ни необычайно стройной, но в движениях сквозила быстрая профессиональная уверенность, которая напомнила ему, что она танцовщица. Среди всего прочего.

Он и девушка шли по территории за главным зданием. К востоку, была пустыня — белая с коричневыми проплешинами песка. Но не все белое было снегом, кое-где это была соль. С высоты, на которой они находились, это безжизненное пространство было видно по-крайней мере на сто миль. Далеко на юге сверкнул отблеск полуденного солнца от окон проходящего магнитоплана. Под ногами хрустели прихваченные морозом стебли коричневой травы, солнечный свет слепил глаза, отражаясь от снежного покрова.

Край лужайки был обозначен голыми тополями, посаженными близко друг к другу, параллельно древней стене из коричневого камня. Трехметровый электрифицированный забор за стеной почти слился с горным склоном, на который упала тень; под покровом можжевельников еще сохранялись голубые сугробы.

Сели на освещенную солнцем скамейку. Он вынул шахматную доску из кармана своего пальто и положил между ними.

— Хочешь сыграть?

— А ты хорошо играешь? — спросила она просто.

— Средне. Не так хорошо, как ты.

— А откуда ты это знаешь?

Он колебался — они часто играли — но эту правду он устал ей говорить.

— Это есть в твоем файле.

— Хотела бы я увидеть свой файл когда-нибудь.

— Боюсь, у меня больше нет к нему доступа, — соврал он. Файл, который она имела в виду, был не тем, о котором говорил он,— другим файлом. Они говорили о разных вещах.

Ей выпало играть белыми, и она быстро разыграла итальянскую партию, лишая доктора из равновесия ходом пешки с3 на четвертом ходу.

Чтобы дать себе время подумать, он спросил:

— Есть ли еще какие-нибудь просьбы?

— Просьбы?

— Есть что-нибудь, что мы можем сделать для тебя?

— Я хотела бы увидеть своих маму и папу.

Он не ответил, обдумывая ход. Как и большинство любителей, он изо всех сил пытался думать на два-три шага вперед, но у него это плохо получалось. Как и большинство мастеров, она думала позиционно, и хотя в текущий момент она уже не помнила свои первые ходы, это не имело значения. До того как несколько лет назад ее краткосрочная память была стерта, в долговременной сохранились несчетные варианты и позиции.

Она отвечала мгновенно, вот уже один из его слонов скоро будет проигран. Он улыбнулся с сожалением. Происходил еще один разгром. Тем не менее он сделал все возможное, чтобы оказать достойное сопротивление, и подарить ей интересную игру.

Пока кураторы не развязали ему руки, он мало чем мог ей помочь.

Прошел час — время для нее ничего не значило, — вот она опять говорит «подумай». Ферзя давно нет, ситуация безнадежна. — «Сдаюсь». Она улыбнулась, поблагодарила его. Он сунул шахматную доску в карман.

Когда доска исчезла из виду, к ней вернулся тоскующий взгляд.

Они еще раз прошлись вдоль стены. Тени были длинными, дыхание застывало перед лицами, над головой туманное голубое небо было покрыто тысячей инверсионных следов. Медсестра встретила их у двери, доктор остался снаружи. Когда он попрощался, девушка с любопытством посмотрела на него, уже забыв, кто он такой.

Возникшее чувство внутреннего протеста требовало выхода, действий и доктор включил связь:

— Я хочу поговорить с Лэрдом.

Лицо на экране было вежливо-доброжелательным:

— Очень жаль. Но директор не отвечает на внеплановые звонки.

— Это лично и срочно. Пожалуйста, скажи ему это. Я буду ждать.

— Доктор, поверьте мне, просто нет никакой возможности…

Второй помощник… , третий… — из третьего наконец он выжал обещание , что директор позвонит ему утром. Эти упрямые отказы только разожгли мятежную искру, и доктор был

очень зол, после всех этих разговоров.

Его пациентка попросила просмотреть файл — файл, над которым она работала, перед тем как ее поместили в больницу. Он хотел получить разрешение на это, но зачем заморачиваться? Лэрд и остальные были бы против, но ведь она не сможет никак злоупотребить тем, что увидит: она почти мгновенно забудет все.

Он постучал в дверь ее комнаты наверху. Она открыла, все еще в сапогах, рубашке и брюках, которые надела на прогулку. — Да?

— Ты просила просмотреть твой файл.

Она изучающе посмотрела на его. — Тебя послал мой отец?

— Нет. Один из сотрудников М.И.

— Мне не разрешено просматривать мой файл. Никому из нас неразрешено.

— Ну… в твоем случае было сделано исключение. Но это на твое усмотрение. Только если ты заинтересована.

Безмолвно, она последовала за ним по гулкому коридору, вниз по скрипучим пролетам лестницы .

Подвал был светлым и теплым, с ковровым покрытием. Что было совсем не похоже на сквозняки и остальные «прелести» в залах и палатах выше. Врач показал ей кабину для индивидуальной научной работы. — Я уже ввел соответствующий код. Я буду рядом, если у тебя возникнут какие-либо вопросы.

Он сел с другой стороны узкого прохода, на две кабины дальше, спиной к ней. — Хотелось, чтобы она чувствовала конфиденциальность, но все-таки не забывала о его присутствии.

Женщина осмотрела экран установки. Затем ее пальцы искусно погладили полушария ручного ввода. На экране латинскими буквами и цифрами пошел текст : «ВНИМАНИЕ! Несанкционированный доступ к этому файлу наказывается штрафом и/или лишением свободы в соответствии с Законом о национальной безопасности». Через несколько секунд появился стилизованный логотип с изображением лисы. Изображение исчезло, его заменили другие слова и цифры. — Дело L. N. 30851005. Проект «Определение способностей и возможности их тренировки». Доступ не авторизованным сотрудникам «Множественного Интеллекта» строго запрещен.

Она снова погладила ввод.

Через проход доктор нервно курил сигарету — древний и отвратительный порок — он выжидал, видя то же, что и она видела на экране. Процедуры и оценки были бы ей знакомы, они закрепились в ее долговременной памяти, поскольку были не

просто информацией, а процессом, действием…

Ей напомнили о том, что стало частью ее. Ее учили языкам — многим из них, в том числе ее собственному, — разговаривать и читать далеко опережая то, что считалось соответствующим возрасту. Ее учили играть на скрипке и пианино с младенчества, задолго до того, как пальцы ее рук могли растягиваться, чтобы сформировать аккорды. Учили танцу, гимнастике и верховой езде, вынуждая постоянно практиковаться, требуя от нее добиваться самого лучшего. Она манипулировала заполняющими пространство изображениями на компьютере, училась рисованию и скульптуре у мастеров. Обучалась теории множеств, геометрии и алгебре с того времени, когда ей удавалось различать пальцы рук. У дела «L. N.» был длинный номер, прикрепленный к файлу, но она была первым субъектом «Спарты». «Спарты» созданной ее отцом и матерью.

Ее родители старались не оказывать чрезмерного влияния на оценку достижений своей дочери. Но даже там, где независимая экспертиза была невозможна, ее мастерство было очевидно.

Все увиденное заставило ее заплакать.

Доктор был рядом с ней.

— Что-то не так?

Она вытерла слезы и покачала головой, но он мягко настоял:
— Моя работа — помогать.

— Единственное чего я всегда хотела, это то чтобы родители мне сказали, сказали сами — что я молодец, что я все делаю правильно.

Он подвинул стул и сел рядом с ней.

— Они бы сейчас это сделали, если бы могли. В сложившейся ситуации они действительно не могут.

Она кивнула, молча продолжила листать файл.

Интересно, как она прореагирует на дальнейшее. — Он надеялся, что с его стороны это было чисто профессиональным любопытством.

Ее воспоминания обрывались на семнадцатилетнем возрасте, а сейчас ей был почти двадцать один год…

Она нахмурилась.

— Что это за определение? «Сотовое программирование», — никогда не изучала, даже не знаю, что это такое.

— Да? — Доктор наклонился вперед. — Посмотри на дату.

— Ты прав. — Она засмеялась. — Это должно быть то, что запланировано на следующую весну.

— Но смотри, уже стоят оценки. Вон сколько их — целый столбец.

Она снова засмеялась от восторга:

— Вероятно, они предполагают, что именно такие у меня должны быть успехи.

Для него это, в конце концов, не было неожиданностью — ее сознание никаких сюрпризов не допустит. Ее погружение в реальность, ее мозг запрограммирован, так чтобы его нельзя было сбить с толку несколькими цифрами на экране.

— Они считают, что хорошо тебя знают, — сухо сказал доктор.

— Возможно, я их обману. — Она была рада этой перспективе.

Файл закончился резко на окончании ее обучения, три года назад. На экране только логотип агентства «Множественный Интеллект»: Лиса. Быстрая коричневая лиса. Лиса, которая знает много…

Доктор заметил, что ее память сохраняется дольше, чем обычно. — Возможно, ее поддерживала связь с прошлым через этот логотип.

— Возможно, обманешь, — пробормотал он.

Проводив Линду до двери ее комнаты — она уже забыла его, уже забыла все, что они оба видели — он спустился вниз, по старой лестнице в свой кабинет.

Кирпичное здание с высоким потолком, построенное на склонах Скалистых гор в конце 19-го века как туберкулезный санаторий, теперь триста лет спустя служило частной психиатрической лечебницей для членов семей со скромным благосостоянием. Доктор прилагал все старания для облегчения участи тех, кто был невинно заключен здесь, но случай L. N. 30851005 резко отличался от остальных, и все больше поглощал его внимание.

На своем собственном плоском экране он вызвал файл Линды, который учреждение хранило с момента ее прибытия.

И тут его бросило в жар — открылась истина. Решение пришло интуитивно, опережая разум, оставляя стертыми все промежуточные логические выкладки.

Он прижал палец к уху и нажал кнопку связи с персоналом санатория.

— Я обеспокоен тем, что Линда плохо спала на этой неделе.

— Правда, доктор? — Медсестра была удивлена. — Сожалею. Мы не заметили ничего необычного.

— Хорошо, давайте попробуем натрий пентобарбитал сегодня вечером, ладно? Двести миллиграмм.

Медсестра поколебалась, а затем согласилась. — Конечно, доктор.

Он выждал, пока все уснут, кроме двух ночных медсестер.

На первом этаже, на посту перед видеомониторами дремлет женщина.

Он кивнул ей, когда проходил мимо, поднимаясь по лестнице:

— Я просто осмотрюсь вокруг, прежде чем уйду домой.

Та подняла голову, запоздало настороженная.

Все, что ему было нужно, легко и незаметно помещалось в его роскошном «Честерфилде». Поднявшись по лестнице, двинулся по коридору второго этажа, заглядывая в каждую палату и отдельную комнату.

Комната Л.Н. 30851005. Камера видео-наблюдения высоко в углу; он прикрыл ее, распахнув дверь, — из коридора кровать была не видна.

Наклонился над бессознательным телом, повернул ее голову прямо. Дыхание было устойчивым и глубоким.

Вытащил из кармана плоский, размером с чековую книжку, томограф. Положил его на ее лицо; на экране отображалась карта ее черепа и мозга. Цифровые координаты появились в одном углу экрана. Он настраивал глубиномер прицела, пока серое вещество гиппокампа[1] не было отцентрировано.

Достал шприц для подкожных инъекций, казалось бы, примитивный инструмент, пугающий своей явной целью. Но внутри хвостовика стальной иглы вложены другие иглы, иглы внутри игл, по принципу матрешки, самая тонкая из них была тоньше, чем человеческий волос, почти невидимой. Это были иголки, которые действовали самостоятельно, по заранее вложенной в них программе, можно сказать — обладали собственным разумом.

Он продезинфицировал иглу посредством небольшого прозрачного флакона. Нащупал переносицу, прижал пальцы, чтобы расширить ноздри, затем осторожно, уверено — наблюдая за процессом на миниатюрном экране — ввел длинный телескопический стержень в ее мозг.

2

Обонятельные доли, пожалуй, самые атавистичные части мозга, развившиеся еще в нервной системе слепых червей, которые пробились сквозь непрозрачную грязь кембрийских морей. Чтобы функционировать, они должны находиться в тесном контакте с окружающей средой, и поэтому через носовую перегородку мозг вынужденно подвергается воздействию внешнего мира. Это опасное место. Здесь ослаблен гематоэнцефалический барьер[2] — слизистые оболочки носовых проходов являются ненадежной защитой мозга, а каждая зимняя простуда — это тотальная борьба мозга с болезнями.

Сам мозг ничего не чувствует; Микро-игла, прощупывающая обонятельные доли Л.Н. в ее гиппокампе, не оставляла ощущения боли.

Доктор все сделал аккуратно, но все же занес инфекцию.

Проснувшись поздно, женщина, которая думала о себе как о Спарте, почувствовала сильное зудящее ощущение в носу рядом с правым глазом.

Вчера она легла спать в общежитии в Мэриленде. Ей хотелось вернуться домой к родителям в Нью-Йорк, но работа над проектом не позволяла это сделать, тем более все так добры к ней здесь. И ведь это такая честь — находиться здесь, быть такой нужной.

Оглядевшись, она подумала, что не помнит как они сюда переезжали, видимо это было глубокой ночью, в полусне.

Комната была незнакомой с высокими потолками, с большими окнами, увешанными пыльными шторами. Стекла из плохого стекла с пузырьками фокусировали солнце в золотые жидкие галактики.

В этом не было ничего тревожного. С ее способностями она найдет дорогу, как не раз уже было в других странных местах.

Дважды чихнув, она решила что простудилась.

Во рту было полное ощущение вчерашнего ужина. Все ароматы были здесь одновременно, зеленые бобы смешались с заварным кремом, рис с запахом мешковины и тушеного говяжьего фарша.

Но кроме вкуса и обоняния ужин представлялся как смутная череда формул — аминов, сложных эфиров и углеводов. Они танцевали в ее голове как старые знакомые, хотя она понятия не имела, что они означают.

Она быстро поднялась с кровати, надела халат, тапочки — и

отправилась на поиски места, чтобы почистить зубы.

В продуваемом сквозняками коридоре стоял невыносимый запах воска, мочи и аммиака, желчи и скипидара.

Все эти запахи сопровождались в ее голове представлением о просителях и благодетелях, рабочих и обитателях этого здания, их посетителях и хранителях, всех, кто проходил этим путем в течение столетия. — Странные математические аналоги, призраки…

Она чихала снова и снова, и наконец шумное зловоние утихло.

Она без труда нашла ванную комнату. Посмотрела на себя в зеркале на деревянном шкафу, и тут ее изображение, казалось, стало увеличиваться — пока она не уставилась на безмерно увеличенное изображение своего собственного глаза. Темно-коричневый, жидкий на своей поверхности, он был глазом стеклянного совершенства. В то же время она могла видеть и свое обычное отражение в зеркале — гигантский глаз был наложен на знакомое лицо. Она закрыла один глаз — видно все лицо. Закрыла другой — она смотрела в жидкую глубину огромного открытого зрачка. Чернота внутри была непостижима.

В ее правом глазу, — кажется, там что-то есть… может она ошибается?… с ним что-то…

Она моргнула пару раз, и двойное изображение исчезло. Ее лицо стало само собой.

Чистка зубов возобновилась. Несколько минут однообразных движений щетки — и пришло спокойное, дремотное состояние.

Снаружи загрохотал вертолет, громко задребезжали стекла, когда он приземлился на лужайку.

Персонал поспешно засуетился вокруг — неожиданное прибытие вертолета обычно означало проверку.

Когда доктор поднялся по лестнице из своей квартиры, он обнаружил в кабинете одного из помощников директора. Доктор был обеспокоен, но старался этого не показывать.

— Вам обещали, что директор свяжется с вами, — маленький, рыжий, с плотно прижатыми к черепу волосами, парень, был скрупулезно вежлив.

— А я думал, что ты все еще в Форт-Мид[3].

— Директор попросил меня доставить его сообщение лично.

— Но, он мог бы позвонить.

— Директор просит вас прибыть в штаб-квартиру. Боюсь, прямо сейчас.

— Это невозможно. — Доктор напряженно выпрямился в

своем старом деревянном кресле.

— Немедленно. — Помощник вздохнул. — Понимаешь, телефон для этого дела просто не годится. — На рыжем было куртка из верблюжьей шерсти, на шее перуанский шерстяной шарф, ярко-оранжевый, его ботинки были из блестящей оранжевой кожи. Вся эта оранжевость выставляла напоказ высокую зарплату. — Он осторожно расстегнул куртку и вынул из кобуры под мышкой кольт 38-го калибра с четырехдюймовым глушителем. Это было настоящей симфонией в оранжевом, только сталь пистолета тускло отливала синевой.

— А теперь, пожалуйста, пойдем со мной. — дуло смотрело в огромное брюхо доктора.

Возвращаясь в свою комнату, Спарта почувствовала боль в левом ухе, настолько сильную, что она споткнулась и прислонилась к гипсовой стене.

Жужжание и стон шестидесятициклового тока[4] через обрешетку и штукатурку стен, грохот моющихся кастрюль на кухне, стоны старухи — старухи в 206 номере.

Спарта вдруг поняла, сама не понимая, откуда она знает, что в 206—м номере есть старуха… …другие комнаты, другие звуки… …где-то разговаривают двое мужчин, голоса кажутся ей знакомыми…

Доктор заколебался. Он не очень удивился, но игра шла быстрее, чем предполагалось. — А если я скажу… — Он судорожно сглотнул и продолжил: — что я не пойду с тобой. — У него было такое чувство, что это происходит с кем-то другим, и очень хотелось, чтобы это было правдой.

— Доктор… — Оранжевый человек печально покачал головой. — Здешний персонал абсолютно лоялен. Все, что произойдет между нами, никогда не будет обсуждаться за пределами этой комнаты, уверяю вас.

Доктор встал и медленно пошел к двери.

Оранжевый человек стоял, не сводя с него глаз, умудряясь казаться почтительным даже держа, почти не колеблясь, нацеленный Кольт.

Доктор снял с вешалки свой «Честерфилд» и, стал его неловко надевать.

Оранжевый человек сочувственно улыбнулся и сказал: «Извините» — это означало, что если бы обстоятельства позволили, он бы протянул руку помощи. Наконец доктор натянул на себя пальто. Он оглянулся назад, глаза его были влажны, он дрожал, лицо исказилось от страха.

— После вас, пожалуйста, — дружелюбно сказал оранжевый человек.

Доктор дернул за дверную ручку, рывком распахнул дверь, шагнул в коридор, споткнулся о порог имитируя панику. Когда он опустился на одно колено, оранжевый человек вышел вперед с протянутой левой рукой, презрительно скривив улыбку. — В самом деле, нечего так расстраиваться…

Но как только рука приблизилась к нему, доктор резко вскочил, прижал щеголеватого оранжевого человечка к стене массивным плечом, и резко отбросил в сторону кулак с пистолетом.

Правая рука доктора стремительно взметнулась вверх, с силой отбросив в сторону бьющую левую руку мужчины и сильно толкнула его под ребро.

— Ааахххх…? — Это был не крик, а удивленный вздох, поднявшийся на тревожной ноте. Оранжевый человек опустил глаза на свой живот. Большой шприц, все еще зажатый в кулаке доктора, торчал из верблюжьей шерсти на уровне его диафрагмы.

Крови видно не было. Кровотечение было внутренним.

Оранжевый человек еще не был мертв и даже не при смерти. Куртка у него была толстая, а стержень шприца слишком короткий, чтобы достать до сердца. Телескопические иглы внутри него все еще толкались, ища его сердце, когда он вывернул правое запястье и, подняв ствол Кольта, судорожно нажал на спусковой крючок.

Фттт, фттт, фттт, фттт — шепот оружия с глушителем взвыл, как старт ракеты, в болезненно чувствительном ухе Спарты. Она отшатнулась и, спотыкаясь, пошла по коридору к своей комнате.

Ее голова звенела от криков и мучительных вздохов, дрожь бегущих ног по полу внизу сотрясала ее, как землетрясение.

В ее сознании, как слайд, вспыхнувший на экране, возникло изображение, соответствующее одному из голосов, которые она слышала — маленького человека, который всегда одевался крикливо, в дорогую одежду, человека с кучерявыми рыжими волосами, человека, которого она не любит и боится. С осознанным формированием этого образа усиленные звуки исчезли.

Все остальные обитатели в замешательстве бродили по зданию, цепляясь за стены — даже обычного слуха было достаточно, чтобы это определить. В своей комнате Спарта сорвала с себя халат, ночную рубашку и быстро оделась в самую

теплую одежду, какую только смогла найти в незнакомом шкафу, одежду, которую она действительно не узнала, но которая, очевидно, была ее собственной. По причинам, которые ее память не раскрывала, она знала, что должна бежать.

Тело доктора лежало лицом вверх на пороге, под его головой собиралась лужица крови. Рядом с ним на полу корчился оранжевый человек, схватившись за живот. — Помогите, помогите! — Медсестры изо всех сил пытались ему помочь.

Женщина в форме пилота оттолкнула медсестер в сторону и наклонилась, чтобы расслышать его слова, но внезапный вой сирен заполнил комнату.

— Сначала ее! Задержи ее… — выдохнул он в лицо пилоту, и даже попытался оттолкнуть ее, но тут же взвизгнул от боли — шприц выпал у него из рук. — Доставь ее к директору… Помогите, помогите! — тут его голос перешел в вой,— тончайший волосяной конец иглы пронзил его сердце.

Медсестра ворвалась в палату Л. Н. и обнаружила, что она пуста.

Одна сторона кровати рухнула на пол. Оконная рама была поднята, и пожелтевшие кружевные занавески шевелились в холодном уличном воздухе — железный прут, словно копье, вонзился в проволочную сетку, закрывавшую окно снаружи, ее край был оторван.

Железный прут в сетке был частью каркаса кровати.

Медсестра бросилась к окну,нарастающий рев двух турбинных двигателей достиг почти сверхзвукового визга.

Черная на фоне замерзшей коричневой травы лужайки, поднималась изящная машина, ее похожая на змею морда рыскала туда-сюда под аккомпанемент, с глухим стуком вращающихся, роторов.

Пилот, спотыкаясь, вошла в комнату, держа наготове пистолет; она оттолкнула медсестру от окна. Внизу черный тактический вертолет поднялся еще на пару метров, наклонился вперед и скользнул через забор между двумя тополями, прижимаясь к земле.

— Черт побери! — Пилот недоверчиво наблюдал за происходящим, не утруждая себя тратой патронов на бронированную машину. —Кто, черт возьми, сидит в этой штуке?

— Так она и есть, — сказала медсестра.

— Кто она такая, черт возьми?

— Та, которую мы здесь прятали. Та самая, которую необходимо было доставить к директору.

Пилот смотрела вслед вертолету, пока тот не скрылся

в ущелье за шоссе и больше не появился.

Она выругалась и отвернулась.

У Спарты не было четкого представления о том, что она делает. Неровная мерзлая земля проносилась в метре или двух под полозьями, низкие глинистые и гравийные стены ущелья покачивались слишком близко к вращающимся кончикам лопастей, когда она играла с штурвалом и педалями. Она зацепила полозом гравий: машина накренилась, отказалась переворачиваться и полетела дальше.

Движущаяся карта местности была показана в пространстве перед Спартой, голографически наложенная на реальность, которую она видела через ветровое стекло. Она летела вверх по склону. Пути магнитопланов, которые она пересекла, прежде чем войти в ущелье, теперь снова появились перед ней — стальная эстакада, перекинутая через ущелье.

Она пролетела под эстакадой. На долю секунды эхом отозвался вой двигателей, а один из винтов резко и четко зазвенел, ударившись о стальной пилон.

Ущелье сужалось, а его стены становились все выше.

Она летела, управляя машиной вручную, и с каждой секундой пребывания в воздухе, чувствовала себя все увереннее. Она размышляла о своей способности управлять сложным механизмом, который никогда раньше не видела — зная, для чего он был нужен, не думая об этом, зная его логику, зная конкретную компоновку его органов управления и приборов, возможности его бортового компьютера.

Она рассудила, что уже практиковалась в этом, и что есть какая-то веская причина для провала в ее памяти.

Она также рассудила, что у нее есть причина бояться оранжевого человека, от которого бежит.

Она, вдруг подумала, что, возможно, часть ее жизни была сознательно кем-то отнята. И что именно из-за этого она оказалась в опасности, и что оранжевый человек имеет какое-то отношение к ее пропавшим годам и к ее нынешней опасности.

Она рассуждала — потому что помнила весь день (почему это само по себе казалось странным?) с того самого момента, как она проснулась с настойчивым желанием почистить зубы, и накопившиеся аномалии этого дня нельзя было игнорировать. И Спарта — не ее настоящее имя, зачем и кто ее так назвал?

— Снарк, это Л. Н. 30851005, ты меня признаешь?

После недолгой паузы вертолет ответил: «Я поступаю под ваше командование».

— Курс на Запад, минимальная высота и максимальная

скорость. Включить автопилот.

— Автопилот включен.

По обеим сторонам вырисовывались и мелькали стены из красного Юрского песчаника. Русло ручья из обвалившихся гранитных валунов поднималось неровными ступенями вверх по быстро поднимающемуся ущелью — сухое сейчас, только пятна снега кое-где, оно было прерывистым потоком во время осенних штормов. Корабль то задевал голые розовые ветви спутанных ив в русле ручья, то летел почти прямо вверх по склону горы, уворачиваясь от выступов базальтовых утесов, пока внезапно ущелье не стало неглубоким оврагом. — Снежное горное плато, осиновые рощи, лес.

Спарта отрегулировала масштаб проекции местности, развернутой перед ней, изучая изображение, пока не нашла нужное:

— Снарк, цель — на сорок градусов севернее, сто пять градусов, сорок минут, двадцать секунд западнее.

— Сорок на север, сто пять, сорок, двадцать на запад подтверждаю.

Вертолет внезапно замедлил ход и замешкался на опушке осинового леса, его морда дрожала, как будто он вынюхивал след.

Через мгновение корабль понесся над открытой снежной равниной в сторону дальних, блестевших на солнце, высоких вершин.

— У нас есть визуальный контакт.

На экране монитора в подвальном помещении, расположенном в полутора тысячах миль к востоку, небольшая группа мужчин и женщин наблюдала за вертолетом, летящим над землей, его четкое изображение с большим увеличением передавалось со спутника в четырехстах милях над ними.

— Почему она не использует режим уклонения?

— Может быть, она не знает, как.

— Но откуда она знает, как управлять этим?!

Говоривший был мужчиной лет пятидесяти с серебристо-седыми волосами, «ежиком», в темно-сером шерстяном костюме и сером шелковом галстуке без рисунка поверх светло-серой хлопчатобумажной рубашки; это был деловой костюм, но с таким же успехом он мог бы носить военную форму.

Вспышка гнева этого человека была обвинением всех и вся; ответа он не получил , и нервно переминался с ноги на ногу.

Одна из женщин тронула его за рукав и, поймав его взгляд, и дернула подбородком. Они отступили в тень, подальше от остальных.

— В чем дело? — прохрипел мужчина.

— Если МакФи действительно восстановил ее кратковременную память, используя синтетический клеточный имплантат, она может получить доступ к навыкам, которые она приобрела до вмешательства, — прошептала она.

Она была красивой женщиной, такой же стриженой, седой и жесткой, как и он, ее темные глаза казались темными лужицами в полутемной комнате.

— Вы убедили меня, что она уже забыла все, что видела или делала за последние три года, — раздраженно сказал он, стараясь говорить тише.

— Стабильность, то есть степень, ретроактивной амнезии вследствие потери кратковременной памяти часто непредсказуема…

— А почему я узнаю об этом только сейчас? — Он зарычал, достаточно громко, чтобы заставить головы повернуться.

…но мы можем быть полностью уверены, что она никогда не вспомнит ничего, что произошло после вмешательства. — Седая женщина сделала паузу. — До самой реинтервенции. То есть до сегодняшнего дня.

Они оба замолчали, и на мгновение никто в темной комнате не произнес ни слова.

Все смотрели на вертолет, который бежал за своей собственной тенью над снежными кочками, над замерзшими прудами, среди сосен и осин, вниз по крутым ущельям, — стремительная стрекоза с двумя, один над другим, винтами, трепещущими, как перепончатые крылья, в перекрестье прицела спутника слежения.

Изображение на мгновение застыло, а затем продолжилось под немного другим углом, когда новый спутник взял на себя задачу слежения.

— Мистер Лэрд, — сказал оператор слежения, — я не знаю, насколько это важно…

— Продолжай, — сказал седой человек.

— Цель постепенно поворачивается против часовой стрелки в течение последних двух минут. Сейчас он движется на юго-восток.

— Она заблудилась, — высказался кто-то из восторженных помощников, — летит вслепую и не знает, куда направляется!

Лэрд проигнорировал это высказывание.

— Дайте мне весь сектор.

Изображение на экране немедленно расширилось, показав Великие Равнины, подступающие подобно замерзшему океану к хребтам Скалистых Гор, города, выброшенные на берег

этого океана, как обломки: Шайенн, Денвер, Колорадо-Спрингс, слившиеся своими пригородами в единую нитевидную агломерацию.

Вертолет был микроскопическим, невидимым в таком масштабе, и был четко обозначен центрированным перекрестием прицела.

— Цель, похоже, держится на прежнем курсе, — сказал оператор.

— Черт возьми, она направляется прямо к Космическому командованию, — сказал Лэрд. Он с горечью посмотрел на седую женщину.

— Ищет убежища.— подтвердила она спокойно.

— Мы должны сбить его, — выпалил тот же самый восторженный помощник, чей энтузиазм сменился паникой.

— Чем? — Единственный вооруженный корабль, который у нас есть в радиусе пятисот миль, — это тот, на котором она летит.

Он повернулся к женщине, прошипев слова, едва ли потрудившись сделать их неслышными:

— Если бы я только никогда не слушал твоих умных объяснений …

Он оборвал фразу, щелкнув зубами от ярости, и склонился над консолью.

— Она не использует режим уклонения.

— Каков шанс ослепить ее?

— Мы не можем заглушить навигационные и управляющие схемы этой цели, сэр. Они защищены от всего на свете.

— А исходящие от нее передачи?

— Это можно попробовать.

— Сделай это прямо сейчас.

— Сэр, это не совсем хирургическая операция. Командование ПВО будет рвать и метать .

— Сделай немедленно. Я позабочусь об ПВО.

— Он повернулся к своему помощнику. — Соедини по закрытой линии с Главнокомандующим, НОРАД[5]. Сделай так, чтобы я видел его профиль.

Помощник протянул ему телефонную трубку:

— Командование НОРАД, сэр, — у аппарата генерал Лайм. Его профиль появится на экране «Б».

Прицел спутника-шпиона неумолимо приближался к штабу военно-космического командования к востоку от Колорадо-Спрингс.

В трубке послышался резкий голос, и серый человек быстро ответил:

— Это генерал Билл Лэрд — его голос стал, теплым, доверительным, почтительным — мне очень жаль беспокоить вас, но у меня серьезная проблема, и я боюсь, что позволил ей выйти из-под контроля, настолько, что, признаюсь, она стала и вашей проблемой тоже. Речь идет о радиопомехах, которые испытывают ваши люди на рабочих частотах.

Лэрд говорил в телефонную трубку, считывая психологический профиль генерала с маленького плоского экрана, планируя свою речь, и, одновременно, следя за тем, что происходит на большом экране.

Результат телефонных переговоров в значительной степени зависел от дружелюбия и умения убеждать. Но, как оказалось, это был не последний вызов, который он должен был сделать — генерал Лайм отказался принять решение без подтверждения от начальника Лэрда.

И в эфире зазвучала еще более серьезная ложь, а когда директор наконец положил трубку, он весь дрожал, его натянутая улыбка никого не могла обмануть. Он дернул серую женщину за рукав и оттащил ее обратно в тень.

— Эту программу скоро прикроют, благодаря тебе, — сердито сказал он. — И годы работы пойдут псу под хвост. Как ты думаешь, смогу ли я сохранить свой пост после этого фиаско? Нам еще повезет, если мы избежим судебного преследования.

— Я очень сомневаюсь, что президент пойдет на то…

— Ты! Оставить ее в живых — настаивала ты.

— Она была великолепна, Уильям. На ранних стадиях. Она была прирожденным адептом.

— Она никогда не посвящала себя этому знанию.

— Она еще совсем ребенок!

Он сердито кашлянул ей в ответ. Задумчиво прошелся по комнате, потом остановился и покачал головой:

— Право. Пора нам распустить нашу команду и раствориться в толпе.

— Уильям…

— О, мы обязательно буде вместе — резко сказал он. — Уверен, в правительстве найдутся места для нас обоих. Но впереди еще очень много зачистки. — Он сцепил пальцы, хрустнул костяшками. — Этот санаторий придется очистить. Все они должны будут исчезнуть. Сейчас самое время это сделать.

Серая женщина знала, что лучше не возражать.

— Это — беспилотник? — Не поверила сержант. Она сноровисто ввела координаты приближающегося вертолета в систему наведения зенитного комплекса.

— Дело в том, что это какой-то экспериментальный корабль, который сошел с ума, — пояснил капитан. — Оперативники говорят, что люди, которые выпустили его, считают, что он нацелился на наши наземные станции.

По периметру штаб-квартиры Космического командования раскачивались на своих позициях батареи телеуправляемых электромагнитных пушек.

— А что, перехватчики не могли его прихватить?

— Конечно, могли. Для F-41 это пара пустяков — глянул, плюнул, сбил. Ну и куда бы он упал? Что находится на земле между нами и горами?

— О.

— Совершенно верно. Дома, школы и все такое прочее. Так что все зависит от нас .

Сержант посмотрела в прицел радара. — Ну, примерно через двадцать секунд мы все узнаем. Он все еще приближается. — Она приготовила зенитный комплекс к бою еще до того, как капитан приказал ей это сделать.

Снарк выл над крышами пригородных ранчо, над бассейнами на заднем дворе и альпинариями, над широкими бульварами и искусственными лагунами, поднимая рыхлую черепицу, стряхивая последние мертвые листья с декоративных осин, наводя ужас на пешеходов, поднимая пыль и оставляя за собой грязную перебаламученную воду лагун. Антенны вертолета непрерывно вещали по всем возможным каналам, но он не получал никакого ответа на свои срочные сообщения. Голая ровная поверхность периметра базы быстро приближалась…

Когда вертолет с визгом пронесся над заборами, над ожидающими пожарными машинами, каретами скорой помощи и полицейскими машинами, некоторые наблюдатели заметили — и позже засвидетельствовали, — что вертолет, похоже, не целился в лес космических радиоантенн, которые были самой характерной чертой Космического командования, а направлялся к зданию оперативного штаба, перед которым была вертолетная площадка. Это было тонкое различие — слишком тонкое, чтобы повлиять на решение, принятое за долю секунды.

Когда «Снарк» пересек периметр, в воздух взмыли три сверхскоростные ракеты «ТЕУСЭР». Это были не более чем стальные прутья, мертвые снаряды, не несущие никакой взрывчатки, но они ударились с инерцией метеоритов, летящих бульдозеров. Через две десятых секунды после того, как они покинули пусковую установку, они поразили бронированный вертолет. Никакого взрыва не было. Разрушенная машина просто рассыпалась по плацу, как горсть горящего конфетти. Большие

куски дымящегося металла разлетелись по сторонам, как обгоревшие комки газеты.

3

Спарта ждала среди голых осин на краю замерзшего поля, пока маслянистый свет не исчез с затянутого тучами западного неба. Пальцы ее ног, мочки ушей и кончик носа онемели, а в животе урчало. Идя пешком, она не чувствовала холода, но ей пришлось стоять и ждать темноты, и она замерзла. Теперь, когда наступила темнота, можно было идти дальше.

Она получила ценную информацию от «Снарка» и когда он остановился на долю секунды, неподвижно зависнув в нескольких дюймах над землей, вычисляя новые координаты, она спрыгнула, а он направился навстречу своей гибели.

Информацию о том, какой сейчас был день, месяц и год. Это последнее стало для нее шоком.

С каждой минутой воспоминания роились все гуще, но теперь она знала, что даже самым последним из них было больше года. И в те часы, что прошли с тех пор, как она спрыгнула, пока тащилась по снегу, она размышляла о растущей странности своего ощущения самой себя. Она интуитивно поняла, что за последний час — даже если бы она не предавалась самоанализу — ее дикие и бурлящие чувства начали частично подчиняться ее сознательному контролю; ей даже удалось вспомнить, для чего существуют некоторые из этих чувств, и таким образом она могла лучше регулировать настойчивую живость своих чувств — вкуса, обоняния, слуха, осязания, удивительно гибкого зрения.

Но, временами, эти чувства не подчинялись ей, ускользали — эпизодически, но всепоглощающе. Кисловатая сладость сосновых иголок, упавших на снег, не раз грозила повергнуть ее в обморочный экстаз. Тающий перламутровый свет заходящего солнца не раз заставлял видимый мир вращаться калейдоскопически, внутри ее пульсирующего мозга, в мелькании света. Она гнала прочь эти пьянящие мгновения, зная, что они должны повториться, зная, что когда это произойдет, она сможет с усилием подавить их. А потом она должна спешить.

Она теперь гораздо лучше понимала природу своего затруднительного положения. Она знала, что это может быть смертельно опасно, если кто-нибудь узнает о ее странностях, и в равной степени смерти подобно отдаться в руки властей, любых властей. Наконец стало достаточно темно, чтобы кто-нибудь заметил откуда она пришла. Она поплелась через заснеженное поле к дальней группе фонарей там, где две узкие асфальтовые дороги образовали Т-образный перекресток. На ржавом железном карнизе одного из обветшалых деревянных зданий висела

вывеска, освещенная единственной желтой лампочкой: «ПИВО. ЕДА.»

Перед деревенской таверной было припарковано с полдюжины машин — спортивные машины и вездеходы с лыжными стойками наверху. Она остановилась снаружи и прислушалась…

Она услышала звон и стук бутылок, кошачий скулеж за обедом, скрип деревянных стульев и половиц, шум спускаемой воды в туалете в задней части дома, звук стерео-системы довел ее чуть ли не до боли, хриплый энергичный гнев певца мужского пола, раскатистый гром басовой линии, разговоры за столами.

Она выбрала несколько разговоров.

— «Камни и солома»,[6] — говорила какая-то девушка, — у них хватило наглости даже продать билет в лифт…

Какой-то мальчишка пытался выманить у своей подружки по колледжу конспекты. В другом месте — в баре, как она прикинула — шел разговор о ремонте на соседнем ранчо. Она немного послушала — он показался ей самым многообещающим:

…а эта другая куколка, со светлыми волосами до плеч, просто стоит и смотрит сквозь меня, и на ней нет ничего, кроме маленького розового кусочка прозрачного шелка, как в рекламе универмага. Как будто меня нет комнате.

— Возможно, приняла что-нибудь. Они там все на чем-то сидят, чувак. Ты знаешь, у них есть один, который должен платить за это место, с ним вообще невозможно общаться — он все время такой Зет-ориентированный…

— Но куклы, — сказал первый голос. — Вот что меня возмущает. Я имею в виду, что мы работаем, как проклятые, портя руки об эти чертовы доски, верно? А эти белокурые, брюнетистые и рыжеволосые куколки просто сидят, стоят и лежат там…

— Думаешь большинство людей, которые приходят туда, собираются арендовать студию? Да они просто договариваются, чувак, — сказал второй голос. — Просто покупай и продавай.

Спарта слушала, пока не узнала то, что ей было нужно. Она заставила какофонию исчезнуть и обратила внимание на машины на стоянке.

Она настроила свое зрение на инфракрасный спектр, увидела теплые отпечатки ладоней, светящиеся на дверных ручках, самым ярким из них всего несколько минут — их владельцы вряд ли скоро уедут. Она заглянула внутрь забрызганного грязью двухместного автомобиля; яркие очертания человеческих задниц сияли на обоих продавленных сиденьях. Коврик на полу перед пассажирским сидением скрывал еще один теплый предмет.

Спарта надеялась, что это то, что она искала.

Спарта стянула правую перчатку. Хитиновые шипы выскользнули из-под ее ногтей; она осторожно ввела зонды, протянувшиеся от указательного и среднего пальцев в щель двери со стороны пассажира. Она ощущала мельчайшее покалывание электронов вдоль своих проводящих полимеров: образы числовых моделей танцевали на пороге сознания; поверхностные молекулы ее зондов перепрограммировали себя — все происходило так быстро, что только намерение было сознательным, а не сам процесс.

Когда она убрала кончики пальцев, зонды втянулись обратно. Дверца машины распахнулась, замок и сигнализация были отключены.

Она натянула перчатку и приподняла коврик. Предмет под ним оказался кошельком. Она забрала банковскую карточку, а затем оставив все точно таким как было, в соответствии с образом, временно сохраненным в ее памяти, толкнула дверь, чтобы та закрылась.

Спарта стряхнула снег с ботинок на крытом крыльце и толкнула ветхие двойные двери, чтобы быть встреченной потоком дымного воздуха и стерео-звуком плохого качества. Большую часть небольшой толпы составляли пары студентов колледжа, возвращавшиеся с лыжной прогулки. Несколько, по виду, местных мужчин, одетых в рваные джинсы и потертые клетчатые фланелевые рубашки поверх теплого нижнего белья, собрались в конце длинного бара из красного дерева. Они не сводили с нее глаз, пока она смело шла к ним.

Плотника, которого она подслушала, было легко опознать по лазерной линейке в потертой кожаной кобуре на бедре. Она села на табурет рядом с ним и посмотрела на него долгим, презрительным взглядом, ее глаза были сосредоточены чуть позади его головы, прежде чем перевести взгляд на бармена.

Курчавые рыжие волосы бармена поразили ее. Это быстро прошло — у него была курчавая борода.

— Что будет, леди?

— Стакан красного вина. У тебя есть что-нибудь приличное поесть? Я умираю с голоду.

— Обычные для автошефа[7] вещи.

— Черт… тогда чизбургер. Средний. Все, что у него есть, и картофель фри.

Бармен подошел к покрытому жирными пятнами пульту из нержавеющей стали за стойкой и нажал четыре кнопки. Взял стакан с верхней полки и, вставив в него шланг, наполнил стакан шипучим вином цвета клюквенного сока.

На обратном пути он достал гамбургер и картошку фри из пасти стального автошефа, взял обе тарелки широкой, как лопата, правой рукой, и поставил все это на барную стойку перед Спартой.

— Сорок три доллара. Оплата любая.

Она расплатилась карточкой, гадая, кто из женщин в таверне оплачивает ее ужин, и положила карточку перед собой. Бармен, плотник и другие мужчины за стойкой, по-видимому, закончили разговор; все они молча смотрели на Спарту, пока она ела.

Ощущения обоняния, вкуса, жевания, глотания почти перегружали ее нетерпеливые внутренние системы. Свернувшийся жир, обуглившийся сахар, уже наполовину переваренные белки были одновременно отчаянно желанными и тошнотворными в своем богатстве. На несколько минут голод подавил отвращение.

А потом она закончила. Но она не поднимала глаз, пока не слизнула с пальцев последнюю каплю жира.

Она снова посмотрела на плотника, одаривая его тем же взглядом, не обращая внимания на чернобородого мужчину позади него, который смотрел на нее с восхищением, широко раскрыв глаза.

— Я вас откуда-то знаю, — сказал плотник.

— Я никогда в жизни тебя не видела, — сказала она.

— Нет, я тебя знаю. Разве ты не была одной из них сегодня утром на «Облачном Ранчо?»

— Не упоминай при мне это место. Я никогда не хочу, чтобы это место упоминалось в моем присутствии, пока я жива.

— Значит, ты была там, наверху.

Он удовлетворенно кивнул и многозначительно посмотрел на бармена. Его бородатый приятель тоже многозначительно посмотрел на бармена, но что это означало, оставалось для всех загадкой. Плотник снова повернулся к Спарте, медленно оглядывая ее с головы до ног.

— Я сразу понял, что это ты, по тому, как ты на меня смотрела. Конечно, ты уже не выглядишь так, как раньше.

— А как бы ты выглядел, если бы полдня шел по снегу?

Она дернула себя за прядь спутанных каштановых волос, как будто он обидел ее.

— Никто не захотел тебя подвезти?

Спарта пожала плечами и уставилась прямо перед собой, делая вид, что пьет мерзкое вино.

— Получила по башке? — Настаивал он

— Ты что, вонючий психиатр? — прорычала она. — Я играю на скрипке. Когда кто-то нанимает меня играть на скрипке, я

ожидаю, что буду играть на скрипке, и точка. Откуда мне было знать, что это не нормальные люди, а подонки?

— Леди, поймите меня правильно. — Плотник провел рукой по своим спутанным светлым волосам. — Я думал что, все здесь знают, что там не просто музыкальный салон.

— Я не из здешних мест.

— Да.— Он задумчиво потягивал пиво. Как и его приятель. — Хорошо… извиняюсь.

Какое-то время все они молча смотрели на свои бокалы — школа философов, погруженных в глубокое раздумье. Бармен рассеянно водил по барной стойке тряпкой.

— А ты откуда родом? — поинтересовался плотник.

— Там, на востоке. И мне бы очень хотелось вернуться туда сейчас. Скажи мне, что через десять минут отсюда будет автобус, и я буду счастлива.

Бородатый парень позади плотника рассмеялся над этим, но плотник не стал этого делать — Здесь нет никаких автобусов.

— Неудивительно.

— Не пойми меня неправильно, но сегодня вечером я еду в Боулдер. Там ходит автобус .

— Я же сказала, что ты меня порадуешь.

— Конечно, леди.

Он был достаточно скромным, но он был мужчиной и, естественно, на что-то надеялся, но он был из тех, кто видит в женщине человека, и поэтому ее флирт удался, а закончился в, конце концов тем, что плотник довез ее на своем фургоне до самого Денверского шаттлпорта, расположенного почти в сотне миль отсюда. Он не доставил ей никаких хлопот во время семидесятиминутной поездки и весело расстался, крепко пожав ей руку.

Спарта вошла в здание терминала и радостно плюхнулась в ближайшее кресло из хромированного и черного пластика, стоявшее в оживленном вестибюле. Для нее шум, мигающая неоновая реклама, сверкающие рекламные щиты видеоплат, и рассеянный зеленый свет, отражающийся от каждой отражающей поверхности, были успокаивающими

Она поплотнее закуталась в свое стеганое пальто, обхватила себя руками, позволяя усталости и облегчению захлестнуть ее — она снова была, среди толпы людей, с доступом к транспортным, коммуникационным и финансовым услугам, ко всей огромной нейронной сети электроники, которая связывает воедино страну, мир, колонии космоса. Она могла получить все, что хотела, не привлекая к себе внимания.

И в течение нескольких минут она могла сидеть прямо здесь,

на открытом месте, и отдыхать, не скрываясь, уверенная, что ничто в ее невзрачной внешности не привлечет ни малейшего внимания.

Она открыла глаза и увидела, что полицейский из аэропорта подозрительно смотрит на нее сверху вниз, прижав палец к правому уху и собираясь включить комлинк. — Ты дремала полчаса, леди. Если тебе нужно поспать, используй улей в пятом терминале. — Он постучал себя по уху. — Или ты хочешь оказаться в приюте?

— Боже мой, офицер. Мне ужасно жаль, но я не заметила как уснула.

Она испуганно посмотрела мимо него в сторону экрана с объявлением рейса. — О, кажется я пропустила рейс! — Она вскочила и бросилась к эскалатору, направлявшемуся к стартовым площадкам.

Она не оглядывалась, пока ее не окружили другие пассажиры. Было что-то безрадостное в облике этих людей, кутающихся в праздничную одежду из пластика и фольги, вероятно, потому, что для большинства из них отпуск закончился; они направлялись обратно на другие планеты.

Прежде чем сойти с катящегося тротуара на первом перекрестке и направиться обратно к зоне ожидания, она, ни на что не надеясь, обыскала свои карманы — пусто.

Пройдя в женскую комнату и посмотревшись в зеркало, она испытала настоящий шок. Невзрачная — не то слово для нее — вся в грязи, тусклые каштановые волосы свисают жирными змеями, под глазами залегли темные круги, сапоги, брюки и полы пальто забрызганы засохшей красной грязью до колен. — Неудивительно, что коп заподозрил ее в том, что она не имеет документов.

Он был прав, конечно — только одна организация знала кто она такая — но ошибался в причинах отсутствия документов, и она должна была быстро что-то сделать с этими причинами.

Она умыла лицо ледяной водой, пока окончательно не проснулась. Затем отправилась искать ближайший информационный киоск.

Проскользнула в кабинку и уставилась на пустой плоский экран. Здесь, в маленькой пластинке и бугристой клавиатуре, был скоростной доступ к любому человеку на Земле или в космосе, который хотел быть доступным (доступ к людям, которые не хотели быть доступными, занимал немного больше времени). Здесь был доступ к обширным библиотекам данных (доступ к защищенным данным занимал немного больше времени). Здесь были средства для получения или обеспечения займов, оплаты

долгов, инвестирования, заключения пари, покупки всевозможных видов легальных товаров или услуг, или для других способов потратить деньги (запрещенные виды товаров, услуг и сделок занимали немного больше времени). Все, что требовалось от клиента, — это действительное удостоверение личности и достаточный кредит на зарегистрированном счете.

У Спарты больше не было кредитки, которую она украла, она не собиралась оставлять за собой след незаконных поступков, и выбросила ее в снег за дверью горной таверны. Но здесь в закрытой информационной кабине, в которую никто не мог войти, — отсутствие карточки для Спарты не было большой проблемой.

Как и долгая борьба между людьми, разрабатывающими броню, и людьми, разрабатывающими бронебойные снаряды, долгая борьба между людьми, разрабатывающими программное обеспечение, и людьми, которые хотят несанкционировано проникнуть в него, была бесконечной эволюционной спиралью. В эти дни конца 22-го века возиться с программами открытого доступа было нелегко, даже для тех, кто обладает внутренними знаниями.

И все же Спарта была уверена в том, что она была подготовлена к этому — с какой целью она не могла вспомнить.

С помощью пальцевых щупов, глубоко вонзившихся в машину, она смогла обойти клавиатуру и непосредственно ощутить вкус системы.

Увы, нет блестящих информационных ландшафтов, нет красивых кристаллических структур данных, нет светящихся узлов логического вывода и значения. В электричестве нет изображений, кроме как в кодировке, и чтобы их увидеть они, должны быть отфильтрованы через грубые внешние аналоговые устройства, управляемые лучи, светящиеся люминофоры, возбужденные диоды, извивающиеся жидкие намагниченные взвеси.

Но хотя в электричестве нет картинок, есть отношения. Есть шаблоны, гармоники, конформации.

Потоки данных — это числа, огромные множества огромных чисел, огромные множества малых чисел, виртуальная бесконечность битов. Попытка визуализировать даже часть потока находится за пределами возможностей любой когда-либо рождавшейся личности.

Некоторые из людей могут смаковать числа — вундеркинды, гении, рождаются естественным путем, но создание их искусственно требует глубокого понимания специфической неврологии численно одаренных.

Пока задача была выполнена только один раз.

Спарта даже не знала этого. Спарта, как и вундеркинды, обладала особым талантом обращения с простыми числами, но в отличие от мозга вундеркиндов, ее правое полушарие содержало искусственные нейронные структуры, которые значительно расширяли диапазон и размер простых чисел, которыми она могла манипулировать, структуры которых она не знала, но использовала. Совсем не случайно, что системы шифрования данных часто зависят от ключей, являющихся большими простыми числами.

Сидя тихо в информационном киоске в Денвере, за плоским экраном, Спарта, казалось, изучала танец буквенно-цифровых структур, однако размытые символы на экране не имели для нее особого значения, поскольку она искала далеко за пределами интерфейса, следуя коммуникационными сетями по резкому следу знакомого ключа, подобно лососю, направляющемуся в его домашний ручей через лабиринт океана. Спарта была неподвижна — информационный океан захлестнул ее разум.

Сидя неподвижно, она подплывала все ближе к дому.

Бюджеты самых секретных правительственных учреждений не публикуются в публичной печати, а маскируются под незначительные статьи расходов многих других учреждений, причем средства часто оформляются через сделки с кооперативными подрядчиками и коммерческими банками. Иногда эта уловка дает нежелательный эффект —например, когда «шишка», чьи коллеги не поставили его в известность, громко и публично спрашивает, почему силы обороны заплатили миллионы за «запасные части для вертолетов» и получили только горсть дешевых гаек и болтов. Обычно лишь немногие люди знают о том, для чего на самом деле нужны деньги и куда они действительно идут.

Деньги, конечно же, электронные — это электронные таблицы с постоянно меняющимися цифрами, транзакции, помеченные электронным кодом.

Спарта отслеживала маршруты следования одного кода. Проскользнув в память торгового банка Манхэттена через закодированный люк, сознание Спарты обнаружило золотую нить, которую она искала.

Люди, создавшие ее, даже не представляли себе, какое игривое применение она найдет своим талантам.

Здесь, в информационном киоске, было просто перевести скромную и разумную сумму, несколько сотен тысяч, с незначительной статьи бюджета объекта («содержание и техническое обеспечение офиса») — к реальному подрядчику, — к

реальному субподрядчику этого подрядчика (к хорошо известной фальшивой консультационной фирме), — за тем в черную бухгалтерию другого агентства — которое заблокировало бы любые запросы — и, наконец, через случайный каскад адресов в другое Нью-Йоркское учреждение: «Great Hook Savings», которое понравилось ей за наивность своего псевдопростого ключа и чей Манхэттенский филиал таким образом приобрел нового клиента, даже не подозревая об этом — молодую женщину чье имя было… ?

Ей срочно нужно было имя, не настоящее имя, не Линда, не Л. Н. А… Эллен, да, а теперь еще и фамилия… Эллен, Эллен…

Прежде чем экран сбросил запрос, она набрала первое слово, которое пришло ей в голову.

Теперь ее звали Эллен Трой.

Спарте понадобилось еще несколько секунд, чтобы зарезервировать место для Эллен Трой на следующем гиперзвуковом реактивном самолете из Денвера в аэропорт Кеннеди. Билет и посадочный талон беззвучно выскользнули из гнезда принтера. Она вытащила из слайвпорта подногтевые шипы.

Ее рейс должен был быть только утром. Нужно было дойти до улья в пятом терминале, занять кабинку на остаток ночи, умыться, почистить одежду, немного отдохнуть.

Было бы неплохо купить новую одежду, но при нынешней экономике, когда роботы делают все вещи, а люди соревнуются за остальное и магазины переполнены продавцами, дежурившими круглосуточно, — она пока не могла ничего купить, ей придется подождать, пока ей удастся получить свою собственную банковскую карточку, прежде чем она сможет покупать что угодно.

Она была уверена, что «Great Hook Savings» будет более чем счастлив заменить ту карточку, которую Эллен Трой «потеряла». — Судя по их записям, Мисс Трой была постоянным клиентом в течение последних трех лет.

4

Поначалу этот план казался неплохим. Нужно было найти родителей или узнать, что с ними стало и нужно было выжить. Нужно было найти занятие, которое помогло бы ей делать и то, и другое, и вскоре она нашла его.

В старых зданиях ООН на Манхэттенском Ист-ривер теперь размещался преемник ООН — Совет Миров. Помимо Земли, в Совет входили орбитальные космические станции, колонизированные спутники и планеты Солнечной системы, где доминировали изменчивые коалиции земных наций. Исторические договоры ООН против территориальных притязаний в космосе все еще соблюдались по букве, если не по духу; подобно открытым океанам Земли, Космос не знал границ, но его ресурсы шли тем, кто мог их эксплуатировать. Комитет Комического Контроля, одна из крупнейших бюрократических структур Совета Миров, разрабатывал и обеспечивал соблюдение правил безопасности, норм судоходства, графики перевозок, таможенные и паспортные ограничения, а также межпланетные договоры и законы. Комитет располагал огромными банками данных, первоклассными судебно-медицинскими лабораториями, собственными быстроходными кораблями, блестящими, украшенными символом Комитета — голубой диагональной лентой с золотой звездой, и элитным корпусом обученных и мотивированных инспекторов.

В Комитете работали тысячи трудяг — техников, клерков и администраторов, рассеянных по офисам на всех космических станциях и обитаемых телах Солнечной системы, но особенно их было много в земном центре, рядом со штаб-квартирой Совета Миров на Манхэттене.

Помимо центрального офиса, административные функции Совета были широко рассредоточены по всему городу. Двадцатиоднолетняя Эллен Трой без труда нашла работу в Комитете, поскольку ее аттестаты были превосходны — электронные документы из ее Квинсской средней школы и Бизнес-колледжа Флашинг-Мидоу, который она окончила в возрасте двадцати лет, говорили, что она обладает отличными навыками обработки слов и данных. В рекомендациях работодателя, на которого она работала в течение года после окончания учебы, ныне, к сожалению, несуществующей Корпорации развития воздушного права Манхэттена, отмечалось, что она была образцовым работником. Эллен прошла через квалификационный экзамен космического совета и обнаружила,

что находится именно там, где ей хотелось бы быть, с доступом к самой большой разветвленной компьютерной сети в Солнечной системе, — с новым именем и новой внешностью (волосы Спарты больше не были каштановыми, ее лицо больше не было изможденным в своей красоте, ее зубы больше не были скрыты постоянно закрытыми тонкими губами; вместо этого ее полные губы всегда были слегка приоткрыты), затерявшаяся в огромной организации, в которой она фигурировала лишь как еще один шифровальщик.

План Спарты был одновременно смелым и осторожным, простым и сложным. Она узнает все, что сможет, из обширных хранилищ информации Совета директоров. Позже, каких бы усилий это ни стоило, она заработает значок инспектора Комитета, добившись этого, она получит свободу действий…

В этом плане было лишь несколько мелких заминок. Теперь она знала, что где-то на восемнадцатом году жизни, первом из трех лет, которые она не могла вспомнить, она сильно изменилась, причем настолько, что это было очевидно, — изменилась, то есть вышла за пределы обычных обостренных чувств вкуса, обоняния, слуха и зрения, и даже дело было не в подногтевых шипах, полимерных вставках, — они уже входили в моду среди наиболее продвинутых богачей, и она делала все, что могла, чтобы скрыть свои, потому что Эллен Трой была дочерью рабочего класса.

Дело в том, что эти изменения оставили свои следы внутри ее тела, некоторые из которых были обнаружены при обычном медицинском сканировании. — Ей пришлось придумать легенду прикрытия, это было не слишком трудной задачей.

Еще ей пришлось научиться контролировать свои экстраординарные способности, некоторые неожиданно проявлялись в самые неподходящие моменты. По большей части ей уже удавалось не чувствовать того, что не хотела чувствовать, не слышать того, что не хотела слышать, не видеть того, что не хотела видеть — по крайней мере, пока была в сознании, — но время от времени ею овладевали странные ощущения, и она чувствовала побуждения, которые не могла полностью осознать.

Между тем жизнь и работа шли своим чередом: прошел год, потом два.

Жарким, влажным августовским утром Спарта склонилась над бумагами, лежавшими на ее письменном столе, над печатными копиями документов и статей, которые она много раз просматривала прежде, ни одна из них не была секретной, и все они были легко доступны публике, в них излагалось начало

проекта «Спарта»:

Предложение, представленное Управлению образования Соединенных Штатов Америки в отношении проекта по развитию интеллекта: «Определение способностей и возможности их тренировки».

Вступление:

Часто высказывалось предположение, что мозг среднего человека обладает нереализованным потенциалом роста и обучения — потенциалом, который нереализован у всех, кроме крошечного меньшинства индивидов, которых мы признаем «гениями».

Время от времени предлагались образовательные программы, которые ставили своей целью максимизацию этого неиспользованного интеллектуального потенциала у развивающегося ребенка. Однако никогда до настоящего времени реальные методы стимулирования интеллектуального роста не были точно идентифицированы и тем более не подверглись сознательному контролю и применению. Утверждения об обратном оказались в худшем случае ложными, в лучшем — трудно проверяемыми.

Более того, сохраняется ошибочное мнение, что интеллект — это единственный поддающийся количественному измерению признак, наследуемый, генетический признак — мнение, увековеченное продолжающимся широким использованием школами и другими учреждениями давно дискредитированных тестов на коэффициент интеллекта (IQ). Его постоянное использование может быть понято только как попытка администраторов найти удобный (и, скорее всего, самодостаточный) параметр, на основе которого можно было бы обосновать распределение ресурсов, воспринимаемых как дефицитные. Продолжающееся использование IQ оказало негативное воздействие на тестирование альтернативных теорий.

Авторы этого предложения намерены продемонстрировать, что нет никаких одномерных гениев, что каждый отдельный человек обладает множеством умственных способностей и что некоторые из них, а возможно, и все они могут развиться, в результате осознанного вмешательства со стороны надлежащим образом подготовленных учителей и

педагогических техник…

Этот документ-проект, отвергнутый правительством, которому он был представлен, и датируемый несколькими годами до рождения самой Спарты — был честным изложением того, что намеревались сделать родители Спарты.

Они были учеными-исследователями, венгерскими иммигрантами с особым интересом к человеческому развитию. По их мнению, число IQ, лишенное внутреннего смысла, было ярлыком, который благословлял некоторых, проклинал многих и давал легкое утешение расистам. Самым пагубным было своеобразное представление о том, что некое таинственное нечто, овеществленное как IQ, не только наследуется, но и фиксируется, что даже самое благотворное вмешательство в рост ребенка не может увеличить количество этой магической ментальной субстанции, по крайней мере, не более чем на несколько незначительных процентных пунктов.

Родители Спарты намеревались доказать обратное. Но, несмотря на свою революционную риторику, общественность и государственные учреждения, предоставляющие гранты, почувствовали нечто старомодное в их идеях саморазвития, и прошло несколько лет, прежде чем, как материализовалась поддержка в виде скромного гранта от анонимного донора. Их первым воспитуемым, как того требовали их убеждения, была их собственная юная дочь.

Тогда ее звали Линда.

Вскоре после этого штат Нью-Йорк, а затем и Фонд Форда выделили свои собственные гранты. Проект «Спарта» получил свое сокращенное название, плюс небольшой штат сотрудников и несколько новых студентов. Прошло два года после того, как он был официально начат, и научный отдел «Нью-Йорк Таймс» получил сообщение:

> Ставки Лисы повышаются — Ежа падают. Психологи «Новой Школы Социальных Исследований» надеются разрешить спор, который восходит, по крайней мере, к 8 веку до нашей эры, когда греческий поэт Архилох сделал загадочное заявление, «Лиса знает много вещей, но еж знает одну но большую». В последнее время замечание поэта символизировало дебаты между теми, кто считает, что способностей много — лингвистических, телесных, математических, социальных и так далее — и теми, кто считает, что интеллект приходит как единовременная сумма, символизируемая показателем IQ, который устойчив к изменениям и, вероятно, может быть

обоснован генами.

Теперь появляются новые свидетельства из Новой школы, свидетельствующие в пользу Лисы…

Во всех СМИ — огромный интерес, статьи, рассказы о проекте «Спарта». Маленькая девочка, которая была его первым и на какое-то время единственной объектом, стала звездой — таинственной звездой, чьи родители настаивали, чтобы ее лицо не было известно широкой публике, среди вырезок на столе Эллен Трой не было ни одной ее фотографии. Тогда, наконец, правительство проявило интерес к этому проекту…

— Эллен, ты что-то скрываешь.

Спарта посмотрела на широкое смуглое лицо, стоявшее перед ней. Крупная женщина не улыбалась, но за ее обвиняющим выражением лица скрывалось озорство.

— О чем, ты босс?

Женщина всем своим немалым весом опустилась в кресло напротив стола Спарты, стола Эллен Трой.

— Прежде всего, дорогая, ты снова попыталась вырваться из-под моего контроля. Ты думаешь, сестра Арлин не знает, что происходит в ее собственном отделе?

Спарта резко покачала головой.

— Я ничего не скрываю. Я уже два года пытаюсь выбраться из-за этого стола. Так часто, как позволяют правила, я подаю заявление.

Стол, о котором шла речь, был одним из пятидесяти точно таких же в Департаменте Обработки Информации Следственного Отдела Комитет Комического Контроля, размещавшегося в здании из розового кирпича и голубого стекла с видом на Манхэттенскую Юнион-Сквер. Арлин Диас, была руководителем Департамента.

— Мы с тобой обе знаем, что человек, перенесший такую операцию как ты, не может даже мечтать об оперативной работе. Так почему же ты продолжаешь это делать, Эллен? Почему пытаешься попасть туда?

— Потому что я все еще надеюсь, что у кого-то наверху есть хоть капля здравого смысла, вот почему. Я хочу, чтобы меня судили по тому, что я могу сделать, Арлин. А не по тому, что есть в моем личном деле.

Арлин тяжело вздохнула. — Правда в том, что к физической форме оперативника предъявляются повышенные требования.

— Со мной все в порядке, Арлин. — Она позволила румянцу появиться на своих щеках. — Когда мне было шестнадцать, какой-то пьяница раздавил меня и мой скутер о фонарный столб. Да,

скутер на свалку. Но меня подлатали — это все отражено в файле.

— Ты должна признать, что это выглядит довольно странно, дорогая. Все эти комочки, провода и пустые места… — Арлин сделала паузу. — Мне очень жаль. Ты не знаешь, но такова политика — когда человек хочет перейти, его руководитель включается в состав комиссии. Я изучала твои снимки, дорогая, и не раз.

— Врачи, которые меня оперировали, сделали все, что могли. — Спарта казалась смущенной, словно извинялась за них. — Это были местные таланты.

— Они прекрасно справились, — сказала Арлин. — В клинике Майо[8] о таком и не слыхали, но, как ни странно, это работает.

— Ты так думаешь — Спарта изучающе посмотрела на своего босса из-под изогнутых бровей и насторожилась, — а что думают остальные в комиссии?

Когда Арлин ничего не сказала, Спарта улыбнулась. — Притворщица, это ты что-то скрываешь.

Арлин улыбнулась ей в ответ. — Поздравляю, дорогая. Мы здесь будем скучать по тебе.

Это было совсем не просто.

Нужно было снова пройти медосмотр, отрепетировать ложь и строго ее придерживаться, срочно подбросить фальшивые электронные документы, подкрепив их новыми историями. А потом — работа. Шестимесячная базовая подготовка следователя ККК была такой же строгой, как и у любого астронавта.

Спарта была умна, быстра, скоординирована, и она могла принять гораздо больше знаний, чем могли дать инструкторы (способность, которую она не раскрывала), но она не была физически сильной, и некоторые вещи, которые были сделаны с ней по причинам, которые она все еще пыталась понять, сделали ее очень чувствительной к боли и уязвимой к усталости. С самого первого дня было ясно, что Спарте грозит отчисление.

Стажеры-следователи не жили в казармах, они приходили на занятия, а после каждый отвечал сам за себя.

Спарта день проводила в учебных подразделениях на болотах Нью-Джерси, а вечером на магнитоплане обратно в Манхэттен, гадая, хватит ли у нее мужества вернуться на следующее утро. Эти поездки казались долгими из-за того что она видела из окна. Манхэттен был жемчужиной, окруженной болотами, в которые превратились некогда текущие реки, островом, окруженным отвратительными лачугами и разрушенными трущобами, дымящимися перерабатывающими заводами, которые

превращали человеческие отходы и мусор в углеводороды и утилизировали металлы.

Она с трудом выдержала испытания — электрические, тепловые, световые, шумовые, на центрифуге, —экстремальные испытания, от которых ей было необходимо защитить ее тонкие нервные структуры. Она проходила через полосы препятствий, курсы тяжелого вооружения, контактные виды спорта, где грубая сила других курсантов часто подавляли ее грацию и быстроту.

Измученная, вся в синяках, с горящими мускулами и растрепанными нервами, она, спотыкаясь, садилась в магнитоплан, плавно скользила сквозь огонь и дым Чистилища, поздно возвращалась в свой дом в Нохо и забиралась в постель в квартире, которую делила с тремя незнакомцами, которых редко видела.

Иногда ее одолевали одиночество и уныние, и тогда она плакала до тех пор, пока не засыпала, гадая, зачем она все это делает и как долго еще сможет это делать.

Если бы она не была уверена, что получение диплома следователя даст ей возможности и свободу, для того чтобы узнать то что ей нужно, ее решимость переносить мучения быстро рухнула бы.

Ночью были сны. За целый год она не нашла надежного способа контролировать их. Они начинались довольно невинно с какого-нибудь фрагмента далекого прошлого, с лица ее матери — или с непосредственного прошлого, с какой-нибудь недавней встречи, а затем они переходили в темные коридоры бесконечного здания, с неясной целью, которую нужно было достичь, а если она этого не сделает, то умрет — и тогда появились цветные огни, они мягко несли ее куда-то, и буйство запахов охватывало ее.

По воскресеньям у стажеров был выходной. Спарта обычно проводила время, прогуливаясь по Манхэттену, от Бэттери до Бронкса, даже в дождь, мокрый снег и ветер.

Хотя она и не была сильной, но все же была крепкой. Двадцать пять миль в день не были для нее чем-то необычным. Она двигалась, чтобы разгрузить разум от сосредоточенных мыслей, от необходимости планировать, находить, и хранить данные. Периодический умственный отдых был необходим для того, чтобы избежать перегрузок и срывов.

По первоначальному замыслу, проект «Спарта» не должен был использовать искусственные мозговые имплантаты. Но когда к проекту подключились правительственные структуры, проект изменился; внезапно появилось гораздо больше студентов, и

новой разнообразной аппаратуры.

Спарта тогда была еще подростком, и поначалу ей не показалось странным, что она стала меньше видеть своих родителей и общаться с другими детьми. Однажды отец вызвал ее к себе в кабинет и объяснил, что ее отправят в Мэриленд для проведения ряда правительственных экспертиз. Он пообещал, что они с матерью обязательно будут приезжать в гости так часто, как это будет возможно. Отец был очень напряжен, прежде чем она вышла из комнаты, он крепко, как-то отчаянно, обнял ее, но ничего не сказал, кроме невнятных «до свидания» и «мы любим тебя». Мужчина с рыжими волосами все это время он находился в офисе и наблюдал за происходящим. О том, что было дальше, ее память все еще была фрагментарной. Там, в Мэриленде, они сделали гораздо больше, чем просто проверили ее, но многое из того, что они сделали с ее мозгом, она поняла только недавно. То,что они сделали с ее телом, ей еще полностью не было ясно.

Спарта шагала по просторному Парк-Авеню к Большой Центральной Оранжерее. Стояла ранняя весна, день был солнечный и теплый. Вдоль аллеи тянулись ряды вишневых деревьев в полном цвету, их благоухание было очень сильным, розовые лепестки, словно ароматное конфетти, падали на сверкающую эспланаду. Блестящие стекло и сталь, гладкий бетон и отполированный гранит поднимались вокруг нее; вертолеты тарахтели по воздушным трасам между вершинами небоскребов, автобусы и редкие полицейские машины с шумом проносились мимо по гладкому дорожному покрытию. Магнитопланы уверенно гудели вдоль тонких стальных рельсов, удерживаемых в воздухе на высоких пилонах, в то время как причудливые старые электрические вагоны метро, окрашенные в веселые цвета, грохотали и визжали под ногами Спарты, видимые сквозь блоки стеклянной мостовой.

В начале века Манхэттен был объявлен федеральным демонстрационным центром — «Национальным парком небоскребов», как сказали бы циники. Остров был окружен смрадными промышленными предприятиями и зловонными пригородами. А улицы образцового города были переполнены людьми холеными, красочно и дорого одетыми, со счастливыми лицами.

В федеральных демонстрационных центрах бедность была преступлением, караемым переселением.

Спарта не была в числе веселых. До сдачи, или провала, ее спортивно-тренировочной программы оставалось еще два месяца. После этого физическое напряжение должно уменьшиться, и

наступит черед предметов, требующих работы головой.

Но сейчас она находилась на грани отчисления. Впереди еще шестьдесят утомительных дней. В этот момент она почувствовала, что может этого не выдержать.

Приближаясь к парадным садам торгового центра на 42-й улице, она заметила идущего следом мужчину. Она задалась вопросом, как долго это продолжалось, она была намеренно отключена, ходила в полутрансе. Он мог быть кем-то из учебного отдела, проверяющим ее. Это необходимо было выяснить.

Собравшись, она, остановилась у цветочного киоска, поднесла к носу букет желтых нарциссов. Их пьянящий растительный запах взорвался в ее мозгу. Она смотрела сквозь них, закрыв один глаз, его пристальный взгляд был направлен внутрь…

Красивый молодой человек с явными китайско-ирландского чертами, с высокими скулами, мягкими темными глазами и россыпью веснушек. Густые темно-рыжие волосы, подстриженные по моде, одет в стильную, блестящую черную куртку. Выглядел он странно неловким и неуверенным.

Как только она остановилась у цветочного киоска, он заколебался, и на мгновение ей показалось, что он собирается подойти и что-то сказать. Вместо этого он повернулся и сделал вид, что изучает витрину ближайшего магазина. Это был магазин одежды, где продавалось дорогое женское нижнее белье. Когда он понял, на что смотрит, его кожа побледнела под веснушками.

Она узнала его сразу, хотя в последний раз, когда они виделись, он выглядел совсем по-другому — ему было тогда всего шестнадцать лет, у него было еще больше веснушек, а его коротко остриженные волосы были еще рыжее. Его звали Блейк Редфилд. Он был на год моложе ее, и он был самым близким к ней по возрасту учеником в «Спарте» начального периода.

Было видно, что он еще не уверен, что узнал ее. В отличие от девушки, которую она напоминала ему, чьи волосы были длинными и каштановыми, Эллен Трой была светло-русой блондинкой с прямой и короткая стрижкой, с голубыми глазами и полными губами. Но, несмотря на эти поверхностные изменения, строение лицевых костей Эллен не изменилось, да и не могло быть безопасно изменено, так что в значительной степени Эллен все еще напоминала девушку, которую звали Линда.

К счастью, Блейк Редфилд был таким же застенчивым, как всегда, слишком застенчивым, чтобы подойти к незнакомой женщине на улице.

Спарта расплатилась с продавщицей цветов, взяла нарциссы

и пошла дальше. Она настроила свой слух на шаги Блейка, избирательно выделяя характерный щелчок, щелканье его каблуков из сотен других шлепков, постукиваний и шарканья, которые прокатывались вокруг нее. Необходимо было оторваться от него, но так (это важно), чтобы он не понял, что его узнали. Прогуливаясь так же бесцельно, как и прежде, она прошла под арками Большой Центральной Оранжереи.

В последний раз, когда она была в оранжерее, пейзаж состоял из песка и камней, а вдалеке поднимались пустынные вершины, но в этом месяце тема была тропической. Со всех сторон к высокому потолку тянулись пальмы и лиственные деревья, а сверху спускались кружевные занавеси из виноградных лоз и орхидей. Панорамная голограмма Истмана Кодака[9] создала иллюзию — джунгли уходили в туманную даль к водопадам.

В оранжерее было много людей, но большинство из них находились на антресолях, глядя сверху на лесные галереи или прогуливаясь по широким дорожкам, окружавшим центральный лес.

Спарта помедлила, а затем не торопясь направилась к деревьям. Толстый ковер из листьев на полу приглушал крики обезьян и визг попугаев над головой. Она сделала несколько шагов в зеленую тень, а затем, даже без усиления звука, отчетливо услышала шаги Блейка на тропинке позади себя.

Еще один случайный поворот на узкую тропинку за ширмой из виноградных лоз, толстых и запутанных, как щупальца гигантского кальмара… Шаги Блейка были неуверенными, но он все же повернул и пошел по ее следу.

Еще один поворот, за блестящими темными листьями, такими же большими, как слоновьи уши, в честь которых они были названы, но более жесткими, как мертвая, высохшая кожа. Еще один поворот между коленями раскинувшегося баньяна. Внезапно она наткнулась на устрашающий водопад, который беззвучными потоками низвергался в сверкающее внизу ущелье. Блейк все еще приближался — но нерешительно.

Настоящий грохот водопада был приглушен, но реалистичный туман плыл из разбрызгивателей высоко в стенах, невидимых за голографической проекцией. Обзорная площадка с простыми бамбуковыми перилами, в настоящее время безлюдная, находилась на краю огромного иллюзорного ущелья, в которое устремлялась вода. Спарта присела на корточки у ствола дерева, не зная, что делать. Она надеялась, что Блейк Редфилд потеряет ее след в дождевом лесу, но от него оказалось не так легко отделаться. Она перенастроила свой слух от Блейка на высокочастотный гул проекционной системы голограммы

«Кодак». Схема глубинного фокуса была установлена где-то на стене в нескольких футах от нее. Форма электрических импульсов давала ей грубое приближение к его программе, но у нее не было физического доступа к центру управления — затем ее охватило тревожное ощущение, распространяющееся от середины тела вверх через грудь к рукам. Ее живот начал гореть. Ощущение было странным и в то же время знакомым. Несколько месяцев назад, изучая свои собственные снимки, она увидела под диафрагмой похожие на листы структуры и заподозрила, что знает, что это такое — мощные полимерные батареи, но не могла вспомнить, как их использовать и даже для чего они предназначены. Внезапно, в ответ на ее бессознательное требование, память вернулась. Она вытянула вперед руки. Ее лицо стало застывшей маской.

Данные каскадом хлынули через ее лобные доли — она послала порцию инструкций в сердце процессора управлявшего голограммой. — На нее обрушились тонны фальшивой воды и стала видна натуральная полированная мраморная стена старого вокзала. Она опустила руки, расслабила транс и подошла к фальшивым бамбуковым перилам смотровой площадки, которые стояли на полу менее чем в трех футах от стены. Над ней мерцали желтым, голубым и пурпурным светом голографические проекторы. Она обернулась и посмотрела на деревья джунглей, их не было видно, ничего нельзя было разглядеть. — Она находилась внутри проекции анимированной голограммы, но если ее посланные инструкции сработали, то видимый край этого глубокого ущелья теперь должно быть в конце тропинки, прямо перед деревьями…

Блейк вышел из джунглей, сделал два шага к ней и остановился, глядя мимо ее головы на потоки падающей воды. Его глаза следили за тем, как вода падает в ущелье. Она стояла спиной к перилам. Еще шаг — и она могла бы дотронуться до его красивого, дружелюбного, веснушчатого лица, если бы смогла его увидеть. Смятая пачка жевательной резинки лежала на полу между ними, там, где он видел туман каньона. На него падал свет из окон оранжереи и от проецируемой пенящейся воды голограммы. Между ними не было ничего, кроме пачки жевательной резинки и этого бестелесного света.

Она вспомнила что он ей когда-то нравился, хотя в том возрасте ее не очень интересовали младшие — ей было семнадцать лет, а ему всего лишь шестнадцать, — и она, вероятно, не очень хорошо умела выражать простые чувства. Теперь же, просто зная, что она существует, он мог уничтожить ее.

Блейк провел рукой по своим каштановым волосам, затем, ошеломленный, повернулся и ушел в джунгли. Спарта нырнула под перила. Она прошла вдоль гладкой мраморной стены, вышла из-за водопада и исчезла в переполненном проходе, ведущем к Мэдисон-авеню.

Блейк Редфилд остановился среди деревьев и оглянулся на бурлящую воду. Он был продуктом ранней «Спарты», чистой «Спарты», до того как она была распущена. С его физической природой никто не возился, было только одно воспитание. У него не было ни глаз с зум-объективом, ни настраиваемых ушей, ни увеличенной оперативной памяти в черепе, ни хитиновых шипов под ногтями, ни батареи в животе, ни антенн, обмотанных вокруг костей.

Но он был очень умен, достаточно умен, чтобы сразу же узнать Линду, достаточно умен, чтобы сразу же понять, что она не хочет быть узнанной. И он был достаточно любопытен, чтобы задаться вопросом, почему.

До сегодняшнего дня он был почти уверен, что она умерла…

Поэтому он следовал за ней, пока она не исчезла. Он не совсем понимал, как ей это удалось, но знал, что это было сделано намеренно. Он уже давно гадал, что же с ней стало. Теперь же он задался вопросом, насколько трудно будет это выяснить.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
«Семь столпов мудрости».

5

В последней половине 22—го века небо становилось все более переполненным, от уровня земли вплоть до космоса, пока маленькая Земля не оказалась окружена, как гигантский Сатурн ледяными кольцами, — машинами и транспортными средствами. Электростанциями, которые преобразовывали солнечный свет в электричество и излучали его в виде микроволн на антенные фермы в Аравии, Монголии, Анголе и Бразилии. Заводами, использующими солнечный свет для выплавки металла из лунного песка и захваченных астероидов, и для добычи алмазов из метеоритов.

Были фабрики которые использовали добытые в космосе материалы для для изготовления идеальных шарикоподшипников, для приготовления идеальных антибиотиков, для экструдирования идеальных полимеров.

Были роскошные терминалы для обслуживания межпланетных лайнеров и развлечения их богатых пассажиров, а также орбитальные верфи для рабочих судов.

Здесь была дюжина верфей, две дюжины научных станций, сотня метеорологических спутников, пятьсот спутников связи, тысяча шпионских спутников.

По международному договору все виды оружия с дальностью действия более одного километра были запрещены в космосе, включая ракеты, рельсовые и лучевые пушки, всевозможные устройства направленной энергии и даже взрывающиеся спутники.

Тысячи объектов, вращающихся вокруг Земли, были по существу ничем иным, как просто большими мешками лунных камней, они предназначались для уничтожения орбитальных объектов противника простым столкновением, хотя подразумевалась возможность уничтожения целого города на Земле с помощью управляемого искусственного метеорита.

На большей части вращающейся планеты, сохранялось шаткое равновесие. Северный Континентальный Союз, состоящий из русских, европейцев, канадцев и американцев, обычно называемый Евро-американским, уже много лет был в хороших отношениях со Сферой Лазурного Дракона, — японо-китайско-арабский мир. Вместе промышленные конгломераты сотрудничали в строительстве станций на внутренних планетах или вокруг них, и в Мэйнбелте. Латино-африканцы и индо-азиаты имели свои собственные станции и основали небольшие поселения на двух

спутниках Юпитера. Колонизация Солнечной системы одновременно обострила и, как это ни парадоксально, ослабила земное соперничество: соперничество действительно было, но ни одна группа не хотела рисковать своими коммуникационными линиями.

Освоение космоса — дело дорогое, но в самом начале этого столетия экономический перевал был пройден.

Ядерные технологии переместились в свою наиболее подходящую сферу — космос; принципы были достаточно просты и легки в освоении. Частные компании смогли позволить себе выйти на рынок межпланетных перевозок. Вместе с грузоотправителями появились верфи, доки, рабочие.

Верфь Фаларон, одна из первых, вращалась вокруг Земли на высоте двухсот пятидесяти миль. В настоящее время единственным судном на верфи было старое атомное грузовое судно, прошедшее капитальный ремонт — новая активная зона реактора, новые сопла главного двигателя, отремонтированные системы жизнеобеспечения, новая краска внутри и снаружи. Когда все работы будут закончены, корабль должен был вновь вступить в строй и получить новое, довольно величественное название: «Стар Куин».

Огромные атомные двигатели были установлены и испытаны.

Рабочие в скафандрах с плазменными горелками монтируют новые трюмы — большие цилиндры, которые крепятся к тонкой центральной шахте корабля под сферическим модулем экипажа. [10]

Кабинет владельца верфи. Мерцание и яркий свет горелок за окнами создают в нем пляску теней.

Молодой Никос Павлакис, рогатая тень, отбрасываемая его усами, делает его облик демоническим:

— Будь ты проклят, лжец, вор, Димитриос! Ты неоднократно уверял, что все идет по графику, все находится под контролем. Никаких проблем, никаких проблем, ты же сам мне говорил! А теперь заявляешь, что мы опоздаем на месяц, если я не буду готов нести расходы на сверхурочные!

— Мой мальчик, мне ужасно жаль, но мы беспомощны в руках профсоюза рабочих. — Димитриос развел руками, демонстрируя свою беспомощность, хотя на его широком морщинистом лице было трудно найти сожаление. — Вы не ждите, что я возьму все расходы на себя.

— И сколько ты с этого будешь иметь? Десять процентов? — Пятнадцать? Какова твоя комиссия за помощь в ограблении своих друзей и родственников?

— Как у тебя язык поворачивается говорить такие вещи мне,

Никос?

— Легко, старый вор.

— Я качал тебя на коленях, как если бы ты был моим собственным крестником! — возразил старик.

— Димитриос, я знаю тебя с десяти лет, хорошо знаю, я не слепой, как мой отец.

— Твой отец не слеп. Не сомневайся, я сообщу ему об этой клевете. Возможно, тебе лучше уйти, пока я не потерял терпение и не выкинул тебя в вакуум.

— Я подожду, пока ты позвонишь, Димитриос. Я бы хотел бы услышать, что ты ему скажешь.

— А ты думаешь, я этого не сделаю? — Крикнул Димитриос, и лицо его потемнело.

Но он не сделал ни малейшего движения, чтобы дотянуться до связи. Великолепный угрюмый взгляд. Лоб — достойный Пана. [11]

— У меня седые волосы, сын мой. У тебя каштановые. За сорок лет у меня…

— Другие верфи выполняют свои контракты, — нетерпеливо прервал Павлакис — А почему мой собственный двоюродный брат моего отца такой некомпетентный? Или это нечто большее, чем просто некомпетентность?

Димитриос перестал изображать эмоции. Его лицо застыло. — Есть еще кое-что, о чем в контракте не написано, маленький Никос.

— Димитриос, ты прав — ты уже старик, и мир изменился. Сейчас семья Павлакисов управляет судоходной компанией. Мы больше не контрабандисты. Мы не пираты.

— Ты обижаешь свою собственную фа…

— Мы можем заработать на этом контракте с «Иштар Майнинг Корпорейшн» больше денег, чем ты за все эти годы мелкого воровства, — сердито крикнул Павлакис. — Но для этого «Стар Куин» должна быть готова вовремя.

Некогда мощная фирма Павлакисав в данный момент попала в отчаянное положение: из четырех межпланетных грузовых кораблей у них осталось одно, которое теперь стояло на верфях. Об этом было известно обоим.

Поэтому Димитриос чувствовал свою силу. — Научи меня, молодой господин — ядовито сказал старик дрожащим голосом. — Как в этом новом мире можно убедить рабочих работать сверхурочно без дополнительной оплаты.

— Слишком поздно, не так ли? Ничего не изменишь? Но ведь ты же сам об этом позаботился.

Павлакис подошел к окну и стал наблюдать за вспышками

плазменных факелов. Он заговорил, не глядя на старика:

— Очень хорошо, продолжай в том же духе, пока бери столько взяток, сколько сможешь, седовласый. Это будет последняя работа, которую ты сделаешь для нас. А кто еще тогда будет иметь с тобой дело?

Димитриос вздернул подбородок, отпуская его.

В тот же день Никос Павлакис сел на удобный трансфер до Лондона. Он сидел, проклиная себя за то, что потерял самообладание. Пока корабль с воем снижался в атмосфере по направлению к Хитроу, Павлакис держал на костяшках пальцев нитку янтарных бусин. Он вовсе не был уверен, что отец поддержит его против Димитриоса, двоюродные братья прошли долгий путь, и Никос даже не хотел думать о том, что братья творили вместе в первые, слабо регламентированные дни коммерческого космического судоходства. Возможно, его отец не смог бы освободиться от Димитриоса, даже если бы захотел.

Конечно, все изменится, когда Никос возглавит фирму, конечно если фирма не рухнет раньше, чем это произойдет.

Между тем никто не должен знать истинного положения дел в компании, иначе все рухнет немедленно.

Бусинки щелкнули, когда Никос пробормотал молитву, о том чтобы его отец наслаждался долгой жизнью. — В отставке.

Встреча с Димитриосом была ошибкой, нужно было сначала утвердиться в своей позиции, но теперь отступать было нельзя. Ему придется поставить на стройку людей, которым он может доверять, чтобы они проследили за завершением работ.

И — это был более деликатный вопрос — он должен был сделать все возможное, чтобы отодвинуть срок старта.

Грузовые суда, к счастью, отправлялись на планеты не каждый месяц; найти место для такого огромного груза, как эта партия роботов от «Иштар Майнинг Корпорейшн», было непросто. Задержка старта «Стар Куин» на Венеру это не самое благоприятное начало нового контракта, но если повезет, то она не будет фатальной.

Возможно, нужно неофициально поговорить с Сандрой Сильвестр, главным исполнительным директором Иштар, прежде чем обсуждать ситуацию с отцом.

Продумывая свои аргументы, Павлакис направлялся в Лондон.

В это время миссис Сандра Сильвестр летела по темному, затянутому тучами небу к западу от Лондона, на служебном вертолете «Роллс-Ройс» в сопровождении румяного простого парня по имени Артур Гордон, который, даже не предложив ей, прихлебывал шотландский виски из фляжки (чистое

серебро), достав ее из бара утопленного в перегородке.

Гордон возглавлял оборонное производство в «Роллс-Ройсе», ему очень нравилась пассажирка — высокая, темноглазая, в элегантном черном шелковом костюме и сапогах. Вертолет, в котором находились только они вдвоем, летел к армейскому полигону на равнине Солсбери.

— К счастью для нас, армия была готова помочь, — сказал Гордон порывисто. — Откровенно говоря, ваша машина представляет для них большой интерес — они донимают нас подробностями с тех пор, как мы взялись за изготовление. Конечно, я не дал им ничего из ноу-хау, — сказал Гордон, глядя на нее круглыми карими глазами поверх серебряной фляжки. — А официальные контакты с нами они посчитали нежелательными, так что никаких неприятностей не было.

— Не могу себе представить, чтобы армия планировала маневры на поверхности Венеры, — заметила Сильвестр.

— Благослови меня Господь, я тоже не могу, ха-ха. — Гордон сделал еще один глоток из фляжки. — Но я полагаю, что они думают, что машина, которая сможет работать в таком аду, может легко сделать это и в обыденном земном разнообразии.

Двумя днями ранее Сильвестр прибыла на завод, чтобы осмотреть новые машины, разработанные по спецификациям Иштар Майнинг Корпорейшн и практически сделанные вручную на «Роллс-Ройсе». Они выстроились по стойке смирно, ожидая ее появления.

Безупречно чистый заводской цех, шестеро сидят на корточках, как огромные рогатые жуки. Сильвестр тщательно осмотрела каждого по очереди, видя свое стройное отражение в их отполированных зеркальных боках из титановых сплавов. Гордон и его менеджеры стояли переговариваясь.

Сильвестр повернулась к мужчинам и сказала, что прежде чем осуществить приемку, она хочет увидеть одного из роботов в действии. В самом деле, бесполезно тащить этого монстра на Венеру, если он не справится с задачей на Земле.

Люди из «Роллс-Ройса» обменялись понимающими взглядами и уверенными улыбками. — Нет проблем.

Им потребовалось совсем немного времени, чтобы все подготовить.

Вертолет накренился и начал снижаться.

— Похоже, мы уже прибыли, — сказал Гордон. — Если посмотришь в окно слева , то увидишь Стоунхендж.

Без излишней спешки он завинтил крышку серебряной

фляжки с виски и, вместо того чтобы вернуть ее в бар, сунул в карман пальто. Вертолет опустился на продуваемую ветром пустошь, где по стойке смирно стоял отряд солдат в боевой форме, их камуфляжные штаны развевались на коленях, как флаги на сильном ветру. Гордон и Сильвестр вышли из вертолета. К ним подошла группа офицеров.

Лейтенант-полковник, самый высокопоставленный из них, быстро шагнул вперед и склонил голову в резком поклоне. — Лейтенант-полковник Гай Уизерспун, мадам, к вашим услугам.— Он произнес это как «лефтенант».[12]

Она протянула ему руку, и он крепко пожал ее. У нее сложилось впечатление, что он предпочел бы отдать честь. Лейтенант-полковник повернулся и пожал Гордону руку. — Чудесное чудовище вы тут построили. Ужасно мило с вашей стороны, ребята, что вы позволили нам посмотреть. Позвольте представить вам моего адъютанта, капитана Рида.

Снова рукопожатия.

— Вы будете делать видеозапись этих испытаниях, полковник? — Спросила Сильвестр.

— Мы это планируем, миссис Сильвестр.

— Я не возражаю против того, чтобы об этом стало известно армии, но пока эта информация строго конфиденциальна. Иштар — не единственная горнодобывающая компания на Венере, полковник Уизерспун.

— Само собой. Арабы и япош… хм, то есть японцы — не нуждаются в нашей помощи.

— Рада, что армия это понимает. — Сильвестр откинула с ее красных губ выбившуюся прядь длинных черных волос. У нее было одно из тех лиц, которые невозможно было определить — кастильское? венгерское? — и точно так же невозможно было не заметить или забыть. Она тепло улыбнулась молодому офицеру с рыжеватыми усами, подпоясанному ремнем.

— Мы благодарны вам за сотрудничество, полковник. Пожалуйста, начинайте, если готовы.

Правая рука полковника метнулась к козырьку фуражки, его желание отдать честь оказалось неудержимым.

Он мгновенно отвернулся и рявкнул приказы ожидавшим его солдатам.

Машина, которую предстояло испытать, выбранная Сандрой наугад из шести находившихся на заводе, вчера была доставлена на испытательный полигон по воздуху, сейчас она стояла на краю грунтовой площадки. Шесть суставчатых ног удерживали его живот всего в нескольких дюймах от Земли, — массивный зверь, его спина была на уровне головы человека.

Два солдата в белых костюмах с капюшонами и лицами закрытыми прозрачными щитками спокойно стояли возле машины; на их комбинезонах были ярко-желтые знаки радиационной опасности.

Торчащие электромагнитные датчики, в глазницах алмазные линзы, силуэт на фоне стремительно несущихся черных облаков напоминающий большого дальневосточного краба или жука, — неудивительно, что вид машины поразил воображение вояк.

— Капитан Рид, приступайте.

Пара в белых костюмах поспешила к грузовику, обклеенному желтыми предупреждениями о радиации, и открыла задние двери. Они извлекли металлический цилиндр — длиной с метр, который медленно и осторожно поднесли к роботу, а затем погрузили в брюшко металлического насекомого.

Тем временем полковник Уизерспун подвел Сильвестр и Гордона к ряду кресел, установленных на краю полигона и защищенных от пронизывающего ветра пластиковыми стеклами.

Маленький наблюдательный пост смотрел на север с невысокого гребня в широкую неглубокую долину. Гребни холмов с обеих сторон были изрыты дотами, а земля вокруг была изрыта копытами лошадей, колесами орудий, гусеницами танков и солдатскими сапогами.

Пока они ждали, Сильвестр отклонила предложение Гордона глотнуть из его фляжки.

В течение нескольких секунд робот был заправлен и настроен.

Солдаты отошли далеко назад. Уизерспун подал сигнал, и капитан Рид принялся манипулировать рычажками и кнопками крошечного пульта управления, который держал в левой руке.

На экране пульта управления Рид мог видеть то же, что и робот, — обзор составлял почти двести градусов. Картина была странно искажена, — искажение, запрограммированное для компенсации свойств атмосферы Венеры.

Через несколько мгновений карбоновые ребра охлаждения на спине робота начали светиться — сначала тускло-оранжевым, затем ярко-вишневым и, наконец, жемчужно-белым. Робот приводился в действие высокотемпературным ядерным реактором, охлаждаемым жидким литием. Столь большая температура охлаждающих ребер была чрезмерной на Земле, но нормальной для охлаждения на Венере, температура поверхности которой составляет четыреста семьдесят градусов по Цельсию.

Запах горячего металла донесся до них через плоскую, продуваемую ветром землю. Уизерспун повернулся к своим

гостям. — Робот полностью готов к работе, Миссис Сильвестр.

Она склонила голову набок. — Может быть, у вас есть собственный план демонстрации, полковник?

Он кивнул. — С вашего разрешения, мэм, для начала, неуправляемое перемещение по местности в соответствии с сохраненными спутниковыми картами. Цель — гребень того далекого хребта.

— Начинайте, — сказала Сильвестр, и ее губы изогнулись в предвкушающей улыбке.

Уизерспун подал знак своему адъютанту. Взвыли моторы — робот ожил. Он поднял свою увенчанную радиатором голову с антеннами. Его шесть суставчатых, титановых ног были снабжены шасси из жаропрочной молибденовой стали и титанового сплава. Ноги были предназначены для перемещения по местности, более дико неровной, чем та, что можно было найти в Англии или где-либо еще на Земле.

Он двигал ногами с замысловатой и поразительной быстротой, и когда он рванулся вперед, повернул, а затем нырнул вниз по склону холма, на земле солсберийской равнины был оставлены новые следы.

Гигантский металлический зверь несся вперед, поднимая за собой шлейф пыли, который сносило на восток, словно пыльный дьявол, мчащийся через пустыню.

Для какого-то забытого упражнения в военном искусстве по всей ширине долины были вырыты рвы, а за ними навалены валы; робот безостановочно несся через траншеи, переваливал через подъемы, грохоча прямо вверх по долине.

Серые скал преградили ему путь к цели. Робот обогнул отвесные скалы, нашел, где склон был не слишком крутым, лавировал, находя проход среди трещин и выступов камня.

Через несколько мгновений он достиг своей цели — ряда бетонных дотов на гребне. Там он остановился.

— Эти огневые точки были построены в девятнадцатом веке, Миссис Сильвестр, — сообщил ей Уизерспун. — Полтора метра железобетона. Армия сочла их ненужными.

— Буду рада, если вы приступите ко второй части вашей демонстрации, только жаль, что мне плохо видно.

— Капитан Рид! Сюда, — приказал Уизерспун.

Рид расположил свой пульт управления так, чтобы все могли видеть изображение робота на экране.

— И пожалуйста, возьмите это, мэм. — Уизерспун протянул ей тяжелый бинокль, обтянутый липким черным пластиком.

Бинокль был с электромагнитной стабилизацией, с селективной фильтрацией излучения и улучшением изображения.

Когда она поднесла его к глазам, она увидела робота так близко, как будто стояла от него на расстоянии трех метров, хотя перспектива была заметно плоской и графической. — Он присел, огненный жук, безжалостный, перед приземистым бункером.

Робот должен был делать нечто большее, чем просто передвигаться по поверхности Венеры. Это был геологоразведчик и шахтер, он был оборудован для поиска и анализа образцов минералов а, когда натыкался на руду коммерческой ценности, то добывал и частично перерабатывал ее, подготавливая для дальнейшей обработки другими машинами и последующей транспортировки за пределы планеты.

— Вперед, полковник, — сказала Сандра.

Уизерспун подал сигнал, и Рид принялся манипулировать рычагами управления. Острый алмазный нос и когти робота врезались в старый бункер. Ржавчина и серая пыль поднялись облаком. Робот вгрызся в бункер, вгрызся в стены, а когда сверху обрушилась крыша, прогрыз ее насквозь. Он вгрызался в пол, в его пасти исчезли железные орудийные установки и перила, а также резиновые, стальные и медные кабели, и даже содержимое канализационных коллекторов, забитых древним содержимым. Вскоре от бункера не осталось ничего, кроме углубления в склоне холма.

Робот перестал работать. Позади себя он оставил аккуратные груды — блестящее железо, красноватую медь, обожженный кальций.

— Отлично, — сказала Сильвестр, передавая бинокль Уизерспуну. — А что дальше?

— Мы подумали, возможно, дистанционное управление движением? — предположил офицер.

— Замечательно. Можно я сама попробую?

— С большим удовольствием. — Уизерспун сделал Риду знак рукой, и тот передал Сандре пульт управления. Она с минуту изучала его, а Гордон наклонился к ней и поясняюще бормотал что-то вроде «вперед-назад», — но ее пальцы уже колдовали над пультом управления.

Робот, светящаяся точка, если смотреть невооруженным глазом, метнулся назад, прочь от бывшего бункера. Он развернулся и направился вниз по склону, прямо к ним.

Она намеренно направила его к очень крутому склону. На самом краю обрыва робот отказался идти дальше.

Она не отменила приказ, и робот, поразмыслив немного, нашел выход: он начал выгрызать из-под себя выступ скалы. Сильвестр рассмеялась, увидев, как он формирует себе спуск к подножию утеса.

Машина на полной скорости мчалась к их позиции, по красной земле, становясь все внушительнее по мере приближения, оставляя за собой пыль и колеблющиеся столбы жара. Сандра повернулась к Уизерспуну, в ее глазах бушевало пламя. — Перегрев!

— Ну… (Полковник даже запнулся от ее азарта.) это мы предусмотрели. — Он указал на длинную траншею, расположенную на севере, на полпути к вершине холма. — Фосфор. Все, что смогли сделать за такой короткий срок. Нужно просто направить машину туда.

Она снова склонилась к пульту управления. Робот свернул к траншее. Когда он приблизился, траншея внезапно вспыхнула ослепительным белым светом. Сверкающие фонтаны свистящего, шипящего пламени взметнулись высоко в воздух. Не останавливаясь, робот бросился в самую гущу ада. Там он и остановился.

Он лежал там, его собственные радиаторы мерцали сквозь огонь. Через несколько долгих секунд костер затих. По приказу Сандры робот повернулся, и взобрался прямо на гребень холма.

Солдаты скучали на своих позициях, когда металлический Джаггернаут[13] поднялся над гребнем и понесся на них. Когда огненный жук оказался в нескольких метрах от них, Сандра убрала руки с пульта управления. Робот остановился, весь сверкая.

— Отличная работа, полковник — сказала Сильвестр, отдавая управление Уизерспуну. Она снова откинула длинные волосы с глаз. — Мистер Гордон, мои поздравления «Роллс-Ройсу».

Когда вечером Сильвестр добралась до гостиницы, портье сообщил ей, что в холле ее ждет некий мистер Никос Павлакис. Она застала его врасплох, сгорбившимся над стойкой бара. Его большие плечи натянули тесный пиджак, перед ним стоял стакан с водой и рюмка с мутным узо[14], взгляд уткнулся в тарелку с арахисом.

Она улыбнулась, когда он пробормотал что-то, что она приняла за приглашение выпить.

— Мне ужасно жаль, Мистер Павлакис, но у меня был очень напряженный день, и еще предстоят дела. Если бы ты предварительно позвонил…

— Прошу прощения, дорогая леди, — он поперхнулся, проглотив арахис — по дороге в Викторию, произошла неожиданная задержка. Я подумал, что мне понадобится минутка, чтобы догнать тебя. Но в это время…

— Пока нет никаких задержек в утвержденном графике

работ тебе не нужно отчитываться передо мной.

У него было очень выразительное лицо, и Сандра могла бы поклясться, что его усы обвисли, а волосы стали менее волнистыми. Ее собственное лицо посуровело.

— В чем проблема, Мистер Павлакис?

— Нет проблем, уверяю вас. Все будет готово вовремя. Нет проблем. Просто возникли некоторые дополнительные расходы.

— Но ведь это проблема.

— Это наша проблема, дорогая леди. Не ваша.

Он улыбнулся, показав прекрасные белые зубы, но глаза оставались серьезными.

Сильвестр внимательно посмотрела на него.

— Тогда ладно. Если на самом деле нет никаких проблем, пожалуйста, телеграфируй мне завтра, сюда в отель, подтвердив намерение начать погрузку груза через две недели, как и было условлено.

Когда он мрачно кивнул, добавила:

— А до тех пор разговоров не будет.

— Спокойной ночи, дорогая леди, — пробормотал Павлакис ей вслед.

6

Лондон в новом столетии выглядел не так хорошо, как Манхэттен: он был таким же тесным и почерневшим от копоти, как всегда, так же сильно пестрым из-за различий в акценте, цвете кожи, классе.

Квадратное черное такси выехало из элегантных кирпичных таунхаусов и хитроумных перестроенных каретных сараев на причудливых конюшнях в район, осыпающихся фасадов.

Погода была такой же скверной, как и всегда, с серыми пузатыми облаками, испускающими мелкую морось, и редким речным туманом, приносящим в равной степени романтику и респираторные заболевания.

Тем не менее Сандре Сильвестр нравилось этот город — пусть и не так сильно, как Париж или Флоренция, которые еще меньше изменились по сравнению с прежними, но все же Лондон ей нравился гораздо больше, чем Нью-Йорк, который уже не был настоящим. Живя в Порт-Геспер[15] — Венера, Сильвестр десять месяцев в году наслаждалась искусственной роскошью; когда она совершала свое ежегодное путешествие на Землю, ей хотелось именно вот этого — грязи с глянцем, шума с музыкой, кислого со сладким.

Такси остановилось на Нью-Бонд-Стрит. Сильвестр сунула карточку в щель счетчика такси, открыла дверцу, ступила на влажный тротуар, поправила шелковую юбку и поплотнее натянула шиншилловое пальто, защищаясь от липкого тумана. Карточка выскочила, и механический голос произнес: «премного благодарен, мэм».

Она протолкалась через толпу на тротуаре и вошла в здание, кивнув розовощекому молодому сотруднику у двери, который улыбнулся в ответ, узнав ее, вошла в тесный аукционный зал, где проходили торги книгами и рукописями. Она была здесь, еще вчера днем, когда приходила посмотреть сегодняшние предложения. На продажу выставлялись фрагменты двух частных коллекций, одна из которых принадлежала недавно скончавшемуся Лорду Ланселоту Куэйлу, а другая была анонимной. Эти две коллекции были разбиты на сотню лотов — большинство из них не представляло особого интереса для Сандры.

Хотя она пришла рано, комната уже начала заполняться людьми. Она села на складной стул в центре комнаты и стала ждать. Это было похоже на раннее посещение церкви. Справа от нее находилось небольшое помещение, в которое

трудно было заглянуть с ее позиции; там часто сидели участники торгов, предпочитавшие анонимность. Старейшие книготорговцы — Мэгг, Блэкуэлл, Кворич — уже заняли свои традиционные места за столом перед трибуной.

Первые ряды складных стульев были заняты крикливо одетыми людьми, чье поведение нельзя было назвать достойным. Все эти прихорашивания и болтовня! Конечно же их попросят уйти, если они продолжат так шуметь.

То была веселая компания леди Адастры Малипенс, новой кинодивы. Недавно Би-би-си сняло супербоевик о Нероне. Это было еще то зрелище, самая настоящая эпопея! Не говоря уже о своевременной рекламе:

> «Би-би-си. «Пока горит Рим» — с участием леди Адастры Малипенс, бывшей модели. — Ее актерский дебют.
>
> В одной из сцен появляется Леди Малипенс — вся ее одежда в египетском стиле из прозрачного льна».

Но постановка Дезире Гилфоли действительно была роскошной.

Возможно, сама леди Малипенс была среди шумящих в первом ряду; Сандра не узнала бы ее ни в одежде, ни без.

Два лота привлекли внимание достопочтенной публики.

Первый из них был очень странный:

Библиотека Лорда Куэйла выбросила среди прочего то, что считалось рассказом очевидца о распятии некоего Джошуа из Назарета и двух других злодеев за за стеной Иерусалима. Это было нацарапано чернилами из кальмара на рваном пергаменте, отвратительным греческим языком, неким Флавием Петицием, малообразованным и явно легковерным римским центурионом или, возможно, его почти неграмотным писцом.

Вместо этого лота могли бы выставить на аукцион сохранившуюся часть того Креста, на котором был распят спаситель, — такова была истинная ценность пергамента.

Большинство серьезных коллекционеров привлек лот 61 — один толстый том; по иронии судьбы, если бы его текст не лег в основу классического британского фильма, средства массовой информации могли бы не обратить на него внимания, что на взгляд Сандры было бы предпочтительнее.

Она осмотрела его вчера на обычной книжной полке за трибуной, где его охраняли крепкие ребята в пыльных плащах а за ними незаметно присматривали одетые в деловые костюмы молодые мужчины и женщины из обслуживающего персонала. Книга была раскрыта, и на титульном листе лежал клочок

бумаги, исписанный неровным почерком: «Джонатану…»

Последний из поистине великих, поистине безумных английских авантюристов (а также первый из великих, безумных философов современной войны) передал свою книгу в руки близкого друга. Кто смог бы проследить ее дальнейший путь? Не Сотбис.[16]

Ценные книги (к счастью или к несчастью, в зависимости от точки зрения) никогда не были так ценны, как, например, ценные картины.

Ценная картина могла быть легко воспроизведена в сотне миллиардов экземпляров, она распространялось по всем обитаемым мирам в книгах и журналах, хранилось в электронном виде, становясь таким образом широко известной и стоимость ее оригинала становилась астрономической.

Печатные книги не были уникальны (самая редкая печатная книга считалась одним из множества дубликатов, а не уникальным оригиналом), тем самым уменьшалась стоимость каждого экземпляра; книги обычно не копировали в буквальном смысле этого слова (вид бумаги, шрифт, замечания на полях), таким образом уменьшалась известность конкретного ценного экземпляра, а значит и его спекулятивная рыночная стоимость уменьшалась.

Редко попадалась на аукционе книга, одновременно знаменитая и уникальная. Лот 61 был именно такой книгой — «Семь столпов мудрости»[17] : первое издание, вышедшее малым тиражом, отличающееся от последующих изданий не только печатью и переплетом, но и почти на треть своим текстом.

До сегодняшнего аукциона была известна только одна сохранившаяся книга, все остальные исчезли или были уничтожены; она находилась в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне, округ Колумбия. Даже Библия Гутенберга не могла соперничать с такой редкостью, — это был единственный экземпляр признанного шедевра литературы 20-го века.

Надежды Сандры приобрести эту книгу были вполне оправданны, хотя на распродаже будут представлены все крупные коллекционеры и библиотеки Земли и других планет.

Будет участвовать, конечно, Кворич — Техасскй университет наверняка постарается добавить эту ценную вещь в свою обширную коллекцию произведений и памятных вещей автора.

Сотрудники Сотбис уже приняли заказы от других участников торгов, и некоторые из них, стоявшие по бокам подиума аукциониста, прижав пальцы к телефонным жучкам в ушах, получали последние инструкции. У всех претендентов были свои максимальные лимиты.

Но Сандра надеялась, что они ей не конкуренты.

Ровно в одиннадцать часов на трибуну поднялся аукционист — высокий, импозантный человек:

— Доброе утро, леди и джентльмены. Добро пожаловать в компанию «Сотбис энд Компани».

Он без промедления начал распродажу. Несмотря на всплески интереса к английским переводам комментариев Цезаря и жизнеописаний Плутарха XVI века, большая часть библиотеки Куэйла была распродана быстро.

Затем появился пергамент с записью очевидца о распятии, и медийные гончие нацелились на него своими фотокамерами. Компания первого ряда заворковала и засуетилась. Кто-то обратился к блондинке, сделавшей первую ставку: — Адастра, дорогая …, — театральным шепотом, достаточно громким, чтобы его услышали в глубине зала.

После нескольких быстрых раундов остались Леди Малипенс и еще два претендента. Сотрудник «Сотбис» представлял интересы одного из них, и Сильвестр подозревала, что претендентом был Гарвардский университет, хотевший тоже обзавестись материалами о распятии Христа, ведь у Йельского университета они уже были. Третий претендент находился позади — мужчина с акцентом Алабамского проповедника. Скоро Гарвард выбыл из борьбы и соревнование стало двусторонним.

Наконец Леди Малипенс не ответила на последнее «Кто больше… ?» Молоток опустился. «Продано». И актриса с ее «подпевалами» вышли, пронзая взглядами победителя.

Анонимная коллекция, «собственность джентльмена», предлагалась лотами. Большинство из них были предметами военной истории, к которым Сильвестр не проявляла особого интереса; ее специальностью была литература начала XX века, особенно английская — то есть британская.

Лот 60, первое издание отчета о подвигах Патрика Ли Фермора во время Критского сопротивления Второй мировой войны. Сандра хотела иметь эту книгу, и сделала на нее ставку — не то чтобы ее интересовал Крит или полузабытая война, но Ли Фермор был прекрасным описателем мест. Цена быстро поднялась выше, чем ей хотелось бы. Скоро аукционист сказал «продано», и в комнате воцарилась тишина.

— Лот 61. Т. Э. Лоуренс. «Семь столпов мудрости» — пока звучали эти слова, серьезный молодой человек нес тяжелую книгу, держа ее высоко, медленно поворачивая из стороны в сторону.

— Отпечатано линотипом на библейской бумаге[18], с

двойными колонками. Полностью сафьяновый переплет, края позолочены, футляр под мрамор. Вложены два листа, написанные от руки:

Один — записка «Джонатану» подписанная автором в Фарнборо, 18 ноября 1922 года.

Другой — комментарии, написанные карандашом, почерком, как полагают, Роберта Грейвса.

Эта очень редкая книга — одна из восьми, напечатанных издательством «Оксфорд Таймс Пресс» в 1922 году по заказу автора, шесть других предположительно утрачены.

Стартовая цена — пятьсот тысяч фунтов стерлингов.

Едва он закончил свое описание, как начались торги. Легкий шорох возбуждения прокатился по залу, когда аукционист, почти не останавливаясь, декламировал все новые и новые цифры: «шестьсот тысяч, я ставлю шестьсот тысяч… шестьсот пятьдесят тысяч… семьсот тысяч».

Никто не произносил ни слова, но пальцы мелькали, а головы кивали — за столом торговцев и в других местах комнаты — так быстро что аукционист едва успевал опознавать тех, кто делал ставки.

— Восемьсот семьдесят пять тысяч фунтов, — назвал цену аукционист. Впервые была короткая пауза, прежде чем он получил ответ. Было ясно, что многие участники торгов приближаются к своим пределам. По правилам игры, чем выше цена, тем выше минимальное продвижение; теперь цена была так высока, что минимальное продвижение составляло пять тысяч фунтов.

— Восемьсот восемьдесят тысяч фунтов? — задал вопрос аукционист.

Кворич откликнулся. Взгляд аукциониста метнулся налево — очевидно, тот, кто сидел там, вне поля зрения Сандры, тоже сделал ставку.

— Восемьсот восемьдесят пять тысяч?

— Девятьсот тысяч фунтов, — впервые включилась Сандра Сильвестр. — В переполненной комнате прозвучал ее густой, темноокрашенный, привыкший отдавать приказы голос. Аукционист кивнул ей, улыбаясь в знак признания.

Сидевший за первым столом Кворич, который на самом деле представлял Техасский университет, был невозмутим — гуманитарный факультет Техаса располагал обширной коллекцией Лоуренса и, без сомнения, был готов потратиться, чтобы получить приз, — но его сосед, сдаваясь, откинулся назад, уронив карандаш.

— Мне предлагают девятьсот тысяч фунтов. Я ставлю

девятьсот пять тысяч фунтов?

Аукционист взглянул налево раз, другой и объявил: — один миллион фунтов.

По залу прокатился одобрительный стон.

Кворич с любопытством оглянулся через плечо, сделал пометку в лежащем перед ним блокноте — и отказался от дальнейших предложений. Минимальное продвижение теперь составляло десять тысяч фунтов.

— Один миллион десять тысяч фунтов, — уверенно сказала Сильвестр, но на самом деле уверенности у нее не было.

Кто же торгуется с ней?

Аукционист кивнул. — Мне предлагают… — Он заколебался, бросив взгляд налево, на мгновение задержал свой взгляд там, потом повернулся, посмотрел прямо на Сандру Сильвестр, указал налево и почти застенчиво сказал — Я ставлю миллион пятьсот тысяч фунтов.

В зале присвистнули. Сандра почувствовала, как ее лицо стало жестким и холодным. Какое-то мгновение она не двигалась, но дальше торговаться не было смысла — она проиграла.

— Мне предлагают один миллион пятьсот тысяч. Я ставлю один миллион пятьсот десять тысяч? — Аукционист все еще смотрел на нее. Она по-прежнему не двигалась.

Затем он вежливо отвел взгляд. — Мне предлагают один миллион пятьсот тысяч. — Молоток завис. — В последний раз спрашиваю… У меня есть предложение в один миллион пятьсот тысяч. — Молоток опустился.

— Продано.

Публика разразилась аплодисментами, приправленными негромкими возгласами восторга. «Кому аплодируют, — с горечью подумала Сильвестр, — покойному писателю или расточительному приобретателю?»

Служители торжественно унесли печатную реликвию. Несколько человек встали и направились к двери.

Аукционист прочистил горло и объявил: — Лот 62, разные автографы…

Сильвестр сидела не двигаясь, чувствуя, как в нее впиваются любопытные взгляды, терпеливо ожидая окончания распродажи. — Ей хотелось узнать, кто же ее победил. Текут минуты, все больше и больше людей уходят…, а потом все закончилось. Она медленно поднялась и как можно тише направилась к проходу. Там Сандра столкнулась лицом к лицу с молодым человеком с коротко остриженными каштановыми волосами, одетым в костюм, который выдавал в нем сотрудника компании.

— Ты был там один?

— Ну, от имени клиента, разумеется. — У него была интеллигентная речь с акцентом американца с восточного побережья. Его лицо было привлекательным, но чем сразу не определишь, с мягкими глазами и веснушками.

— А тебе можно это разглашать?

— Мне очень жаль, Миссис Сильвестр, но у меня строгие инструкции.

— Ты что меня знаешь? — Она внимательно посмотрела на него. А ничего парень. — Как твое имя?

Он снова улыбнулся. — Меня зовут Блейк Редфилд, мэм.

— Это уже некоторый прогресс. Не хочешь пообедать со мной, Мистер Редфилд?

Он склонил голову в легчайшем подобии поклона.

— Вы очень любезны. К сожалению…

Он не спешил уходить. Они смотрели внимательно друг на друга.

— Жаль, — сказала она. — В другой раз?

— Это было бы восхитительно.

— Тогда в другой раз. — Сильвестр быстро пошла к входу, там она остановилась, попросила девушку вызвать такси и поинтересовалась:

— Как давно Мистер Редфилд работает в нашей фирме?

— Дай подумать, — краснощекая девушка очаровательно скривила свой маленький розовый ротик, пытаясь вспомнить, — может быть, год, на самом деле он не обычный служащий.

— Нет?

— Скорее консультант, — сказала девушка. — Книги и рукописи 19-го и 20-го веков.

— Такой молодой?

— А ведь он довольно симпатичный, не так ли? Но это настоящий гений, как говорят эксперты. А вот и такси.

— Прости, что тебя побеспокоила. — Сандра едва взглянула на машину, гудящую без водителя у обочины. — Я решила немного пройтись пешком.

Ее походка была решительной, ей нужно было дать выход скопившимся эмоциям. Она быстро зашагала вниз по улице к Пикадилли, повернула на восток, пересекла Сэвилл-Роу, направляясь к магазину близ Чаринг-Кросс-Роуд, расположенному в старинном, в прошлом пользовавшемся дурной славой районе, который теперь носил на себе отпечаток обновленной респектабельности.

Золотые буквы на зеркальном стекле витрины гласили: «Гермиона Скрэттон, книготорговец».

Когда она была еще в полуквартале от магазина, то увидела

саму Скрэттон у покрытой зеленой эмалью двери, поворачивающую декоративный железный ключ в декоративном железном замке и одновременно прикладывающую свой глаз к глазу бронзовой львиной головы, служившей дверным молотком, но который по сетчатке глаза узнал хозяйку и привел в действие настоящий замок двери.

К тому времени, как Скреттон открыла дверь, Сильвестр была уже достаточно близко, чтобы услышать звон медного колокольчика на пружине, когда она вошла.

Несколько мгновений спустя тот же колокол возвестил о прибытии Сандры; из прохода между рассыпающимися желтыми томами появилась Скреттон, отключавшая сигнализацию. Это был коренастый, с кустистыми бровями бес в коричневом твидовом костюме, с золотого цвета галстуком на шее, с плешью, проглядывающей сквозь редкие седеющие волосы, с румянцем на щеках, и улыбкой, на подвижных красных губах. — Моя дорогая Сил. Нет слов. Правда. Я просто в шоке…

— О, Гермиона, тебе нечего беспокоиться. Я что зашла. Ты случайно не знаешь, кто меня обошел?

Скреттон качнула головой, хлопая ресницами:

— Я сидела позади тебя. Боюсь, что я не могла видеть покупателя.

— Покупателя представлял молодой человек по имени Блейк Редфилд. — Сообщила Сандра.

Брови Скрэттон быстро задвигались вверх и вниз.

— А-А, Редфилд. Ммм… — Она отвернулась и принялась возиться с ближайшей полкой с книгами. — Редфилд, а? Действительно. О, да.

— Гермиона, ты играешь со мной, — слова вырвались из ее горла предупреждающим рыком пантеры,— и я получу за это твою искусственно загорелую шкуру.

— Вот как? — Книготорговец полуобернулась, приподняв изогнутую бровь. — А что я буду иметь?

— Обед. — Немедленно отозвалась Сильвестр.

—Только не в местный паб.

— Куда пожелаешь. В «Ритц»? Ради бога.

— Заметано, — сказала Скрэттон, потирая ладони. — Мм. По крайней мере, я ничего не ела с утра.

Где-то между салатом с маслом и креветками, ободренная пол-бутылкой шампанского «Моэт Шандон», Скреттон высказала свое подозрение, что Редфилд представляет не кого иного, как Винсента Дарлингтона, и Сильвестр уронила вилку.

Брови Скрэттон вновь быстро задвигались вверх и вниз. За все годы, что она знала Сильвестр, она никогда не видела ее

такой: ее красивое лицо тревожно потемнело, и Скрэттон вовсе не была уверена, что это не инсульт. Гермиона огляделась вокруг, но, к ее облегчению, никто в просторном зале, казалось, не заметил ничего необычного, за исключением, возможно, официанта.

Судя по цвету лица, Сандра пришла в себя. — Вот это сюрприз — прошептала она.

— Сил, дорогая, я и понятия не имела…

— Это, конечно, вендетта. Милый Винсент не проявляет ни малейшего интереса к литературе. Я сомневаюсь, что он смог бы отличить «Семь столпов мудрости» от «Любовника леди Чаттерлей».

— Гм, да, — щека Скрэттон задрожала, но она не удержалась, — да они довольно близки по времени, но…

— Гермиона — прервала ее Сильвестр, устремив на нее холодный взгляд; пристыженная, Скреттон проглотила приготовленную фразу. — Гермиона, Винсент Дарлингтон не читает. Он купил эту книгу не потому, что знает ее цену, он купил ее, чтобы опозорить меня, потому что я опозорила его совсем в другой области.

Сильвестр откинулась на спинку стула, вытирая губы льняной салфеткой.

— Все понятно, моя дорогая девочка — пробормотала Скрэттон. — Отлично понятно.

— Думаю, не совсем, Гермиона. — Резко сказала Сандра. — Но похоже, у тебя добрые намерения. Поэтому я собираюсь отдать свою жизнь или, по крайней мере, репутацию в твои руки. Если тебе когда-нибудь придет в голову шантажировать меня, вспомни этот момент — момент, когда я поклялась отомстить этому червю Дарлингтону, даже если это будет стоить мне моего состояния.

— Мм, а. Скрэттон отхлебнула шампанского и осторожно поставила бокал на скатерть. — Ну, Сил, будем надеяться, что до этого не дойдет.

К счастью, «Семь столпов мудрости» были напечатаны в те давно минувшие дни, когда считалось само собой разумеющимся, что печатные страницы должны быть долговечны. Блейку Редфилду оставалось только положить книгу в чемоданчик с мягкой обивкой внутри и найти перевозчика, который мог бы обеспечить регулируемую температуру и влажность.

В реестре Ллойда значились два подходящих судна, которые должны были прибыть в Порт-Геспер с интервалом в двадцать четыре часа. Одно из них доставит предмет стоимостью в полтора

миллиона фунтов тайно и с должным вниманием к его физическому благополучию.

Ни какое другое судно не прибудет раньше их, и никаких других кораблей не будет в следующие несколько недель. Одним из них был грузовой корабль «Стар Куин», который должен был покинуть околоземную орбиту через три недели. Другим кораблем был лайнер «Гелиос», который должен был отбыть позже. Предусмотрительность посоветовала Блейку зарезервировать место на обоих. Звездочка рядом с именем «Стар Куин» предупреждала, что корабль находится в ремонте и еще не получил разрешения на коммерческую деятельность от Комитета Комического Контроля.

Блейк запечатывал магнитный замок на чемоданчике, когда дверь задней комнаты «Сотбис» с громким треском распахнулась.

На фоне кирпичного коридора вырисовывался силуэт молодой женщины.

— Боже мой, Блейк, что у тебя творится? — махнула она рукой, разгоняя едкий табачный дым.

— Если бы ты не была собой, дорогая, то этот довольно дорогой предмет, стоявший передо мной, был бы убран с глаз долой еще до того, как ты очистила воздух перед своим милым носиком.

— Почему ты мне не позвонил?

— Тебе обязательно было ломать дверной замок?

— Да он и не сломался. Больше шума, чем дела. И вообще считай, что я покраснела, засмущалась и раскаялась.

Молодая, розовощекая женщина, в скромной консервативной юбке подошла к столу и посмотрела, как Блейк запирает пластиковый кейс. — А тебе не показалось, что это очень плохо, что она проиграла торги? У нее такой хороший вкус.

— Она?

— Та, что подошла к тебе после торгов. — Очень красивая для своего возраста. Она спросила тебя о чем-то, что заставило тебя покраснеть.

— Покраснеть? У тебя довольно живое воображение.

— У тебя не получается притворяться, Блейк. Ругай своего ирландского дедушку за твои веснушки.

— Миссис Сильвестр очень привлекательная женщина…

— Она потом спрашивала о тебе. Я сказал ей, что ты гений.

— Я сомневаюсь, что у нее есть какой-то личный интерес ко мне. И уж конечно, она меня не интересует.

— Да? Тебя интересует Винсент Дарлингтон?

— О да, чистая похоть. — Он рассмеялся. — К его деньгам.

Она прислонилась обтянутым сеткой бедром к спинке его

стула; он чувствовал ее жар на своей щеке. — Дарлингтон — неграмотная свинья, он этого не заслуживает.

— Это все наговоры врагов, — пробормотал он и резко встал, отодвинулся от нее, положил запертый чемодан в сейф.

— Что это? — Он повернулся к ней лицом через захламленный желтый кабинет. — Ты принесла мне брошюру?

Она улыбнулась, ее румяные щеки и сверкающие глаза выдавали ее чувства. — Я нашла их целую полку, они все в моей квартире. Пойдем со мной, и я познакомлю тебя с тайнами пророчеств.

Он посмотрел на нее немного искоса, затем пожал плечами. — Хорошо.— В конце концов, эта тема уже давно интересовала его.

7

Осторожный стук в дверь, повторявшийся через определенные промежутки времени…

Сандра Сильвестр вышла из ванной, ее голубая шелковая ночная рубашка плотно облегала ее длинное тело. Она сняла цепочку с двери.

— Ваш чай, мэ'м.

— Поставь там.

Молодой человек в униформе прошел, стараясь не наступить на разбросанные женские вещи, к окну и поставил на стол тяжелый серебряный поднос с чайными принадлежностями. Из окон просторного номера открывался прекрасный вид на Гайд-парк, но в это утро они были плотно зашторены.

Сильвестр осмотрела полутемную комнату, заметила бархатную сумочку, валяющуюся на полу рядом с креслом, на которое была брошена как попало одежда. Она выудила из сумочки банкноту как раз вовремя, чтобы сунуть ее в руку молодого человека.

— Благодарю, мэ'м.

— Ты, молодец — сказала она, слегка смутившись.

Она закрыла за ним дверь. — Господи, сколько же я ему дала? — пробормотала она. — Я еще сплю.

Под простынями зашевелилась округлая фигура. Показались взъерошенные темные волосы, фиалковые глаза уставились из-под простыни.

Сильвестр наблюдала, как показалась остальная часть Нэнсибет — изящная шея, стройные плечи, тяжелые груди с тусклыми сосками. — Ты подождала пока он уйдет. Это что-то новое, — соблюдаешь приличия.

— О чем ты там болтаешь? — Нэнсибет зевнула, показав идеальные маленькие зубки и шустрый розовый язычок.

Сильвестр подошла к видеоплате на стене и стал возиться с пультом управления, спрятанным в резной позолоченной раме. — Ты же сказала, что не спишь. Я же просила тебя включить новости.

— Я опять уснула.

— Ты опять залезала в мою сумочку.

Нэнсибет пристально посмотрела на нее своими бледными глазами, которые обычно скрещивались, когда она сосредотачивалась. — Сил, ты ворчишь как мать… — Она вскочила с кровати и направилась в ванную.

— Как кто?

Но Нэнсибет не обратила на нее внимания, прошла через раздевалку и, оставив дверь открытой, вошла в душевую кабину.

Сердце Сандры бешено колотилось. — Боже, эта попка, эти волшебные бока, эти трепещущие икры. Наполовину итальянка, наполовину полинезийка, она была бронзовой Галатеей, скульптурой во плоти.

Сильвестр раздраженно ударила кулаком по кнопкам управления, появилась физиономия диктора Би-би-си.

Диктор вещал о растущей напряженности в Азии, она собирала одежду с пола и швыряла ее на кровать. Из ванной доносилось шипение и журчание душа, а хриплый голос Нэнсибет напевал что-то страстное и неразборчивое. Сильвестр глянула на тяжелый серебряный чайник и фарфоровые чашки с отвращением. Она достала из холодильника бутылку «Моэт Шандон». Видеоплата пробормотала слова, которые привлекли ее внимание: «тайна раскрыта: выяснилось, что победителем торгов на вчерашнем эффектном аукционе Сотбис…» Сильвестр метнулась к экрану и прибавила громкость. «… первое издание «Семи столпов мудрости», автор Т. Э. Лоуренс — легендарный Лоуренс Аравийский — было приобретено мистером Винсентом Дарлингтоном, директором музея Венеры. По радиосвязи Мистер Дарлингтон сначала отказался от комментариев, но позже признался, что купил эту чрезвычайно редкую книгу от имени музея Порт-Геспера, учреждения, владельцем которого он является. Нельзя сказать, что бы это учреждение до сих пор славилось своей коллекцией печатных работ. О других новостях мира искусства…

Сильвестр выключила видео. Она сорвала фольгу с бутылки и распутала проволочную сетку. Она начала крутить выпирающую пробку от шампанского сильной, уверенной рукой.

Нэнсибет вышла из душа. Пар поднимался от ее кожи, подсвечиваемой светом лампы в раздевалке.

Ее совершенно не волновала вода, которая капала с нее на ковер. — Это было что-то про Винса? В новостях?

— Похоже, именно он перекупил у меня «Лоуренса». — С громким хлопком вылетела пробка шампанского.

— Винс? Он же не интересуется книгами.

Сильвестр наблюдала за ней — тяжелая темная Венера, намеренно демонстрирующая себя обнаженной, намеренно позволяя своей влажной коже остыть, дать соскам подняться.

— Это он о тебе заботится, — сказала Сильвестр.

— О. Нэнсибет благодушно улыбнулась, полуприкрыв фиалковые глаза. — Наверное, это тебе дорого обошлось.

— Напротив, вы сэкономили мне кучу денег, которые я мог бы в противном случае выбросить на простую книгу. Принеси бокалы будь добра. В холодильнике.

Все еще голая и мокрая, Нэнсибет поставила бокалы «Тюльпан» на стол и уселась в мягкое кресло.

— Мы что-то празднуем?

— Да, нет, — сказала Сильвестр, наливая шампанское — холодное, пузырящееся. — Я просто утешаю себя.

Она протянула Нэнсибет бокал. Они наклонились друг к другу. Края бокалов соприкоснулись и зазвенели.

— Все еще злишься на меня? — Мяукнула Нэнсибет.

Сильвестр зачарованно наблюдал, как ноздри Нэнсибет расширились, когда она опустила свой вздернутый носик в бокал. — За то, что ты такая, какая есть?

Кончик розового языка ощутил острый привкус углекислоты от растворяющихся пузырьков. — Ты не должна утешать себя, Сил. — Фиалковые глаза под длинными влажными ресницами поднялись, взгляд стал пронзительным.

— Я не должна?

— Позволь — мне утешить тебя.

Магнитоплан с жужжанием проносился сквозь благопристойную зелень юго-западных пригородов Лондона, Время от времени останавливаясь, чтобы высадить пассажиров. Никос Павлакис сошел в нескольких милях от места назначения в Ричмонде, нанял на стоянке автотакси и, когда машина отъехала от станции, опустил стекла, — в кабину проник влажный весенний воздух. Жемчужные облачка в мягком голубом небе не отставали от такси, которое катилось мимо еловых лужаек и живых изгородей, мимо вилл с шиферными крышами. Большинство вил было на двух хозяев.

Дом Лоуренса Уичерли был аккуратным кирпичным, в георгианском стиле.

Павлакис положил свою банковскую карточку в порт, такси должно было его подождать, и пошел к дому, чувствуя себя некомфортно в черном костюме, слишком тесном для его массивных плеч. Миссис Уичерли открыла дверь прежде, чем он успел дотянуться до звонка. — Доброе утро, мистер Павлакис. Ларри сейчас в гостиной.

Казалось, она не слишком обрадовалась, увидев его. Это была бледная, женщина с гладкой кожей, с прекрасными светлыми волосами, от ее былой красоты теперь почти ничего не осталось.

Павлакис застал Уичерли сидящим в пижаме, закинув ноги на пуфик. На коленях клетчатый халат, заправленный под бедра,

и целый арсенал космических триллеров в красочных обложках. На столике рядом с ним — лампа и патентованные лекарства.

Уичерли поднял тонкую руку. — Прости, Ник. Я бы встал, но последние день-два меня пошатывает.

— Мне очень жаль, что приходится доставлять вам столько хлопот, Ларри.

— Ничего подобного. Садитесь, пожалуйста поудобней. Тебе что-нибудь принести? — Чаю?

— Возможно, мистер Павлакис предпочтет кофе. — Это миссис Уичерли подала голос из тени арки, оказывается она была еще в комнате.

— Это было бы неплохо, — сказал он с благодарностью. Англичане неоднократно поражали его своей чувствительностью к подобным вещам.

— Ну, давай, — Уичерли смотрел на нее, пока она не исчезла. Он хитро изогнул бровь, глядя на Павлакиса, который осторожно присел на диване. — Ник. Что-то слишком особенное для телефона?

— Ларри, друг мой… — Павлакис наклонился вперед, положив руки на колени, — Фаларонские верфи обманывают нас — моего отца и меня. Димитриос помогает рабочему объединению взять с нас мзду, мы должны дополнительно заплатить за то, чтобы «Стар Куин» ушла вовремя в рейс, а за это получает от них откат.

Уичерли ничего не ответил, но на его губах заиграла кислая улыбка. — Честно говоря, большинство из нас, кто работал с фирмой «Фаларон» на протяжении многих лет, понимали, что это всегда было частью соглашения между Димитриосом и твоим отцом.

Уичерли сделал паузу, затем несколько раз кашлянул, издавая жужжащий звук, похожий на глухой двухтактный двигатель глубоко в груди. На мгновение Павлакису показалось, что он задыхается, но тот лишь прочистил горло. Пришел в себя и продолжил: — Стандартная практика, так сказать.

— Мы больше не можем позволить себе такую стандартную практику, — сказал Павлакис. — В настоящее время мы попали в очень сложное положение.

Уичерли ухмыльнулся. — Кроме того, не можете позволить себе такой простой вещи, как, скажем, перерезание нескольких глоток.

— Да. — Павлакис торжественно наклонил голову вперед. — Мы больше не контрабандисты. Мы не пираты. Мы управляемы. Но, Боже, как много правил. У меня уже голова разламывается от этой проблемы. — Он взглянул на собеседника и подумал, что

Уичерли выглядит не очень хорошо: белки его глаз были ярко-красными, а рыжеватые волосы торчали пучками, как перья мокрой птицы.

— Жаль тебя, старина, — криво усмехнулся Уичерли.

— Мы так близки к успеху. Я заключил долгосрочный контракт с «Иштар Майнинг Корпорейшн». Первая партия — шесть горных роботов, почти сорок тонн. Мы получим приличную прибыль. Но если мы пропустим окно запуска…

— Потеря контракта — сказал Уичерли, стараясь как можно спокойнее.

Павлакис пожал плечами. — Хуже того, заплатим штраф. Если, конечно, не объявим себя банкротами.

— А что еще у вас есть для загрузки?

— Глупейшие вещи. Порнографический фильм. Коробка сигар. Вчера мы получили предварительный заказ на чертову книгу.

— Одна книга? — Павлакис снова дернул головой, а бровь Уичерли взлетела вверх. — А почему «чертова»?

— Весь пакет весит четыре килограмма, Ларри. — Павлакис засмеялся, фыркая, как бык. — Его фрахт не окупит доставку даже на Луну. Но к нему прилагается страховка на сумму в два миллиона фунтов стерлингов! Я бы предпочел получить страховку.

— Может быть, вы могли бы погрузить его, а потом устроить небольшой несчастный случай.

Уичерли начал было смеяться, но тут же закашлялся. Павлакис отвел взгляд, делая вид, что его интересуют фотографии лошадей на кремовых стенах гостиной, книжные шкафы с непрочитанной классикой в кожаных переплетах.

Наконец Уичерли пришел в себя. — Ну, ты хоть знаешь, что это за книга?

— Откуда мне знать?

— Ну, как же, Ник, вчера все это было в новостях. Эта книга — «Семь столпов мудрости». Должно быть, Лоуренс Аравийский и все такое прочее. — Изможденное лицо Уичерли исказилось в усмешке. — Еще одно из сокровищ старой империи, уплывает в колонию. И на этот раз колония — это другая планета.

— Да, жаль конечно. — Сочувствие Павлакиса было кратким. — Ларри, без контракта с «Иштар»…

Но Уичерли продолжал размышлять, глядя мимо Павлакиса в темноту зала. — Довольно странное совпадение, не правда ли?

— Ты о чем?

— А может и нет, правда. Порт-Геспер, конечно.

— Извини, но я не могу понять…

Уичерли внимательно посмотрел на него. — Послушай, Ник. Миссис Сильвестр, она же главный исполнительный директор компании «Иштар майнинг», не так ли? — Его голова качнулась вперед. — Ну, да. Видишь ли, она была еще одним претендентом на «Семь столпов мудрости». Предлагала больше миллиона фунтов и проиграла.

— Ничего себе. — Павлакис аж глаза прикрыл представляя себе такое личное богатство. — Как это печально для нее.

— Порт-Геспер в наши дни — настоящий центр богатства.

— Хорошо… теперь Ты понимаешь, почему мы должны сохранить контракт с «Иштар». А тут Димитриос и его… «стандартная практика». — Павлакис изо всех сил старался вернуть разговор в нужное русло. — Ларри, я не уверен, что мой собственный отец полностью понимает эти вопросы… — А ты без труда объяснил бы все это Димитриосу.

Уичерли хорошо изучил Павлакиса и знал, что от его ожидать. — А ты у него успеха не добился.

—Я вел себя глупо. — Павлакис выудил из кармана свои четки. — Может быть и так. Но он будет знать, что это его последний шанс украсть. Хотя все равно у старого мошенника масса возможностей купить дешево и дорого зарядить по спецификации. Когда я осматривал работу два дня назад, то не обнаружил никаких признаков нарушения технических условий…

— Я не хочу ввязываться в это грязное дело, Ник, — резко сказал Уичерли. — Что бы там еще ни происходило между Димитриосом и твоим отцом — а я подозреваю, что очень многое — твой отец никогда не просил меня рисковать своей шеей, это просто неприлично.

— Я тоже не прошу тебя об этом, мой друг… — Павлакис был поражен появлением Миссис Уичерли, бесшумно материализовавшейся у его локтя с блюдцем, на котором стояла чашка, наполненная чем-то коричневым. Он глянул снизу вверх и неуверенно улыбнулся. — Вы очень любезны, дорогая леди.— Осторожно отхлебнул, обычно он пил кофе по-турецки с двойным сахаром, но сейчас это был кофе по американски, простой и горький. Улыбнулся, скрывая досаду. — Ммм.

Его вежливая шарада была незамеченной миссис Уичерли, — та смотрела на своего мужа. — Пожалуйста, Ларри, не нервничай. — Уичерли нетерпеливо покачал головой.

Когда Павлакис поднял глаза от своей чашки, он обнаружил, что хозяйка ушла. Он осторожно отставил чашку с кофе в сторону. — Я надеялся, Ларри, что ты поможешь нам, чтобы «Стар Куин» ушла вовремя в рейс.

— И как же мне это сделать? — Пробормотал Уичерли.

— Я был бы счастлив немедленно перевести тебя на летное жалованье с премиями, если ты согласишься отправиться в Фаларон и прожить там весь следующий месяц — разумеется, как только почувствуешь себя в состоянии действовать в качестве моего личного агента. Проверять работу нужно ежедневно, пока корабль не будет готов.

Тусклые глаза Уичерли заблестели. Он что-то напевал и бормотал какое-то время. — Ты очень умный парень, Ник. Нанять человека да так, чтобы он сам позаботился о своей безопасности… — Его скрипучий голос перешел в скрежещущий кашель, и Павлакис понял, что миссис Уичерли нервно материализуется в тени.

Судороги Уичерли утихли, и он посмотрел на жену глазами, полными боли. — Предложение, от которого я просто не могу отказаться.

— Так ты сделаешь это?

— Сделаю, если смогу.

Павлакис встал с неприличной поспешностью. — Спасибо тебе, Ларри. А теперь оставляю тебя в покое. Надеюсь, ты быстро поправишься.

Когда он спешил к ожидавшему такси, его янтарные бусины кружились и щелкали. Он пробормотал молитву Святому Георгию за здоровье Уичерли, а в доме за его спиной раздались возмущенные голоса.

Через пятнадцать минут магнитоплан доставил Павлакиса обратно в шаттлпорт Хитроу, в местное грузовое отделение компании «Павлакис Лайнс». Это был тесный сарай, прилепившийся к торцу огромного стального ангара, полного выброшенных, похожих на яйца топливных баков и секций фюзеляжей ракет-носителей. Запах метана и другой дряни пропитал в обшивку стен.

Когда Павлакисов, ни старшего, ни младшего, не было в Англии, заведение пустовало, если не считать механиков, которые заходили пофлиртовать с секретаршей — одной из золовок двоюродных братьев Никоса по имени София, — блондинка с Пелопоннеса, полная, выглядит старше своих лет, вид серьезный. Когда Павлакис вошел в кабинет, на столе у нее стояла открытая коробка йогурта и шла трансляция полуденных новостей на настольном видео.

— Для тех из вас, кто, возможно, нуждался в оправдании, вот хорошая причина, чтобы спланировать поездку в Порт-Гесперу, — жеманно сказал диктор. — Сегодня рано утром стало известно, что покупатель первого издания «Семи столпов мудрости…

София подняла тлеющие глаза на Павлакиса, когда он вошел, но больше ни одна часть ее тела не шевельнулась.

— Тебе звонила какая-то женщина.

— Какая женщина?

— Не знаю, какая именно женщина. Говорила, что ты должен был написать ей письмо. Или послать ей телеграмму. Не помню. — тлеющие глаза вернулись на плоский экран.

— Миссис Сильвестр?

София не оторвала глаз от экрана, но ее ладони раскрылись: «может быть».

Проклиная саму концепцию двоюродных братьев и зятьев, Павлакис прошел во внутреннее святилище, выгороженное фанерной стенкой.

Письменный стол, которым все пользовались, когда им хотелось, был завален засаленными листками бумаги. Сверху лежал розовый листок, на котором испорченным простонародным языком Софии передавалась суть последнего сообщения Сандры Сильвестр: настоятельно прошу подтвердить контракт в письменном виде, проставив сегодняшнюю дату. Если компания «Павлакис Лайнс» не может гарантировать окно запуска, компания «Иштар Майнинг Корпорейшн» должна будет немедленно расторгнуть заключенный контракт.

Бусинки беспокойства щелкнули. — София! Немедленно свяжись с миссис Сильвестр.

— А где найти эту леди? — последовал, немного погодя, ответ.

— В отеле «Баттенберг».

Идиотка. По какой глупости отец назвал ее Софией, мудростью? Павлакис перебирал бумаги в поисках чего-нибудь нового и обнадеживающего. Его рука легла на вчерашний запрос от «Сотбис»: Можете ли вы гарантировать отправку одной книги, четырех килограммов брутто в Порт-Геспер ?

—Я дозвонилась до этой женщины — объявила София.

— Мистер Павлакис?

Павлакис схватил телефонную трубку. — Да, дорогая леди, я надеюсь, что вы примете мои личные извинения. Много непредвиденных…

На маленьком экране возникло изображение Сильвестр. — Я не нуждаюсь в извинениях. Мне нужно подтверждение. Мои дела в Англии должны были закончиться еще вчера. Прежде чем я смогу уехать из Лондона, я должна быть убеждена, что мое оборудование прибудет на Венеру вовремя.

— Как раз в этот самый момент я сижу и читаю сообщение. — Павлакис подавил желание покрутить свои четки перед

видеоплатой.

— Я говорю не об этом, Мистер Павлакис, — ответило холодное, красивое лицо на экране. И почему ее лицо так соблазнительно? Что-то не так с волосами, с усилившимся румянцем вокруг щек, с губами… Павлакис заставил себя сосредоточиться на ее словах. — Честно говоря, ваше поведение меня не слишком обнадеживает. Я чувствую, что я должна искать другого перевозчика.

Он встрепенулся. — Вы должны нам верить, дорогая леди! Должны. Даже музей Венеры удостоил нас чести переправить свое последнее и самое ценное приобретение… — Он заколебался, сам не понимая, почему он сказал об этом? Ну конечно чтобы завязать контакт, чтобы успокоить ее. — А ты тоже, если не ошибаюсь, очень интересовалась этой книгой?

Великий Боже, эта женщина превратилась в металл. Ее глаза засверкали, как вращающиеся бурильные наконечники, рот был словно стальные ставни, захлопнутые с грохотом. Павлакис отвернулся, отчаянно вытирая пот со лба.

— Миссис Сильвестр, пожалуйста, прости меня… последнее время было очень напряженным.

— Не волнуйся так сильно, мистер Павлакис. — К его удивлению, ее тон был таким же мягким и теплым, как и ее слова… даже теплее. Он полуобернулся и посмотрел на экран. Она же улыбалась! — Вышли мне письменное подтверждение контракта и мы поговорим с тобой, когда я вернусь в Лондон.

— Ты доверяешь «Павлакис Лайнс»? О, мы не подведем, дорогая леди!

— Давай доверять друг другу.

Сильвестр отключила связь и откинулась на спинку кровати. Нэнсибет лежала лицом вниз на простынях.

— Ты будешь сильно огорчена, если мы задержимся на острове на день или два, милая? — Прошептала Сильвестр.

— О Боже, Сил. — Нэнсибет перевернулась на спину. — Ты хочешь сказать, что я застряну в этой куче сажи еще на два дня?

— У меня неожиданно появилось дело. Если ты захочешь путешествовать дальше без меня… (Нэнсибет зашевелилась, ее круглые колени подогнулись). — Думаю, я смогу что-нибудь найти…

Нэнсибет улыбнулась:

— Просто отвези меня на пляж.

Сильвестр взяла телефонную трубку и набрала код. Румяное лицо Гермионы Скрэттон появилось на экране с удивительной быстротой:

— А, это ты, Сил?

— Гермиона, я обнаружила, что мои планы на отпуск изменились. Мне нужен твой совет. И, возможно, твоя помощь.

— Угу, — ответила продавщица, и ее глаза заблестели. — А что я буду за это иметь?

— Уверяю тебя, больше, чем обед.

8

Капитан Лоуренс Уичерли удивительно быстро оправился от своего грудного недуга и поселился на Фаларонских верфях, где он умело представлял интересы «Павлакис Лайнс» в качестве клерка завода. Изможденный, решительный англичанин изо всех сил набросился на расстроенного грека, ежедневно без предупреждения осматривая корабль и ругая рабочих, и, несмотря на угрюмость Димитриоса и его частые истерики, работа была закончена вовремя. С некоторым мрачным удовлетворением Никос Павлакис наблюдал, как рабочие в скафандрах наносят название «Стар Куин» по экватору модуля экипажа. Он щедро похвалил Уичерли и добавил премию к его и без того солидному жалованью, прежде чем отправиться на последние приготовления в штаб-квартиру «Павлакис Лайнс» в Афинах.

«Стар Куин», хотя и имела стандартную конструкцию грузового корабля, была космическим кораблем, совершенно не похожим ни на что из того, что представлялось на заре современной ракетной техники, изящные, обтекаемые формы отсутствовали, — иными словами, она ничем не напоминала артиллерийский снаряд. Основная конфигурация состояла из двух сфер соединенных трубой длиной в сотню метров. Передняя часть — модуль экипажа представлял из себя сферу диаметром около пятидесяти метров. Обшивка из сверхпроводящих материалов частично защищала модуль экипажа, от космических лучей и других заряженных частиц межпланетной среды, в том числе от выбросов других атомных кораблей.

К основанию модуля экипажа вокруг центральной трубы крепились четыре цилиндрических трюма, каждый диаметром семь метров и длиной двадцать метров. Как и сухопутные грузовые контейнеры прошлых веков, трюмы были съемными и пристыковывались на орбите, на которую доставлялись челночными ракетами. Каждый грузовой трюм имел два шлюза, один с переднего торца в жилой модуль «Стар Куин», через другой можно было выйти непосредственно в космическое пространство. Каждый трюм был разделен на отсеки, в которых мог быть либо воздух, либо вакуум, в зависимости от характера груза.

На другом конце центральной стойки корабля находились баки с жидким водородом, — рабочим телом атомного двигателя. Несмотря на мощную радиационную защиту, кормовая часть

корабля не предназначалась для посещений живыми существами — роботы выполняли там всю необходимую работу.

Такая форма корабля была выбрана в первую очередь из соображений безопасности экипажа, но все же «Стар Куин» имел довольно элегантный вид, весь сиял ослепительно белым покрытием.

В течение трех дней комиссия инспекторов Комитет Комического Контроля осматривала отремонтированный корабль, наконец объявив его полностью пригодным к полету. «Стар Куин» был должным образом переаттестован. Дата старта была подтверждена. Загруженные съемные трюмы доставлялись мощными челноками с Земли.

Капитан Лоуренс Уичерли, однако, не прошел проверку. За неделю до старта врачи обнаружили то, что Уичерли до сих пор маскировал нелегальными препаратами, полученными из Чили: он умирал от неизлечимой болезни мозжечка. Вирусные инфекции и другие мелкие болезни, которые мучили его, были симптомами общего нарушения гомеостаза. Не важно, что лекарства могли ускорить его болезнь, Уичерли полагал, что он уже покойник, и отчаянно нуждался в деньгах, которые должно было принести это последнее задание, потому что без них (рассказ о его неудачных инвестициях и безумной спирали долгов был бы поучительной историей века) его будущая вдова лишилась бы своего дома, потеряв все.

Комитет по контролю за космическим пространством уведомил офис «Павлакис Лайнс» в Афинах, что «Стар Куин» не хватает капитана и что разрешение на старт отозвано в ожидании квалифицированной замены. Об этом были уведомлены и судовые страховщики, а также все фирмы и частные лица, разместившие груз на судне.

Задержанный «техническими трудностями» на пути из Афин в Хитроу (стюарды устроили протест), Никос Павлакис не узнал этой ужасной новости, пока не сошел со сверхзвукового реактивного самолета в Хитроу. Мисс Уиздом сердито встретила его на паспортном контроле, ее обведенные черной тушью глаза — глаза Немезиды под шлемом жёлтых волос. — Это от твоего отца, — выплюнула она, когда он подошел ближе и сунула ему в руки телеграмму из Афин.

На время, но только на время, показалось, что Святой Георгий подвел Никоса Павлакиса. Следующие двадцать четыре часа Павлакис провел на радио и телефонных линиях, съев примерно килограмм сахара, растворенного в нескольких литрах кипяченого турецкого кофе, и в конце этого времени произошло чудо.

Ни господь, ни Святой Георгий не предоставили ему нового пилота.

Павлакис не смог найти квалифицированных пилотов, которые были бы свободны от своих обязательств или текущих заданий к моменту старта «Стар Куин» на Венеру. И это чудо не было совершенно бесспорным, ибо ни один святой не предотвратил быстрого бегства нескольких грузоотправителей из списка — тех, для кого прибытие их груза в порт Геспер не было критичным по времени, или чей груз можно было бы легко продать в другом месте. «Бильбао Атмосферикс» уже выгружала тонну жидкого азота из трюма Б, а ценная партия саженцев сосны — основная часть груза, который должен был отправиться в трюм А, — была уже возвращена «Сильваверке» из Штутгарта.

Чудом Павлакиса стало вмешательство Сандры Сильвестр.

Не он позвонил ей, а она ему из своей арендованной виллы на острове Левант. Она сообщила ему, что после их последнего разговора она решила взять шефство над «Стар Куин».

Она похвалила Павлакиса за его меры по ускорению ремонта «Стар Куин», сказала что его едва ли можно винить в личных трудностях Уичерли, что ее лондонские адвокаты дали очень подробные сведения о пилоте Питере Гранте и инженере Ангусе Мак-Ниле. Сообщила, что она лично связалась с Комитетом по контролю за космическим пространством и, представив доброжелательную информацию о «Павлакис Лайнс», подала заявление об отказе, в виде исключения, от правила «экипаж-три», ссылаясь на высокий профессионализм экипажа и экономические соображения. Она также связалась с компанией «Ллойд», настаивая на том, чтобы страховка не была отозвана.

И она уверена, что отказ от правила правила «экипаж-три» будет непременно удовлетворен. «Стар Куин» сможет стартовать с двумя людьми на борту, неся достаточно груза для прибыльного рейса.

Когда Павлакис отключил телефонную связь, у него от восторга закружилась голова.

Информация Сильвестр оказалась верной, и Питер Грант был назначен командиром экипажа из двух человек.

Два дня спустя тяжелые буксиры вывели «Стар Куин» на стартовую орбиту за пояс Ван Аллена[19]. Атомный двигатель загрохотал потоком белого света. Корабль начал свое пятинедельное гиперболическое пике к Венере.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
РАЗРЫВНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ

9

Питер Грант скорее наслаждался командованием. Он расслабленно лежал — в невесомости, слегка привязанный ремнями к командирскому креслу пилота на летной палубе «Стар Куин», диктуя в судовой журнал между затяжками дорогой турецкой сигареты — когда раздался сигнал тревоги. Истерически выли сирены, вспыхивали красные огни.

В течение двух секунд Грант раздавил сигарету, щелкнул тумблером компьютера и рявкнул. — Оценить и доложить!

Он сдернул с пульта аварийную воздушную маску, натянул ее. Внезапно воцарилась тишина. Он ждал целую вечность, и, по крайней мере, еще тридцать секунд, — пока машина оценивала повреждения.

«Мы испытали сильное избыточное давление в юго-восточном секторе палубы жизнеобеспечения», — объявил компьютер. «Топливный элемент номер два поврежден. Произошло автоматическое переключение на топливный элемент номер три. Трубопроводы подачи кислорода один и два повреждены. Включена аварийная подача воздуха»

Грант это знал, ведь на нем была маска и он дышал. Но что же, черт возьми, произошло?

«Датчики зафиксировали сверхзвуковые воздушные потоки на внешней панели корпуса Л-43. Потеря давления на палубе жизнеобеспечения была полной в течение двадцати трех секунд. Палуба загерметизирована и теперь находится в вакууме. Дальнейшего системного или структурного ущерба не происходит. Никаких дальнейших потерь давления в других частях модуля экипажа не происходит».

Услышав это, Грант снял маску со своего лица и позволил ей уйти на штатное место.

«На этом заканчивается оценка ущерба. Есть ли еще какие-то вопросы?» — задал вопрос компьютер.

Да, черт возьми, что же все-таки произошло? Но машина не ответит на такой вопрос, если не знает однозначного ответа.

— Больше нет никаких вопросов. — ответил Грант и включил связь. — Мак-Нил, с тобой все в порядке?

Нет ответа.

Он попробовал вызвать по громкой связи. — Мак-Нил, это Грант. Я хочу, чтобы ты был на летной палубе.

Нет ответа. Мак-Нил был вне досягаемости, возможно, ранен. После недолгого раздумья Грант решил украсть еще пару секунд, чтобы попытаться выяснить причину их затруднительного

положения.

Несколькими щелчками пальцев он задействовал систему внешнего обзора и задал координаты: «панель Л-43».

Панель располагалась в самой нижней части сферы. Изображение на экране превратилось в бегущее размытое пятно, пока не остановилось в заданном месте. А потом на экране Грант четко увидел: черная точка в верхнем правом квадранте окрашенной в белый цвет стальной панели, аккуратная, как дырочка от пули в бумажной мишени.

— Метеорит, — прошептал Грант. Он по сетке на изображении оценил диаметр отверстия — чуть меньше сантиметра. — Гигант.

Где же, черт возьми, Мак-Нил? Он был внизу, в герметичном трюме, проверял увлажнители воздуха. Так в чем же дело? Ведь метеорит не проникал в трюм… Грант выскользнул из ремней и нырнул в центральный коридор.

Едва его ноги оторвались от палубы, как он ухватился за перекладину лестницы и резко остановился. Непосредственно под летной палубой находилась хозяйственная палуба. В отличие от дверей в двух других каютах, дверь, каюты Мак-Нила была открыта. А внутри сидел Мак-Нил, согнувшись пополам, отвернувшись к переборке, спрятав лицо и вцепившись руками в ручку переборки.

— В чем дело, Мак-Нил? Ты что, заболел?

Инженер отрицательно покачал головой, — маленькие капельки влаги отделились от его головы и, сверкая, побежали по комнате. Грант принял их за капельки пота, пока не понял, что Мак-Нил всхлипывает. Слезы.

Это зрелище вызвало у него отвращение, но он тут же подавил свою реакцию как недостойную. Действительно, нужно быть снисходительнее к слабостям других.

— Ангус, вылезай оттуда. Нам надо собраться с мыслями.

Но Мак-Нил не пошевелился, и Грант тоже не пошевелился, чтобы утешить или хотя бы прикоснуться к нему.

После секундного колебания Грант зло закрыл дверь, чтобы не видеть такое малодушие.

Быстро осмотрев нижние палубы и коридор в трюм, Грант убедился, что, как бы ни были повреждена палуба жизнеобеспечения, целостность жилых и рабочих помещений экипажа не подвергалась опасности. Одним прыжком Питер пролетел через центр корабля обратно на летную палубу, даже не взглянув на каюту Мак-Нила, и уселся в командирское кресло. Уставился на показания приборов.

Цистерна с жидким кислородом №1 — стрелка индикатора

содержимого неподвижно застыла на нуле.

Цистерна с жидким кислородом №2 — то же самое.

Грант смотрел на эти безмолвные стрелки, как много веков назад, во время чумы, мог смотреть какой-нибудь вернувшийся домой лондонец на входную дверь, перечеркнутую в его отсутствие грубо нацарапанным крестом.

Грант постучал по стеклу индикатора, на всякий случай, даже не надеясь, что стрелка просто застряла, ведь в плохое всегда проще поверить чем в хорошее, ну а вдруг...

— Грант, мне очень жаль.

Питер резко обернулся и увидел Мак-Нила, плавающего у трапа с раскрасневшимся лицом и набухшими от слез глазами. Даже на расстоянии более метра Грант почувствовал запах «лечебного» бренди в своем дыхании.

— Что это было, метеорит? — Мак-Нил, казалось, был полон решимости быть веселым, чтобы загладить свою оплошность, и когда Грант утвердительно кивнул, Мак-Нил даже сделал слабую попытку пошутить. — Утверждают, что в корабль такого размера он должен попадать раз в столетие. Мне, кажется, что по нам поторопились выстрелить, ведь впереди еще девяносто девять лет, одиннадцать месяцев и шестнадцать дней .

— К несчастью. Взгляни на то, как нас продырявили, — Питер махнул рукой в сторону экрана, все еще показывающий поврежденную панель. — Эта чертова штука летела практически под прямым углом к нам. Любой другой угол и он не мог бы ударить в что-нибудь жизненно важное.

Грант развернулся лицом к пульту управления и широким окнам летной палубы, выходящим в звездную ночь. С минуту он молчал, собираясь с мыслями. Случившееся было серьезно, чертовски серьезно, но не обязательно грозило гибелью. Как-никак сорок процентов пути осталось за плечами. — Ты готов работать — спросил он. — Нужно кое-что подсчитать.

— Я готов. — Мак-Нил направился к рабочему месту инженера.

—Тогда дай мне цифры по всем запасам, в лучшем и худшем вариантах. Воздух в трюме А. Аварийные запасы. Не забудь, то что находится в баках скафандров и портативных ранцах.

— Ясно — сказал Мак-Нил.

— А я поработаю над соотношением масс. Посмотрим, сможем ли мы чего-нибудь добиться, выбросив трюмы и бросившись бежать.

Мак-Нил поколебался и хотел было что-то сказать, но промолчал.

Грант глубоко вздохнул. Он был здесь главным и понимал

очевидное — выброс груза разорит владельцев, даже страховка не поможет, и отправит страховщиков в богадельню, скорее всего. Но в конце концов, если речь идет о двух человеческих жизнях против нескольких тонн мертвого груза, то выбор не подлежит сомнению.

Он был зол не меньше, чем испуган. Он был зол на Мак-Нила за проявленную тем слабость. Он был зол на конструкторов за то, что они не предусмотрели этой, пусть даже самой маловероятной, случайности, не смогли поставить дополнительную метеоритную защиту в мягком подбрюшье командного модуля. Но крайний срок ведь наступит не завтра, до этого еще многое может случиться. Не все еще потеряно. Эта мысль помогла ему взять себя в руки.

Положение, несомненно, было чрезвычайным, но это было одно из тех критических положений (когда-то характерных для моря, а теперь более типичных для космоса), когда оставалось достаточно времени, чтобы подумать. Да, будет время поразмыслить обо всем — может быть будет слишком много времени для горьких дум.

Гранту вспомнился старый моряк, с которым он познакомился в ангаре Павлакиса в Хитроу, который рассказывал компании из клерков и механиков историю о ужасном плавании, которое он совершил в молодости. Капитан судна по необъяснимой причине не смог обеспечить свой корабль достаточным количеством пресной воды. Сломалось радио, а потом и двигатели. Корабль дрейфовал в течение нескольких недель, прежде чем привлечь внимание проходящего транспорта, к этому времени команда была вынуждена разводить пресную воду с соленой. Старый моряк был среди выживших, которые просто провели несколько недель в больнице. Другим повезло меньше: они умерли ужасной смертью от жажды и отравления солью.

Медленные катастрофы таковы: случается одно маловероятное событие, затем это осложняется вторым маловероятным событием, а третье ставит под угрозу чью-то жизнь.

Сказав, что «Стар Куин» только раз в сто лет может столкнуться с метеоритом, Мак-Нил, бесспорно, упростил проблему. На самом деле это зависело от множества факторов. Три поколения статистиков лишь настолько приблизительно вычислили вероятность столкновений, что страховые компании дрожали всякий раз, когда метеоритные дожди шквалом проносились по орбитам планет.

Скажем если корабль пересекал орбиту Леонидов в пик

ливня это ставилось страховщиками вне закона — хотя даже тогда реальная вероятность пересечения корабля и метеорита была небольшой.

Вопрос, конечно, в том, что понимать под метеором. У каждого куска космического шлака, достигающего поверхности Земли, есть миллион меньших собратьев, которые полностью погибают на ничейной земле, где атмосфера еще не совсем закончилась, а космос еще только начинается — в той призрачной области, где странное полярное сияние иногда гуляет по ночам.

Эти знакомые нам падающие звезды обычно размером с булавочную головку, и на каждую падающую звезду приходится еще миллион настолько мельчайших частиц, что, когда они догорают в небе, от них не остается и следа.

Бесчисленные пылинки, редкие валуны и даже блуждающие горы, с которыми Земля сталкивается, возможно, раз в миллион лет, — все это метеоры.

Для космонавтики интересен лишь тот метеор, который способен заметно повредить обшивку корабля. Здесь имеют значение как масса, так и скорость. Специальные таблицы позволяют судить о вероятности столкновений в разных участках Солнечной системы с метеорами разной величины, вплоть до таких, масса которых не превышает нескольких миллиграммов.

Метеор, врезавшийся в «Стар Куин», был настоящим гигантом — до сантиметра в поперечнике и массой целых десять граммов. Согласно таблице, такое чудовище могло встретиться здесь только один раз в три миллиона лет. Но мысль, что в истории человечества такое больше не повторится, была для Гранта и Мак-Нила слабым утешением.

И все же все могло быть гораздо хуже. «Стар Куин» была в пути уже четырнадцать дней, и ей оставалось еще двадцать один день, чтобы добраться до Венеры. Благодаря усовершенствованным двигателям она двигалась гораздо быстрее, чем медленные грузовые суда, трампы[20] космических путей.

Пассажирские корабли, оснащенные более мощными реакторами совершали такой рейс гораздо быстрее, скоростные катера, использующими новые термоядерные двигатели — почти в два раза быстрее, но тратили при этом на порядок больше топлива. «Стар Куин» заняла промежуточное положение и предназначалась для доставки сверхсрочных грузов. Ее оптимальное ускорение и замедление определяли и ее стартовое окно, и время прибытия.

Удивительно, сколько времени требуется, чтобы выполнить простой расчет, когда ваша жизнь зависит от результата.

Грант вводил соответствующие цифры дюжиной различных

способов, прежде чем перестал надеяться, что результат изменится.

Он повернулся к Мак-Нилу, все еще склонившемуся над инженерной консолью в другом конце рубки. — Мы можем уменьшить время в пути всего на полдня, если отстрелим все трюмы в течение следующего часа или около того.

Секунду или две инженер не отвечал. Когда он наконец выпрямился и повернулся к Гранту, выражение его лица было спокойным и трезвым. — Похоже, кислорода нам хватит в лучшем случае на восемнадцать дней, а в худшем — на пятнадцать, а впереди двадцать один.

Мужчины смотрели друг на друга с каким-то удивительным спокойствием, но оно было кажущимся, — какие скачки устраивали мысли у них в головах: должен же быть выход!

Где взять кислород!?

Электролиз воды, разложение ее на водород и кислород — но на корабле не было достаточно воды, чтобы поддерживать их дыхание в течение дополнительных семи дней.

Дополнительный кислород взять негде.

Оставалось надеяться на чудесную встречу с другим космическим кораблем, курс и скорость которого удивительным бы образом оказались такими же как у них. А что, в «космических операх» такое случается сплошь и рядом.

Таких кораблей, конечно, быть не могло. Космический корабль, который «случайно проходил мимо», был невозможен. Даже если бы другие грузовые суда (такого же типа как «Стар Куин») уже скользили к Венере по той же траектории (а Грант и Мак-Нил знали, что этого не было) — они не смогли бы их догнать без героической, а возможно и фатальной, траты топлива. Но вот полностью укомплектованный быстроходный катер, если бы он стартовал сейчас с Венеры…

— А что стоит сейчас в Порт-Геспер? — Спросил Мак-Нил, как будто его мысли двигались по той же траектории, что и мысли Гранта.

Грант сверился с компьютером, прежде чем ответить. — Пара старых грузовых судов «Хоуманн», судя по реестру Ллойда, и обычный набор портовых катеров и буксиров. — Он резко рассмеялся. — Пара солнечных яхт. Тут уж ничего не поделаешь. Мы могли бы запустить двигатели, ускориться и за неделю достигнуть Венеры, но тогда у нас не будет топлива для торможения, а на планете нет корабля способного догнать нас, когда мы будем пролетать мимо.

— Если мы сами не можем ничего придумать, — сказал Мак-Нил, — надо посоветоваться с Венерой и Землей. Авось кто-

нибудь найдет выход.

— Я как раз собирался это сделать, — раздраженно сказал Грант, — вот только решу, как сформулировать вопрос. — Он вздохнул. — Послушай, ты мне очень помог. Окажи еще одну услугу, проверь возможные утечки воздуха в системе. Значит, с тобой все в порядке?

— Да, все в порядке. — Голос Мак-Нила был тихим.

Мак-Нил расстегнул ремни и поплыл вниз, прочь с летной палубы. Взглядом провожая Мак-Нила, Грант думал о заботах, которые тот ему теперь доставит. Как и большинство полных людей, инженер был уживчив и добродушен. До сих пор с ним вполне можно было ладить. Но теперь он показал свою слабохарактерность. Он явно одряхлел — и физически, и духовно — результат слишком долгого пребывания в космосе.

10

Бортовая радиостанция заработала. Параболическое зеркало на корпусе корабля, нацелилось на Венеру, которая была сейчас всего в двадцати миллионах километров от «Стар Куин» и, двигалась по сходящейся траектории с кораблем. Трехмиллиметровые радиоволны передатчика преодолеют это расстояние чуть больше чем за минуту. Как приятно в этот момент быть радиоволной.

На пульте раздался сигнал, означавший, что связь с Порт-Геспер установлена.

Грант начал говорить ровно и, как он надеялся, совершенно бесстрастно. Он дал тщательный анализ произошедшего и закончил просьбой о совете. О своих опасениях в отношении Мак-Нила он умолчал: несомненно, тот следил за передачей.

А на Порт-Геспер — орбитальной станции Венеры — вот-вот должна была взорваться информационная бомба, вызвав волну сочувствия во всех обитаемых мирах, когда видео и факсы подхватят: «Стар Куин» в опасности. Несчастный случай в космосе имеет драматическое качество, — вытеснять все другие новости. По крайней мере, до тех пор, пока не будут пересчитаны трупы.

Ответ из Порт-Геспера, менее драматичный, был настолько быстр, насколько позволяла скорость света:

> «Порт-Геспер вызывает «Стар Куин». Подтверждаем ваш аварийный статус. Вскоре направим подробный вопросник. Пожалуйста, будьте на связи».

Потребовался почти час, чтобы прочитать на дисплее пришедшее наконец сообщение, — перечень вопросов был настолько подробным, что Грант угрюмо подумал, проживут ли они с Мак-Нилом достаточно долго, чтобы ответить на все?

Большинство вопросов были техническими, о состояния корабля. Грант не сомневался, что специалисты на Земле и Венере ломают головы, пытаясь спасти «Стар Куин» и ее груз. Возможно, особенно ее груз.

— Ну, что ты об этом думаешь? — Спросил Грант Мак-Нила, когда тот закончил читать сообщение. Он внимательно следил за инженером, ожидая новых признаков нервного расстройства.

После долгой паузы Мак-Нил, пожав плечами, заговорил, и первые его слова прозвучали эхом собственных мыслей Гранта:

— Без дела мы, конечно, сидеть не будем. За один день я со всеми их вопросами не управлюсь. В основном мне понятно, к

чему они клонят, но некоторые вопросы поистине дурацкие.

Грант думал так же, и молча дал собеседнику продолжить.

— Скорость утечки воздуха из корпуса — вопрос достаточно разумный, но зачем им понадобилось знать, надежно ли мы защищены от радиации? По-моему, они пытаются или поддержать наш дух своими заумными вопросами… Или просто отвлечь работой от тревожных раздумий.

Невозмутимость Мак-Нила успокоила Гранта и вместе с тем раздосадовала. Успокоила, потому что он опасался новой тягостной сцены, а раздосадовала, потому что противоречила уже сложившемуся о Мак-Ниле мнению. Как же все-таки рассматривать тот его нервный срыв? Показал ли он тогда свою истинную натуру или это была лишь минутная слабость, которая может случиться с каждым?

Грант, воспринимавший мир в черно-белом изображении, злился, не понимая, малодушен или отважен Мак-Нил. Возможность сочетания того и другого ему и в голову не приходила.

В дальнем космическом полете у человека пропадает чувство времени. Ничего похожего нигде больше не испытаешь. Даже на Луне о времени напоминают лениво переползающие с уступа на уступ тени, а со стороны, обращенной к Земле, перед глазами всегда огромный вращающийся циферблат, на котором в определенный час появляется тот или иной континент.

Но в гиростабилизированном космическом корабле одни и те же солнечные узоры неподвижно лежат на стене и на полу, а хронометр отсчитывает часы и дни, но что касается ощущений, то они бессмысленны. Солнце движется только тогда, когда пилот решает переместить корабль, и хронометры отсчитывают числа, которые говорят о днях и часах, но что касается ощущений, то они бессмысленны.

Грант и Макнейл уже давно научились соответствующим образом регулировать свою жизнь; находясь в глубоком космосе, они двигались и думали с некоторой натугой, которая исчезла достаточно быстро, когда путешествие приближалось к концу и наступало время для маневров торможения. И хотя теперь они были приговорены к смерти, они продолжали двигаться по накатанной колее привычки.

Грант регулярно вел бортовой журнал и выполнял все прочие свои многочисленные обязанности. И Мак-Нил, по крайней мере внешне, держался, как обычно, хотя Грант подозревал, что некоторые технические наблюдения он делает спустя рукава. Пришлось сказать несколько резких слов инженеру по поводу скопления грязных подносов с едой после дежурства Мак-Нила на

камбузе. Это было единственным признаком его не совсем обычного состояния.

После столкновения с метеоритом прошло три дня. Все это время Земля и Венера не прекращали совещаться, и Грант гадал, каковы будут результаты этой дискуссии. Он не верил, что лучшие умы в Солнечной системе смогут спасти их (не мог представить себе такого варианта), но и совсем отказаться от надежды было трудно, — с виду все выглядело совершенно нормальным и воздух оставался по-прежнему чистым и свежим. Каждый день приходили сообщения типа «извините за задержку, ребята, мы вам кое-что подскажем, как только сможем».

На четвертый день заговорила Венера: «Внимание, вот что вы должны сделать. Это может сработать только раз, и некоторые действия отменены быть не могут, так что будьте внимательны и просите разъяснений, если что вам будет не ясно. Итак, сначала войдите в системный файл локус два-три-девять и четыре десятых. А теперь я просто даю вам время, чтобы найти этот локус…»

Если не считать жаргона, длинное сообщение было похоронной речью; суть инструкции заключалась в том, чтобы гарантировать, что «Стар Куин» сможет прибыть в Порт-Геспер под дистанционным управлением с грузом, даже если в командном модуле будут находиться два мертвых тела. Грант и Мак-Нил были списаны со счетов.

Одно утешение: Грант уже знал из своих тренировок в высотных камерах, что смерть от гипоксии, во всяком случае, ближе к концу, будет положительно головокружительной.

Макнил исчез внизу вскоре после того, как сообщение было закончено, без единого слова комментариев. Грант не видел его уже несколько часов. Поначалу он испытал откровенное облегчение. Ему тоже не хотелось разговаривать, и если Мак-Нил хотел сам о себе позаботиться, то это было его дело. Кроме того, нужно было написать много разных писем, да и документ «последняя воля и завещание», хотя его можно составить и попозже.

К ужину Грант спустился в кают-компанию, ожидая застать Мак-Нейла за работой на камбузе. Была очередь Мак-Нила готовить ужин, что он делал всегда с удовольствием, так как весьма заботился о своем пищеварении.

Но в кают-компании никого не было. Грант отправился на розыски своего экипажа.

Мак-Нила он нашел лежащим на койке и весьма благодушно настроенным. В воздухе над ним висел большой металлический ящик, носивший следы грубого взлома. Рассматривать

содержимое не требовалось – все и так было ясно — достаточно было одного взгляда на Мак-Нейла.

— Просто безобразие тянуть эту штуку через трубочку, — без тени смущения заметил Мак-Нил. — Эх, увеличить бы немного гравитацию, чтобы можно было пить по-человечески.

Сердито-осуждающий взгляд Гранта оставил его невозмутимым.

— К чему эта кислая мина? О, не будь таким занудой, дружище. — Угощайся! Какое это теперь имеет значение?!

Он кинул бутылку, и Грант подхватил ее на лету. Это был Каберне Совиньон из Калифорнийской долины Напа — баснословно ценный груз, Грант знал его цену — содержимое этого ящика стоило тысячи долларов.

— Не вижу причин даже в данных обстоятельствах вести себя по-свински, — сурово сказал он.

Мак-Нил не был еще пьян. Он достиг лишь той приятной стадии, которая предшествует опьянению и в которой сохраняется определенный контакт с унылым внешним миром.

— Я готов, — заявил он с полной серьезностью, — выслушать любые убедительные возражения против моего нынешнего образа действий, на мой взгляд в высшей степени разумного. Но если вы намерены читать мне мораль, вам следует поторопиться, пока я не утратил еще способности воспринимать ваши доводы. — Он подарил Гранту херувимскую улыбку и с этими словами нажал на пластиковую грушу, — бордовая струя хлынула ему в рот.

— Ты крадешь имущество компании, которое может быть спасено, — объявил Грант, не сознавая абсурдности своих слов, но сознавая, что его голос приобрел гнусавость и скованность молодого школьного учителя (и что же это такое?) … а кроме того, ты вряд ли сможешь пьянствовать несколько недель подряд!

— Это мы еще посмотрим, — задумчиво отозвался Мак-Нил.

— Ну уж нет! — обозлился Грант. Опершись о стену, он с силой вытолкнул ящик в открытую дверь. Выбираясь затем из каюты, он слышал, как Мак-Нил крикнул ему вдогонку:

— Это уже предел хамства!

Чтобы отстегнуть ремни и вылезти из койки, да еще в его теперешнем состоянии, инженеру потребовалось бы немало времени. И Грант, беспрепятственно вернув ящик на его место в трюм, набрал новую комбинацию на магнитном замке и запер дверь. Так уж получилось, что у него было достаточно времени, чтобы сделать это. Мак-Нил даже не потрудился последовать за ним.

Мак-Нил, сохранивший все же парочку бутылок, пел, когда Грант, возвращаясь, снова проплывал мимо его каюты. Было

слышно, как инженер горланил:

Куда уходит кислород нам все равно,
Лишь не уходил бы он в вино, в вино.
Вино, вино,вино, вино,
Оно на радость нам дано.

Гранту песня показалась смутно знакомой.

«Куда уходит кислород нам все равно…»

Пока он прислушивался, на него вдруг накатило чувство, природу которого он, надо отдать ему справедливость, понял не сразу и которое прошло так же быстро, как и пришло.

Но когда он добрался до летной палубы, его трясло, и он чувствовал себя немного больным. Он понял, что его неприязнь к Мак-Нилу постепенно превращается в ненависть.

11

Конечно, Грант и Мак-Нил неплохо ладили в обычных обстоятельствах. Никто не виноват в том, что обстоятельства теперь были очень далеки от обычных.

Только потому, что эти два человека показали удивительно плавные личностные кривые на стандартных психологических тестах; только потому, что их летные записи были практически безупречны; только потому, что миллиарды фунтов, долларов, иен, драхм и динаров были задействованы в полете «Стар Куин», Комитет Космического Контроля разрешил кораблю нарушить правило экипажа из трех человек.

Правило «экипаж-три» применялось уже в течение полутора столетий космических полетов и якобы обеспечивало минимально здоровую социальную конфигурацию при длительных периодах изоляции. Правда, в любой группе из трех, двое в конце концов объединятся против третьего — как говорили древние римляне , в человеческих делах наименее устойчивой структурой является треугольник. Что вовсе не обязательно плохо. Конечно три лучше чем два, а два гораздо лучше, чем один. И любая группа больше трех довольно скоро выродится в подгруппы из двоек и триад.

Мужчина или женщина в одиночку почти наверняка очень быстро сойдут с ума. Это может быть доброкачественное безумие, даже образцовое безумие — например, в форме навязчивого написания романтической поэзии — но ни одна форма безумия не устраивает космических страховщиков.

Опыт показывает, что у экипажа из двух человек: мужчина-женщина, женщина-женщина, мужчина-мужчина — кризис в отношениях наступает в течение нескольких дней. Их относительный возраст не имеет значения. Вопрос власти: кто здесь главный? **И** решение этого вопроса может привести даже к фатальному насилию.

Трое людей любого пола будут пытаться какое-то время ладить между собой, и в конце концов двое объединятся против третьего. Таким образом, вопрос о власти решится сам собой.

Двое мужчин, не близкие друзья, оба гетеросексуалы, сопоставимые по возрасту и статусу, но принципиально разные по темпераменту, — это худшее из возможных сочетаний.

Говорят, трехдневный голод способен превратить цивилизованного человека в дикаря. Грант и Мак-Нил физических страданий не испытывали. Но их воображение было

слишком живым. Уже сейчас у них было много общего с двумя голодными островитянами, затерянными в утлой лодчонке посреди Тихого океана, и с каждым днем общего становилось все больше и больше. Ведь самым главным было то, о чем вслух еще не было произнесено. Когда компьютерный анализ ситуации был проверен и перепроверен, оставалось сделать простой логический вывод, компьютер его сделать не мог, поскольку воздерживался от советов, которые его не просили давать.

Каждый из них его сделал самостоятельно.

Все было до ужаса просто и выглядело жуткой пародией на задачи по арифметике для первокурсников, которые начинаются словами: «Если шесть человек производят монтаж за два дня, сколько времени…»

В тот момент, когда метеорит уничтожил запас жидкого кислорода до Венеры оставалось еще три недели полета, а расчеты показывали, что запаса воздуха хватит для двух человек на две с половиной недели (то есть запас составлял тридцать пять человеко-дней воздуха)…

Не нужно быть великим математиком, чтобы понять, что один человек, только один человек, может выжить, чтобы пройти по извилистым садовым дорожкам Порт-Геспера.

Прошло уже четыре дня. Воздуха оставалось на тринадцать дней (на двоих), но только десять, еще только десять дней они могли лететь вдвоем, не подвергая опасности шансы того, кто выживет в одиночку. Через десять дней только у одного человека будет хоть какая-то надежда достичь Венеры.

Положение было, что называется, пиковое.

Ясно, что долго длиться такое молчание не могло. Но даже при хороших отношениях двум людям нелегко решить по-дружески, кто из них совершит самоубийство. Еще труднее это, когда люди в ссоре и не разговаривают друг с другом.

Грант намерен был действовать честно. А потому оставалось одно: выждать, пока Мак-Нил протрезвится, чтобы откровенно поговорить с ним.

Лучше всего ему всегда думалось за своим столом, поэтому он отправился в рубку и пристегнулся ремнями к креслу пилота. Некоторое время он задумчиво глядел в пространство. Под конец решил, что лучше всего объясниться письменно, особенно с учетом нынешних натянутых отношений. Открыв блокнот он начал: «Дорогой Мак-Нил…» Затем вырвал лист и начал по-другому: «Мак-Нил…»

Ему потребовалось почти три часа, чтобы записать то, что он хотел сказать, и даже тогда он не был полностью удовлетворен. Некоторые вещи так дьявольски трудно изложить на бумаге. Все

же он кое-как дописал письмо, запечатал его полоской скотча и, прихватив с собой письмо, закрылся в своей каюте. Передать письмо Мак-Нилу, можно и попозже через день или два, время еще есть.

Лишь немногие на Земле и Венере догадывались о все возрастающем на борту «Стар Куин» напряжении. — Напряжении, которое грозило достигнуть разрушающего значения. Газеты и радио наперебой строили самые фантастические планы спасения. Отставные пилоты космических кораблей и писатели-фантасты принимали в этом основное участие. Миллионы людей, кажется, только об этом и говорили. Но лишь слабое эхо этого шума доносилось до тех двоих, чья судьба так взволновала населенные миры.

Венера имела возможность в любое время беседовать со «Стар Куин», но сказать-то было по сути нечего. Не станешь ведь говорить пустые слова утешения людям, приговоренным к смерти, даже если дата ее известна лишь приблизительно.

Итак, Венера ежедневно проводила только обычные короткие сеансы радиосвязи и блокировала неистощимый поток бессмысленных предложений хлынувших с Земли. Передавались также обычные информационные сообщения —новости о войне в Южной Азии, о новых ударах метеоритов по поверхности Венеры, суете вокруг боевика «Пока горит Рим», который только что был запрещен в Москве.

Попытки же некоторых частных радио-компаний напрямую связаться с кораблем были тщетны: ни Гранту, ни Мак-Нилу не приходило в голову настраиваться на какую-то другую волну, кроме той, что тянулась к мучительно близкой Венере.

Когда Мак-Нил, страдающий похмельем, выбрался из своей каюты, произошла встреча при которой оба они чувствовали себя неловко, но затем отношения вроде бы наладились и, хотя атмосфера на корабле была далека от сердечной, внешне жизнь потекла почти по-прежнему.

Грант целыми часами сидел в рубке, производя навигационные расчеты или сочиняя бесконечные письма жене. При желании он мог бы поговорить с ней, но мысль о чужих, подслушивающих ушах останавливала его. Межпланетным переговорам вообще-то полагалось быть приватными — но верилось в это с трудом.

И это письмо Мак-Нилу. Через пару дней, заверил себя Грант, он передаст свое письмо, и они смогут решить, что делать дальше. Такая задержка также даст Мак-Нилу шанс самому поднять эту тему. То, что у того могли быть другие причины для колебаний, кроме простой трусости, Гранту и в голову не

приходило.

Он часто задавался вопросом, как Мак-Нил проводит свое время теперь, когда у него закончилась выпивка.

У инженера была большая библиотека микрокниг, так как он много читал, и круг его интересов был необычен.

Грант знал, что он интересуется западной философией, восточной религией, а художественную литературу читает всех видов.

Мак-Нил однажды упомянул, что его любимой книгой был странный роман начала двадцатого века «Юрген», и, возможно, сейчас он пытался забыть о своей судьбе, потерявшись в ее странной магии. Другие книги Мак-Нила были менее респектабельны.

Мак-Нил с его широчайшим кругом интересов вообще был слишком тонкой и сложной натурой, недоступной пониманию Гранта. Инженер был гедонистом, делал все, что мог, чтобы обеспечить себе комфортную жизнь на борту корабля, любил жизнь и отдавался наслаждениям когда оказывался на планете, тем более что месяцами был отрезан от них. Но он отнюдь не был тем моральным слабаком, каким его считал лишенный воображения пуританин Грант.

Действительно, вначале, после удара метеорита, Мак-Нил совершенно пал духом. Когда это случилось, он находился в коридоре и взрыв произошел всего в метре от него, по другую сторону стальной стены, в отсеке жизнеобеспечения, он сразу понял всю серьезность ситуации. Его реакция была точь-в-точь такой же, как у пассажира самолета, который видит, как на высоте 9000 метров отрывается крыло: до земли осталось еще десять-пятнадцать минут, смерть неизбежна. — Паника. Отсюда и его выходка с вином.

Но как ива на ветру, он согнулся от напряжения — и тут же пришел в себя. Грант был более жестким (человеком-дубом) — и более хрупким. В этом и заключалась разница между ними.

Хотя по молчаливому согласию заведенный порядок и был восстановлен, на натянутость в отношениях Гранта и Мак-Нила это не повлияло. Оба всячески избегали друг друга и сходились только за столом. При этих встречах они держались с преувеличенной любезностью, усиленно стараясь вести себя как обычно, что ни одному из них не удавалось.

Прошел день, потом еще один. И третий тоже.

Грант надеялся, что Мак-Нил сам заговорит о необходимости кому-то из двоих принести себя в жертву. И то, что инженер упорно не желал начать этот трудный разговор, еще больше усиливало неприязнь и презрение Гранта.

В довершение всех бед Грант страдал теперь ночными кошмарами и почти не спал.

Кошмар был постоянно один и тот же. Когда-то, еще мальчишкой, Грант, захваченный какой-нибудь интересной книгой, часто продолжал чтение в постели. Делать это приходилось, конечно, украдкой, и он, накрывшись с головой, светил себе карманным фонариком. Каждые десять минут в этом уютном гнездышке становилось нечем дышать, и мгновения, когда он высовывался, чтобы наглотаться свежего, прохладного воздуха, доставляли ему особое удовольствие.

Теперь, через тридцать лет, он расплачивался за эти невинные детские шалости. Ему снилось, что он не может выпутаться из простыней и мучительно задыхается от недостатка воздуха.

Письмо Мак-Нилу он все еще не отдал. Вообще такая манера тянуть была совершенно ему несвойственна, но он сумел убедить себя, что в данном случае она единственно правильная.

Он ведь давал Мак-Нилу возможность искупить прежнее недостойное поведение мужественным поступком. И ни разу ему не пришло в голову, что Мак-Нил может ждать подобного проявления мужества от него самого.

Когда до последнего, буквально крайнего срока оставалось только три дня, Грант впервые начал подумывать об убийстве. Он сидел после «вечерней» трапезы, с раздражением слушая, как Мак-Нил гремит в камбузе посудой.

Кому в целом свете, спросил себя Грант, нужен этот инженер? Он холост, смерть его никого не осиротит, никто по нем не заплачет. Грант же, напротив, имеет жену и троих детей, которых он умеренно любит, хотя по непонятным причинам видит от своих домочадцев лишь обязательную почтительность.

Непредубежденный судья без труда выбрал бы из двоих более достойного. Имей Мак-Нил хоть каплю порядочности, он сделал бы это и сам. А поскольку он явно не намерен ничего такого делать, он не заслуживает, чтобы с ним считались.

Мысль, которую Грант уже несколько дней отгонял от себя, теперь назойливо ворвалась в его сознание, и он, отдадим ему справедливость, тут же с ужасом ее отбросил.

Он был честным и благородным человеком с очень строгим кодексом поведения. И желание убить, возникающее порой даже у вроде бы нормального человека, редко приходило в его голову. Но в те дни – те немногие дни, которые ему еще оставались, — оно будет приходить все чаще и чаще.

Воздух теперь стал заметно грязнее, хотя регенератор очищающий циркулирующую атмосферу от

углекислого газа работал, предотвратить медленное увеличение содержания инертных газов в воздухе было невозможно, да это не создавало пока особых трудностей для дыхания, но постоянно напоминало о предстоящей беде и лишало Гранта сна. Он не считал это большой потерей, так как бессонница избавила его от кошмаров, однако физически он чувствовал себя все хуже и хуже.

И нервы его тоже быстро сдавали, что усугублялось поведением Мак-Нила, который держался теперь с неожиданным и бесившим Гранта спокойствием. Откладывать объяснение дальше становилось уже опасно.

Достав из стола письмо, в котором оно пролежало, казалось, целую вечность, Грант помедлил еще, раздумывая, не надо ли прибавить что-нибудь к написанному. Но затем, осознав, что просто ищет новый предлог для отсрочки, он решительно двинулся к каюте Мак-Нила.

Даже один нейтрон вызывает цепную реакцию, способную вмиг погубить миллионы жизней, искалечить даже тех, кто еще не родился и уничтожить труд многих поколений. Точно так же иной раз достаточно ничтожного толчка, чтобы круто изменить образ действий и всю судьбу человека.

Гранта остановил у двери Мак-Нила совершеннейший пустяк — запах дыма, табачного дыма. Ничто не могло быть более тривиальным, — в обычной ситуации он бы этого даже не заметил. Но сейчас мысль, что этот сибаритствующий инженер транжирит на свои прихоти последние бесценные литры кислорода, привела Гранта в бешенство.

Он был так разъярен, что в первый момент не мог двинуться с места, затем медленно скомкал в кулаке письмо. Мысль, которая сначала была незваным гостем, а затем случайным предположением, теперь наконец была принята, признана и одобрена. Мак-Нилу предоставлялась возможность равноправия, у него был шанс, но своим невероятным эгоизмом он доказал, что недостоин этого шанса. Что ж, если так — пусть себе умирает.

Быстрота, с какой было принято это самооправдывающее решение, не обманула бы и начинающего психиатра. Именно облегчение, а не ненависть, заставило Гранта уйти прочь. Он убедил себя в том, что нет никакой необходимости совершать благородный поступок, предлагать какую-то азартную игру, которая даст им обоим равную вероятность остаться в живых.

Это был тот самый предлог, в котором он нуждался, и он ухватился за него, чтобы успокоить свою совесть. Потому что он принадлежал к людям, которые хоть и способны задумать и даже совершить убийство, но и в таких случаях остаются верны

собственным представлениям о чести и морали.

С облегченной душой Грант вернуться в свою койку и запах табачного дыма успокаивал его совесть.

Между тем Грант, уже не впервые, глубоко заблуждался насчет Мак-Нила. Последний был заядлым курильщиком, и ему даже в нормальных обстоятельствах для поддержания душевного равновесия требовался табак. Насколько же важнее это было ему сейчас. В прошлом он пытался бросить курить, но это оказалось выше его сил.

Грант, куривший от случая к случаю и без особого удовольствия, не мог этого понять. — А Мак-Нил удивлялся, почему Грант вообще курит, если ему это не нужно.

После тщательных расчетов Мак-Нил пришел к выводу, что две сигареты в день существенно на продолжительность их жизни не повлияют, но для его собственных нервов, а отсюда косвенно и для нервов Гранта роль их будет огромна.

Поскольку объяснять это Гранту было бы бесполезно, инженер курил тайком и это помогало ему держать себя в руках.

Перекур шести-семи минутный, дважды в день — один раз поздно вечером, другой утром, спрятавшись глубоко в недрах корабля. Если бы Мак-Нил знал о бессоннице Гранта, он не рискнул бы выкурить эту ночную сигарету в своей каюте.

Только роковая случайность позволила Гранту застигнуть его за курением.

Для человека, лишь сейчас решившегося на убийство, Грант действовал на удивление целеустремленно.

Не раздумывая, но соблюдая осторожность, он пересек затемненную кают-компанию к укрепленному на стене аптечному шкафу рядом с камбузом, и открыл аптечку с четко обозначенными отделениями, предназначенными почти для любой чрезвычайной ситуации, которая могла произойти в космосе.

Даже самая крайняя необходимость была предусмотрена – крошечная бутылочка, удерживаемая эластичными лентами, которую он сейчас искал, и чей образ все эти дни прятался глубоко в неведомых глубинах его сознания. На белой этикетке под изображением черепа и скрещенных костей стояла четкая надпись: «Примерно полграмма вызовут безболезненную и почти мгновенную смерть».

Безболезненная и мгновенная смерть — это было хорошо. Но еще лучше был факт, который не был упомянут на этикетке: яд не имел вкуса.

Почти весь следующий день прошел без особых событий.

Еда, которую готовил Грант, не имела ничего общего с произведениями кулинарного искусства, выходившими из рук Мак-Нила. Человек, любящий вкусно поесть и вынужденный большую часть жизни проводить в космосе, обычно учится хорошо готовить. И Мак-Нил давно уже освоил эту вторую профессию.

Грант же, напротив, смотрел на еду как на досадную необходимость, с которой он всегда старался справиться побыстрее. И это естественно отражалось на его стряпне. Мак-Нил уже давно перестал ворчать по этому поводу. Но сейчас за столом он заметил все возрастающую нервозность Гранта, и ему было очень интересно узнать, какие неприятности доставляет Гранту именно эта трапеза.

Ужин протекал почти в полном молчании, но это стало уже обычным: все возможности непринужденной беседы были давно исчерпаны. Когда с едой было покончено, Грант отправился на камбуз готовить кофе.

Это отняло у него довольно много времени, потому что в последний момент ему вдруг вспомнился некий классический фильм прошлого столетия: легендарный Чарли Чаплин, пытаясь отравить опостылевшую жену, перепутывает стаканы.

Совершенно неуместное воспоминание полностью выбило Гранта из колеи. Он понимал, что работа, которую он затеял, должна быть, будет сделана сегодня (иначе это будет последним днем его жизни), но на миг он испытал желание поступить наперекор себе, себе во вред отложить ее на завтра — на миг им овладел тот самый «бес противоречия»[21], который, если верить Эдгару По, только и ждет случая поиздеваться над человеком.

Прошла добрая минута, прежде чем Грант, дрожа всем телом, сумел взять себя в руки. Должно быть, его нервы находятся в еще худшем состоянии, чем он предполагал.

Впрочем, Грант, по крайней мере внешне, был уже совершенно спокоен, когда внес пластиковые сосуды с трубочками для питья. Ошибка исключалась, потому что свой стаканчик инженер давно пометил, крупными буквами выведя на нем: «Мак».

При этой мысли Грант едва удержался от истерического смешка, признавшись себе, что совсем уже не владеет своими нервами.

Как зачарованный, наблюдал он за Мак-Нилом, который, угрюмо глядя в пространство, вертел свою чашку, не спеша отведать напиток. Потом он все же поднес трубочку к губам.

Когда он, сделав первый глоток, поперхнулся, сердце у Гранта остановилось. Но инженер тут же спокойно произнес:

— На этот раз вы сварили кофе, как полагается. Он горячий.

Сердце Гранта медленно возобновило прерванную работу, но на свой голос он не надеялся и только неопределенно кивнул. Инженер осторожно пристроил чашку в воздухе, в нескольких дюймах от своего лица.

Он глубоко задумался. Казалось, он подбирал слова для какого-то важного заявления. Грант проклинал себя за слишком горячий кофе: такие вот пустяки и приводят убийц на виселицу. Он боялся, что не сможет долго скрывать свою нервозность.

— Я полагаю, — тоном, каким говорят о самых обыденных вещах, начал Мак-Нил, — вам уже приходило в голову, что только для одного из нас здесь хватит воздуха до самой Венеры.

Неимоверным усилием воли Грант оторвал взгляд от гипнотической чашки и выдавил из пересохшего горла слова:

— Эта… эта мысль у меня мелькала.

Мак-Нил потрогал свой сосуд, нашел, что тот еще слишком горяч, и задумчиво продолжал:

— Так не будет ли всего правильней, если один из нас выйдет через наружный шлюз или примет… скажем, что-то оттуда? — Он ткнул большим пальцем в сторону аптечки на стене, неподалеку от того места, где они сидели.

Грант кивнул. — О да, это было бы вполне разумно.

— Вопрос, конечно, в том, — прибавил инженер, – кто из нас будет тем несчастным парнем. Я полагаю, нам надо как-то бросить жребий.

Грант смотрел на Мак-Нила с восхищением, которое почти перевешивало его растущую нервозность. Не верилось, что инженер может так спокойно обсуждать эту тему.

Заподозрить он ничего не мог – в этом Грант был уверен. Просто оба они думали об одном и том же, и по какому-то случайному совпадению Мак-Нил сейчас, именно сейчас, затеял этот разговор.

Инженер пристально смотрел на него, стараясь, видимо, определить реакцию на свое предложение.

— Ты прав, — услышал Грант собственный голос. — Мы должны обсудить это.

— Да, — безмятежно подтвердил инженер, — должны. — Он взял свою чашку, зажал губами трубочку и стал медленно потягивать кофе.

Ждать конца этой сцены Грант был не в силах. Облегчения, на которое он надеялся, он вовсе не испытывал. Скорее его даже кольнуло нечто похожее на жалость, хотя с раскаянием это не имело ничего общего.

Было уже немного поздно думать сейчас о том, как одиноко

ему будет на борту «Стар Куин», преследуемому своими мыслями, в грядущие дни, прежде чем придет спасение.

Он не хотел видеть Мак-Нила умирающим. Внезапно его затошнило. Не оглянувшись на свою жертву, он бросился к выходу.

12

Раскаленное солнце и немигающие звезды смотрели на неподвижный, как и они, «Стар Куин». Невозможно было заметить, что эта крохотная гантель достигла теперь своей максимальной скорости относительно Земли и вот-вот из меньшей сферы вырвутся миллионы лошадиных сил и создадут мощную тягу, чтобы затормозить корабль на парковочной орбите возле Порт-Геспера. И ни что не говорило, что в большей сфере есть еще кто-то живой.

Люк на теневой стороне корабля медленно открылся, и во тьме повис яркий круг света. Почти тут же из корабля выплыли две фигуры. Две громоздких фигуры в скафандрах. В темноте происходило что-то непонятное. Потом одна из фигур начала двигаться, сперва медленно, однако с каждой секундой набирая скорость. Когда из отбрасываемой кораблем тени ее вынесло на слепящее солнце, стал виден укрепленный на спине небольшой газовый баллон, из которого вился, мгновенно тая в пространстве, легкий дымок.

Эта примитивная, но эффективная ракета позволила трупу, а это был труп, преодолеть ничтожное гравитационное поле корабля и очень скоро бесследно исчезнуть вдали.

Все это время другая фигура неподвижно стояла в шлюзе. Затем наружный люк закрылся, яркий сияющий круг пропал, и на затененной стороне корабля осталось лишь тусклое отражение бледного света Венеры.

Следующие семь[22] дней в непосредственной близости от «Стар Куин» ничего не происходило.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ВОПРОС ЧЕСТИ

13

Когда она догнала мужчину в униформе, он уже шагал по набережной на территории Совета Миров, направляясь прочь от центрального офиса Комитета Космического Контроля. Сады зеленели нежными молодыми листьями распускающихся деревьев, на Манхэттен пришла еще одна весна…

— Помощник инспектора Трой, командор. Мне сказали поторопиться, а то ты можешь уйти.

Он продолжал идти.— Я никуда не ухожу, Трой. Просто гуляю.

Она пристроилась рядом с ним.

Это был худощавый человек, судя по виду, славянского происхождения, с серо-стальным лицом и таким хриплым голосом с канадским акцентом, что он был едва ли громче шепота. Его синий мундир был выглажен и безупречно чист; золотые знаки отличия на воротнике блестели; на груди было лишь несколькими наград, но они были весьма значимыми. Морщинистое лицо командора, почти черное от ожогов, выдавало годы, проведенные им в глубоком космосе.

Он открыл серебряную коробочку с пилюлями и сунул в рот крошечный пурпурный шарик — потом остановился у стальных перил и протянул ей открытый футляр. — Не хотите ли одну? Рademас.

Когда она заколебалась, он сказал: — Многие пользуются ими, я уверен вы знаете — мягкое действие, вымывание из организма через двадцать минут.

— Нет, благодарю вас, сэр, — твердо сказала она.

— Я пошутил — прохрипел он. — На самом деле это мятные леденцы для дыхания. Фиалковый аромат. Самое вредное в них — это сахар.

Он не очень умело усмехнулся, все еще держа в руке открытый футляр. Спарта снова покачала головой, и он закрыл его. — Как вам будет угодно. — Поморщившись от отвращения, он выплюнул мяту, которую держал под языком, через перила в желеобразную Ист-Ривер. — Полагаю, что слишком часто я проделываю этот дурацкий трюк — никто не покупается.

Он пристально посмотрел на воду, ее густую зеленую поверхность, заполненную водорослями. Перила из нержавеющей стали отражали золотой солнечный свет раннего утра, командор смотрел поверх их, прямо на Солнце — вероятно, желая, чтобы она поскорее забыла об этой его выходке. Через некоторое время он повернулся к Спарте, грубо откашлявшись. — О’кей. Похоже,

инспектор Бернстайн очень высокого мнения о тебе. Она написала тебе хорошую рекомендацию. Мы дадим тебе самостоятельное задание.

Пульс Спарты учащенно забился: наконец после двух лет ее ожидала собственная миссия! — Я очень благодарна ей за рекомендацию.

— Держу пари, что так оно и есть. Особенно если учесть, что ты, должно быть, перестала надеяться, что она выпустит тебя из своих объятий.

Спарта позволила себе улыбнуться. — Да, сэр, я признаю, что узнала Ньюарк[23] лучше, чем хотелось.

— Но ты можешь туда вернуться, Трой. — все зависит от тебя.

— Что за задание, командор?

— Временная служебная командировка в Порт-Геспер. Разобраться со «Стар Куин». Не стоит слишком усложнять. Либо корабль был пробит метеоритом, либо нет. Но если нет, то либо он сломался сам, либо кто-то его сломал. Владелец и большинство заинтересованных лиц уже направляются в Порт-Геспер на «Гелиосе», но мы доставим тебя туда раньше их. Будешь работать с парнем по имени Пробода из местных. Он старше по званию, но главная ты. Да кстати, чуть не забыл… — Он сунул руку во внутренний карман пиджака и достал оттуда кожаную папку.

— Поскольку мы не хотим, чтобы на месте у тебя возникали трудности , — он открыл папку и показал значок «Золотой щит» — вот знак твоих высоких полномочий. — Он протянул ей папку. — Здесь все что тебе понадобится, все известное на данный момент. В электронном помощнике. Он уже активирован.

Спарта взяла папку обеими руками и внимательно посмотрела на значок. Нежный румянец удовольствия расцвел на ее скулах.

Командор некоторое время наблюдал за ней, а затем резко сказал: — Извини, нет времени для церемоний, инспектор. В любом случае, поздравляю.

— Благодарю вас, сэр.

— А вот и твоя машина.

Они повернулись, — белый вертолет с шумом опустился на вертолетную площадку перед башней Совета Миров. Он мягко коснулся земли, его турбины вращались на холостом ходу, а роторы лениво свистели. — Что касается личных вещей, можешь взять все что нужно, — сказал командор. — В разумных пределах, разумеется. Но тебе нужно успеть на шаттл в Ньюарк и катер, ожидающий на орбите.

Она была поражена такой стремительностью, но старалась не

показывать этого. — Один вопрос, сэр.

— Валяй.

— А почему расследованием занялась Земля, сэр? Почему не Порт-Геспер?

— Порт-Геспер — это маленький штат следователей, по сути одна капитан Антрин, она просмотрела все наши материалы и попросила в помощь именно тебя. — Командир снова ухмыльнулся. — Будь ей благодарна. Бернштейн никогда бы не отпустила тебя из таможни.

Спарта отсалютовала и быстро направилась к ожидавшему ее вертолету. Командор смотрел ей вслед с нескрываемой завистью.

На борту катера с факельным двигателем кроме экипажа из трех человек и Спарты больше не было никого. Стройный белый корабль, украшенный голубой диагональной лентой с Золотой Звездой Комитета Комического Контроля, несся по гиперболической орбите к Венере. Шел шестой час двенадцатых суток полета, когда пришло радиосообщение:

> «Это «Стар Куин», говорит командир Питер Грант. Инженер Мак-Нил и я вместе пришли к выводу, что кислорода осталось достаточно только для одного человека , и только один человек может прожить до того, как наш корабль причалит к Порт-Гесперу.…»

Центр связался со Спартой меньше чем через час; морщинистое и почерневшее лицо командора появилось на видео-экране в рубке связи катера. — Ладно, Трой, это добавляет нам проблем. Теперь нужно установить, вышел ли этот член экипажа из шлюза сегодня утром сам или его выкинули?

— Да, сэр. Имеются ли в наличии запрошенные мною досье на пассажиров «Гелиоса»?

Последовала минутная задержка, пока ее слова совершали путешествие на Землю, а его — обратно.

— Мы послали тебе все, что успели нарыть, нужно сказать что подобралась странная компания: Парень, работающий на страховую компанию (известный мошенник). Женщина, занимающаяся тяжелой техникой и увлекающаяся старыми книгами. Ее темпераментная подружка. Владелец космического корабля. У корабля такая странная история, что ему пришлось поменять название. Еще один парень, о прошлом которого практически ничего не удалось узнать.

— Спасибо, Командор.

Через минуту он сказал: — Будь осторожна, инспектор. — И отключился.

Начались десятые сутки полета, от Центра пришло короткое сообщение: Вы уже обгоняете «Гелиос»,

Последний день полета — Центр подтверждает: Вы финишируете раньше «Стар Куин» на шесть часов, и раньше «Гелиоса» — на сутки.

Сверкая могучим факелом, катер замедлил ход, направляясь к огромным кольцам, спицам и цилиндрам Порт-Геспера, всего этого вращающегося конгломерата космической станции, висящей на высокой орбите над ослепительными облаками Венеры, с осью, направленной прямо в центр планеты.

Порт-Геспер был одним из триумфов инженерной мысли 22-го века. Построенный почти полностью из сырья захваченных астероидов, он, эксплуатируя ресурсы планеты, окупил затраты на его создание в течение двух десятилетий. В настоящее время сто тысяч человек жили на нем в условиях, которые девятнадцать процентов населения Земли сочли бы роскошными, одни парки с тенистыми аллеями чего стоили …

Огромное прозрачное центральное кольцо станции было заполнено пышной растительностью. Если вы прилетите на Венеру, то сможете увидеть джунгли, если будете держаться тропинок ярко освещенных парков Порт-Геспера. Это было данью старым представлениям о Венере, как мире болот и джунглей. Но не пытайтесь посетить поверхность планеты, даже не думайте. Из пяти человек, совершивших эту попытку в бронированных и теплоизолированных аппаратах, только двое вернулись, чтобы рассказать о случившемся.

Катер Спарты стабилизировался со стыковочным отсеком и через пятнадцать минут, под управлением автоматики, вошел в огромный отсек, расположенный в ступице станции, недалеко от ее оси.

Внутри стыковочного отсека все было по-деловому, без всякой ерунды, без удобств — сплошная нержавейка и черное стекло, трубы, шланги и мигающие огни. Гибкая труба, похожая на гигантскую пиявку, присосалась к вешней двери шлюза катера, в трубу был подан воздух под слегка повышенным давлением и дверь открылась.

Спарта убрала неприятную боль в ушах, сглотнув и похлопав по ним. Паря в воздушном шлюзе, она внезапно оказалась лицом к лицу с делегацией из местного управления космического контроля, которая направлялась к ней по стыковочной трубе.

Приветливыми их назвать было нельзя.

Первой была капитан Кара Антрин, высокая, в сером дорогом шерстяном костюме, — наверно ухлопала на него

месячное жалование. Ее седые волосы были подстрижены под мальчика, а светло-серые глаза смотрели на Спарту из-под густых черных бровей.

Спарта сильно проигрывала в сравнении с этой женщиной. Она прибыла в Порт-Геспер в штатском костюме помощника инспектора таможни: брюки из синтетики с накладными карманами, оливково-серая майка, ветровка из полимерного полотна. Одежда была по крайней мере, аккуратной и подтянутой. Всему виной был стремительный отъезд. Ничего приличного из одежды в корабельных магазинах не оказалось, пришлось ограничиться приобретением расчески, зубной щетки, нескольких смен носков и нижнего белья.

— Эллен Трой. — Представилась Спарта. — С нетерпением жду возможности поработать с тобой и твоими людьми, капитан.

Антрин улыбнулась, снимая напряжение:

— Окажем любое сотрудничество, все, что угодно. Обращайся.

— Обязательно, капитан. Спасибо.

Они энергично пожали друг другу руки.

— Инспектор Трой, это мой помощник лейтенант Китамуки. А это инспектор Прободa.

Спарта обменялась рукопожатиями с остальными — Китамуки, стройной женщиной с длинными черными волосами, собранными сзади в волнистый хвост и перекинутыми через плечо, и Прободой, грубоватым белокурым гигантом, поляком или, может быть, украинцем, со слегка раскосыми глазами. Антрин расплылась в улыбке, но двое ее помощников изучали Спарту так, словно собирались арестовать ее на месте.

— Пошли, — сказала Антрин. — Посмотришь свою каюту, Трой. А затем покажем твой стол в штабе подразделения.

Она направилась прочь. Китамуки и Прободa расступились, пропуская Спарту, а затем сомкнулись плотным строем позади нее.

Спарта довольно легко последовала за Антрин по коридору — у нее было три дня без ускорения в середине путешествия, и она еще не потеряла память о том, каково это двигаться в невесомости. Через черно-желто-полосатые люки в серых металлических переборках сектора безопасности они попали в более широкие коридоры, двигались, пока не достигли зала, находящегося достаточно далеко от оси вращения, здесь центробежная сила создавала гравитацию, и полом, являлась цилиндрическая поверхность самого зала, а потолок лежал в направлении оси вращения станции. Оказавшись в зале, Спарта остановилась. Китамуки и Прободa чуть не врезались в нее.

— Что-то случилось, инспектор? — Спросила Антрин.

— Знаешь, — улыбнулась Спарта. — Времени слишком мало, придется навестить свою каюту попозже.

— Ну, если это так, тогда давай зайдем в штаб.

— Нет. Сначала я пойду в Центр управления движением. — «Стар Куин» должен вот-вот прибыть, не более часа осталось.

— У нас нет допуска, — сказала Антрин.

— Ну, это не проблема.

Антрин кивнула. — Ты, конечно, права, твоего значка вполне достаточно. Ты знаешь дорогу?

— Может кто-нибудь из вас меня проводит.

— Инспектор Прободa будет сопровождать тебя. Он позаботится обо всем, что тебе нужно, — сказала Антрин.

— Ладно, спасибо. Пойдем.— Спарта уже двигалась к прозрачному куполу Центра управления движением, который венчал огромную космическую станцию. Она знала план Порт-Геспер в таких деталях, что поразила бы его старейших жителей и даже проектировщиков и строителей.

Она подошла к двойным стеклянным дверям центра, Прободa следовал за ней. Он был ей ровней по званию, но старше, и заставить его подчиняться было первоочередной задачей.

Охранник взглянул на значок Спарты, а затем на тяжело дышащего Прободу, которого, судя по его реакции, узнал.

Проникли внутрь. Похожее на перевернутую тарелку помещение. Сквозь сводчатый стеклянный купол были видны тысячи неподвижных звезд.

По стенам круговыми ярусами, друг над другом располагались мягко светящиеся терминалы, — перед каждым контроллер, ремнями свободно пристегнутый к креслу. В центре выше всех, на трех тонких стойках, — платформа главного контролера.

Спарта устремилась вверх и легко приземлилась на край платформы. Главный контролер и его заместитель, казалось, лишь слегка заинтересовались ее появлением.

— Мистер Танака (она помнила имена всех ключевых сотрудников станции), я инспектор Эллен Трой из Центральной Следственной службы, — а это инспектор Прободa, — добавила она, когда светловолосый громила появился позади нее, нахмурившись. — Мне поручено руководить расследованием дела «Стар Куин».

— Привет, Вик — весело сказал контролер, улыбаясь растерянному полицейскому. Затем кивнул Спарте. — О'кей, инспектор. Последние тридцать шесть часов «Стар Куин» шел на автопилоте. Мы припаркуем его примерно через семьдесят две

минуты.

— Туда где вы обычно припарковываете корабли?

— Нет, не как обычно. Капитан Антрин из вашего ведомства предложила нам ввести «Стар Куин» в сектор безопасности, чтобы облегчить эвакуацию… уцелевшего. Это будет док Q3, инспектор.

Спарта была слегка удивлена приказом Антрин — выживший пережил неделю самостоятельно, и лишние полчаса, которые понадобятся, чтобы доставить его с парковочной орбиты на служебном шаттле, вряд ли что-то изменят.

— Я бы хотела остаться и понаблюдать за процедурой стыковки, если вы не возражаете, — сказала она. — И я хочу быть первой, кто увидит потерпевшего. — Она повернула голову, чувствуя, что Прободa собирается возразить. — Конечно, вы будете со мной, инспектор.

— Нас это вполне устраивает, — сказал Танака. Ему было все равно. — Моя работа закончится, когда корабль будет в доке Q3. А теперь прошу меня извинить…

Мускулистый коротышка слегка коснулся могучей рукой своего черного комбинезона, фиксатор щелкнул, он освободился от ремней и выплыл из своего кресла и только сейчас Спарта заметила, что у него нет ног.

Прошел час. Со своего насеста на платформе главного контролера Спарта могла видеть звезды и яркое восходящее солнце. Ей были видны кольца многокольцевой станции, которая непрерывно вращалась вокруг своей оси, как небесная карусель. Она не могла разглядеть диск Венеры, который был закрыт станцией, но сияние сернокислых облаков планеты, отраженное от металлических конструкций станции, было почти таким же ярким, как прямые лучи солнца.

Внимание Спарты было приковано не к станции, а к стовосьмидестиметровому, гантелеобразному белому кораблю, медленно опускающемуся под действием своих маневровых двигателей к зияющему отверстию в центре под куполом управления движением.

Это зрелище вызвало странное воспоминание: барбекю на заднем дворе в Мэриленде — кто там был? Ее отец? Ее мать? Нет. Мужчина. Женщина с седыми волосами, другие пожилые пары, которых она теперь не могла вспомнить — но это было воспоминание не о них, а о птичьей кормушке полной зерен, подвешенной на ветке вяза на заднем дворе за длинную тонкую проволоку, на добрых два метра ниже ветки и на метр выше земли, чтобы защитить птичий корм от белок. Но одна белка научилась хвататься за проволоку всеми четырьмя лапами и скользить — медленно с опаской — головой вниз по проволоке,

от ветки вверху к кормушке внизу. Люди, которые устраивали барбекю, были так поражены смелостью белки, что даже не стали ей мешать. Они показали Спарте это умное животное.

Так вот и этот огромный белый космический корабль, скользящий головой вперед по невидимому проводу в пасть стыковочного отсека…

Что-то еще память пыталась ей сказать…, но она не могла это вытащить. Она заставила себя сосредоточиться на настоящем моменте.

«Стар Куин» был практически в осаде. — За пределами сектора безопасности проход к шлюзу был забит журналистами. Спарта с Прободой подошли к задней части толпы.

— Интересно, что он чувствует сейчас? — говорил оператор, возясь со своей камерой.

— Я могу ответить, — встрял кротко стриженный тип, видимо, репортер. — Он так рад, что остался жив… (Спарта почувствовала, что Прободa, стоявший рядом, готов применить власть и выгнать всю медио-свору из прохода, и мягко остановила его. — Дай послушать — пробормотала она, касаясь его руки.) … что ему наплевать на все остальное — закончил репортер.

— Но ведь такая душевная рана, такие переживания — оставить своего товарища в космосе, чтобы самому вернуться домой.

– Да, никому такого не пожелаешь. А где другой выход? И ты же слышал радиопередачу — они все спокойно обсудили, и проигравший вышел из шлюза. Это было единственное разумное решение.

— Разумное — возможно… Но как ужасно позволить кому-то спасти тебя ценой собственной жизни!

— Ах, не сентиментальничай. Уверен, случись это с нами, ты вытолкнул бы меня в космос, не дав даже перед смертью помолиться!

— Если бы ты еще раньше не проделал этого со мной.

Спарта услышала достаточно. Она достала свой значок и все время повторяя «Космический Контроль. Дай пройти», легко прошла сквозь толпу. Прободa последовал за ней.

Медио-свора осталась позади.

Они добрались до шлюза дока Q3. Коридор перед ним был переполнен техниками и медицинским персоналом. Сквозь большое зеркальное стекло иллюминатора в нескольких метрах от них показалась головная сфера «Стар Куин», которую терпеливо тащили и толкали буксировщики. Спарта перекинулась парой слов с медиками и остальными, пока устанавливалась и закреплялась переходная гибкая труба между шлюзами дока

и корабля.

Когда дверь шлюза «Стар Куин» открылась, одна Спарта находилась перед ней.

Запах, исходивший изнутри корабля, был настоящей газовой атакой. Тем не менее она глубоко вдохнула и попробовала воздух языком.

По аромату воздуха она узнала такое, о чем ей не могли рассказать никакие последующие лабораторные анализы.

Прошла почти минута, прежде чем из глубины корабля появился изможденный человек.

Он остановился, все еще находясь внутри корабля, как-будто стесняясь стыковочной трубы. Постоял, сделал глубокий вдох, еще один — затем сфокусировал свой взгляд на Спарте.

— Мы очень рады, что ты жив и здоров, мистер Мак-Нил, — сказала она.

Он некоторое время смотрел на нее, потом кивнул.

— Меня зовут Эллен Трой. Я из управления космического контроля. Пойдем со мной, сейчас тобой займутся медики. Я прошу, не говори ни с кем, кроме меня, пока я не разрешу — неважно, кто спрашивает или о чем спрашивают. Тебя это устраивает?

Мак-Нил устало кивнул еще раз.

— Ну давай сюда потихоньку…

Когда он выбрался из люка, Спарта обогнула его и повернула ручку наружного замка. Массивная наружная дверь скользнула и закрылась с ощутимым стуком. Она сунула руку в правый набедренный карман брюк, вытащила ярко-красный гибкий пластиковый диск, которым шлепнув по краю, опечатала люк, затем повернулась, взяла Мак-Нила за руку. — Пойдем со мной, пожалуйста.

Виктор Пробода загораживал выход из трубы. — Инспектор Трой, насколько я понимаю, было распоряжение арестовать этого человека, а корабль немедленно осмотреть.

— Ты ошибаешься. (Хорошо, — подумала она, — что он сказал «распоряжение», а не «приказ», значит можно еще немного отложить неизбежную конфронтацию.) — Мистеру Мак-Нилу нужен сейчас врач и я помещу его в клинику. А когда он придет в себя, мы с ним поговорим. До тех пор никто — ни один человек — не должен входить в «Стар Куин». — Ее взгляд не отрывался от бледно-голубых глаз Прободы. — Я уверена, что ты будешь выполнять приказы центра, Виктор.

Это был старый трюк, но он был удивлен, когда она назвала его по имени.

Этой стройной девушке было, наверное, лет двадцать пять, а

она уже имела звание, которого он добился только после десяти лет усердной службы и ему было уже далеко за тридцать. Ее превосходство было несомненным — Прободa почувствовал и признал это. — Как скажешь — хрипло согласился он.

Спарта направила Мак-Нила, который, казалось, вот-вот уснет, к ожидающим медикам. Один из них прижал к его лицу кислородную маску: у Мак-Нила было такое выражение лица, словно он пьет холодную воду после недели пребывания без воды в пустыне.

Спарта повторила свой приказ медикам — не давать информацию прессе; они, конечно, ослушаются ее, но пусть это случится когда они с Мак-Нилом уже будут далеко.

Маленькая группа вышла из зоны безопасности. — Мак-Нил, с кислородной маской на лице, ведомый медиками, Спарта и Прободa замыкают шествие. На них со всех сторон сыплется град неистовых вопросов…

Но после целой недели ожидания средства массовой информации получили лишь только подтверждение, что «Стар Куин» прибыл, а Мак-Нил выжил, только это они могли добавить к тому шокирующему радиосообщению, которое положило начало их вахте смерти. Та передача была столь же лаконичной, сколь и пугающей:

> — Это «Стар Куин», говорит командор Питер Грант. Инженер Мак-Нил и я, вместе пришли к выводу, что кислорода осталось достаточно только для одного человека, и только один человек может прожить до того, как наш корабль причалит к Порт-Гесперу. Поэтому один из нас должен умереть, чтобы другой остался жить. Мы договорились решить этот вопрос с помощью игральных карт. Тот, кто вытянет младшую карту, лишит себя жизни.
>
> — Я, инженер Мак-Нил подтверждаю, что я согласен со всем, что говорит командир.

Радиолиния молчала уже несколько секунд, если не считать шуршания и щелканья игральных карт. Затем Грант снова вышел в эфир.

> — Это Грант. Я вытянул младшую карту. Я хочу ясно дать понять, что то, что я собираюсь сделать, является результатом моего личного решения, добровольно принятого.
>
> Жене и детям я хотел бы сказать, что люблю их; я оставил им письма в своей каюте. Последняя просьба: я

хочу быть похороненным в космосе. Я прошу офицера Мак-Нила выставить меня из шлюза, когда все закончится, и отослать подальше от корабля. Пожалуйста, не ищите мое тело.

Помимо обычной автоматической телеметрии, это было последнее, что кто-либо слышал от «Стар Куин» до сегодняшнего дня.

Клиника Порт-Геспера располагалась во внешнем кольце станции. Через час после его приезда Мак-Нил лежал на чистых простынях. Его лицо было розовым, хотя темные круги под глазами остались, а с некогда полных щек кожа свисала складками. Он сильно похудел, с тех пор покинул Землю. Хотя на «Стар Куин» еды было более чем достаточно, но в последние несколько дней полета у него едва хватало сил дотащиться до камбуза.

Он только приступил изысканному обеду, приготовленному в соответствии с инструкциями Спарты, когда она легонько постучала в дверь, и услышав «войдите», появилась в палате сопровождаемая задумчивым Прободой.

— Надеюсь, все было вкусным? — спросила она. Винегрет исчез, но стейк был съеден только наполовину, и многие овощи остались нетронутыми. Но не вино — бутылка и стакан были пусты. Мак-Нил был весь в табачном дыму, меж пальцев — наполовину выкуренная сигарета без фильтра.

— Все было восхитительно, инспектор, просто восхитительно, но больше я не могу проглотить ни кусочка.

— Ну, если ты чувствуешь себя отдохнувшим…

Мак-Нил понимающе улыбнулся. — Да, теперь будет много вопросов, не так ли?

— Если хочешь, мы вернемся позже…

— Нет смысла откладывать неизбежное.

— Тогда приступим. Инспектор Пробода запишет наш разговор.

Когда все расселись, Мак-Нил начал свой рассказ. Он говорил совершенно спокойно и безучастно, как будто рассказывал о приключении, случившемся с другим или вообще никогда не случавшемся, что, как подозревала Спарта, в какой-то степени было правдой, хотя было бы несправедливо предполагать, что Мак-Нил лжет. Он ничего не выдумывал. Она бы сразу это заметила, это было видно по ритму его речи, и заметно было что повествование хорошо отрепетировано, но совершенно ясно, что он многое опускал из того что случилось.

После того как он закончил говорить, Спарта задумчиво помолчала несколько минут, затем сказала:

— Кажется, в целом все ясно. — Она повернулась к Прободе. — Есть ли какие-то моменты, которые ты хотел бы уточнить, инспектор?

Пробода был застигнут врасплох. Он уже смирился с пассивной ролью в расследовании. — Есть парочка моментов… — сказал он, прочищая горло. — Можно уточнить?

Мак-Нил затянулся сигаретой и усмехнулся. — Попробуй.

— Итак, ты потерял контроль над собой — кажется, так ты выразился, — когда метеорит врезался в корабль? В чем это выразилось?

Бледное лицо Мак-Нила потемнело. — Я рыдал, если нужны подробности. Свернулся калачиком в своей каюте, как маленький мальчик с ободранным коленом, и дал волю слезам. Грант был лучшим человеком, чем я, спокойным, насколько это вообще возможно. Но я находился в метре от кислородных баллонов, когда они взорвались, понимаете — просто по другую сторону стены. — Самый громкий чертов шум, который я слышал в своей жизни.

— Как случилось, что ты оказался именно в том месте и именно в тот момент?

— Проверял температуру и влажность в трюме «А», он с воздухом и терморегулируется, там перевозятся продукты, сигары и тому подобная органика, тогда как в вакуумных трюмах перевозятся инертные материалы, в основном машины. Я только что прошел через шлюз трюма и был в той части центрального коридора, которая проходит через палубу жизнеобеспечения, на пути к полетной палубе, когда… БАМ!

— Отсек где произошел взрыв был с воздухом?

— Да как обычно, чтобы можно было в любой момент войти в него. Это очень маленькое пространство, забитое резервуарами и трубами. Когда произошла катастрофа, люки автоматически загерметизировались.

— А теперь насчет ящика с вином…

Мак-Нил смущенно улыбнулся. — Да, я вел себя довольно скверно. Полагаю, мне придется заплатить кому-нибудь кругленькую сумму за бутылки, которые я успел опустошить до того, как Грант поймал меня.

— Это вино было личной собственностью директора Гесперского музея, мистера Дарлингтона, — проворчал Пробода. — Думаю, ему будет что сказать по этому поводу. Но Грант положил ящик туда, откуда вы его взяли?

— Да, а потом он изменил комбинацию на замке шлюза.

В бледных глазах Прободы появился охотничий блеск. — Так значит, шлюз этого трюма не открывался со дня аварии?

— Совершенно верно, сэр.

— Но этот трюм герметичен. И он был полон свежего воздуха!

— Да, но вот если бы еще один съемный трюм был с воздухом, тогда Питер Грант был бы сегодня жив, — тихо сказал Мак-Нил. — Изначально мы должны были везти саженцы. Они не спасли бы нас, но дополнительный воздух, который пришел бы с ними, мог бы спасти. — Он, казалось, впервые заметил замешательство Прободы. — Вы не понимаете, сэр… но «Стар Куин» и большинство новых грузовых судов снабжены трубопроводами, позволяющими осуществлять любую комбинацию газообмена через все герметичные отсеки без необходимости открывать шлюзы, как это было на старых кораблях. Это позволяет нам перевозить груз, к которому грузоотправитель не хочет, чтобы мы имели доступ. Если они готовы оплатить фрахт по всему трюму. Это обычная процедура по военным контрактам.

— Значит, ты имел доступ к воздуху в этом отсеке, хотя и не мог попасть внутрь?

Пробода был разочарован, но все же продолжал настаивать. — Но ведь когда Грант ... э-э ... покинул корабль… вы могли бы найти его новую комбинацию для шлюза, не так ли?

— Может быть, но вряд ли. Я не компьютерный гений, а личные файлы человека нелегко взломать. Но зачем мне это было нужно?

Пробода многозначительно посмотрел на пустую бутылку и стакан рядом с полупустой тарелкой Мак-Нила. — Потому что там еще оставалось три с половиной ящика вина. И никто не мешал тебе его выпить.

Мак-Нил изучал белокурого инспектора с выражением, которое показалось Спарте презрительным. — Я люблю выпить так же, как и любой другой человек, инспектор. А может, и больше. Может быть, даже намного больше. Меня называют гедонистом, и, может быть, так оно и есть, но я не полный дурак. — Мак-Нил затушил остатки сигареты.

— Чего же тебе было бояться, — настаивал Пробода, — кроме боязни совершить кражу?

— Только того, — тихо сказал Мак-Нил, и стальная грань его приветливой личности, наконец, выскользнула из-под улыбки, сверкая, — что алкоголь нарушает работу легких и сужает кровеносные сосуды. Если тебе все равно суждено умереть, то можешь не обращать на это внимания. Но если ты намерен

выжить в кислородно-бедной среде, ты не будешь пить.

— А сигареты? Не мешают ли они работе легких?

— После двух пачек в день в течение двадцати лет, инспектор, две сигареты в день — это всего лишь костыль для нервов.

Прободa уже собирался броситься вперед, но Спарта прервала его:

— Я думаю, нам следует оставить мистера Мак-Нила в покое, Виктор. Мы можем продолжить позже. — Она с интересом наблюдала за обменом репликами.

Как полицейский, Прободa имел свои сильные стороны — ей нравилась его бульдожья настойчивость, даже когда он знал, что выглядит глупо. Но он слишком зациклился на тривиальном вопросе уничтожения собственности, понятно что это связано с чрезмерной заботой о интересах верхушки общества Порт-Геспер — и он плохо подготовился, иначе он знал бы об особенностях устройства «Стар Куин».

И самой серьезной его ошибкой было то, что он уже вынес моральный приговор Мак-Нилу. Это говорило о том, что о плохо разбирается в людях. Судить Мак-Нила было не так-то легко. Все, что он говорил о себе, было правдой. Он не был дураком. И он намеревался выжить.

Когда медики позволят, мистер Мак-Нил, — сказала Спарта, вставая, — можешь идти куда пожелаешь, лучше избегай прессу, и «Стар Куин», конечно, для тебя под запретом. Я уверена, что ты это понимаешь.

— Совершенно верно, инспектор. Еще раз спасибо за организацию этого прекрасного ужина. — Он весело отсалютовал ей, не вставая с постели.

Когда они вышли в коридор, Спарта повернулась к Прободе и улыбнулась. — Мы с тобой отличная команда, Виктор. Мы же натурально хороший-плохой полицейские.

— А кто «хороший»?

— Она рассмеялась. — Ну это когда как. Ты был «плохим» с Мак-Нилом, но будешь «хорошим», когда дело коснется местных.

— А я и не собираюсь проявлять к ним милосердие. Но я не понимаю. Как кто-то на Порт-Геспере может быть замешан в этом?

— Виктор, давай залезем в скафандры и посмотрим на дыру в корпусе, хорошо?

— Давай.

— Но сначала мы должны пробиться сквозь толпу.

Они прошли через двери клиники и оказались в толпе ожидающих репортеров. — Инспектор Трой! Привет, Вик,

старина… Пожалуйста, инспектор, несколько слов! У тебя есть кое-что для нас, верно?

14

Они оставили воющую ораву за пределами сектора безопасности.

— Я никогда не видел их такими, — пробормотал Прободa. — Можно подумать, у них никогда раньше не было возможности рассказать настоящую историю.

У Спарты не было опыта общения с прессой. Она думала, что сможет использовать стандартные методы командования и управления, голосовые и личностные трюки, и они действительно работали до определенного момента, но она недооценила способность толпы нарушать ее концентрацию, портить ее внутренние функции. — Виктор, извини, мне нужно на минутку.

Она остановилась в углу пустого коридора, закрыв глаза, паря в воздухе, приходя в себя. Прободa с любопытством смотрел на нее, надеясь, что никто не придет и ему не придется объясняться. Грозный молодой инспектор Трой выглядел сейчас весьма уязвимым: глаза ее были закрыты, голова наклонена вперед, руки подняты вверх, как лапы маленького зверька; он видел пушок на ее стройной белой шее, обрамленной распущенными прямыми светлыми волосами.

Через несколько секунд Спарта открыла глаза.

— Виктор, мне нужен скафандр. У меня пятый с половиной размер, — выражение ее лица снова стало жестким.

— Я посмотрю, что можно найти в шкафчиках.

— И нам понадобятся кое-какие инструменты. Магнитные зажимы и присоски. Захватные стойки. Инерционный ключ с полным набором головок и долот. Пакеты, скотч и прочее.

— Это все есть в наборе механика десятого класса. Нужно что-нибудь особенное?

— Нет. Встретимся у шлюза.

Она двинулась вперед, к «Стар Куин», а Прободa направился к складу с инструментами.

У входа в туннель дежурили два патрульных в синих скафандрах и открытых шлемах. Они были вооружены парализаторами — пневматическими винтовками с резиновыми пулями, способными серьезно ранить человека, даже в скафандре, но не способными пробить жизненно важные системы космической станции. Огнестрельное оружие было запрещено в Порт-Гесперр.

Через двойные стеклянные окна позади охранников огромная туша «Стар Куин» почти заполнила стыковочный отсек. Как грузовое судно, «Стар Куин» была среднего размера, но она была

намного больше, чем тендеры, катера и шаттлы, которые обычно швартовались в доке Q3.

— Кто-нибудь был здесь с тех пор, как Мак-Нила забрали с корабля? — Спросила Спарта у стражников.

Они переглянулись и покачали головами. — Нет, инспектор. Никого, инспектор. — Они выдали это своими голосами, и от них пахло этим: они лгали.

— Хорошо, — сказала она. — Я хочу, чтобы вы доложили мне или инспектору Прободе, если кто-то попытается пройти мимо вас. Кто угодно, даже из нашей конторы. Понятно?

— Хорошо, инспектор.

— Конечно, инспектор. Будьте уверены.

Спарта вошла в посадочную трубу. Красная пластиковая пломба все еще висела на краю люка. Она положила на нее руку и наклонилась ближе.

Пластиковая печать была не более чем клейким пластырем. Здесь не было никаких микросхем, но его проводящие полимеры сохраняли узоры электрических полей недавно примененных к печати .

Положив руку на пятно, наклонившись к нему и вдыхая его запах, Спарта узнала, что ей нужно.

Детекторы поля под ее ладонью уловили четко отпечатавшийся рисунок диагностического устройства — кто-то провел собственным детектором поля по пластику, надеясь обнаружить его секреты. Несомненно, узнал, что секретов нет. Потом видимо тронул печать рукой. Любопытный не оставил никаких отпечатков, но по запаху, исходившему от пластика, Спарта без труда определила, кто это был.

Кожа каждого человека источает масла и пот, которые содержат смесь химических веществ, в сочетании столь же уникальном, как рисунок радужной оболочки глаза. Когда Спарта вдохнула эти химические вещества, она мгновенно проанализировала их. Она могла вызвать определенные химические формулы в сознание или, что более полезно, сопоставить их с образцами, которые она уже хранила. Она регулярно хранила аминокислотные подписи большинства людей, с которыми она встречалась, отбрасывая те, которые не представляли интереса.

Два часа назад она сохранила аминокислотный след Кары Антрин. Она не удивилась, узнав его здесь. И она не могла винить охранников за то, что они лгали.

Им велели молчать, и ведь им придется жить с Антрин еще долго после того, как Спарта вернется на Землю.

Спарта также не могла винить Антрин за ее любопытство.

Она осмотрела печать, но не обнаружила никаких признаков того, что люк открывался. Другим входом на корабль был вход через шлюз любого из четырех съемных трюмов в кормовой части, и Спарта сомневалась, что Антрин воспользовалась бы им, надев скафандр, на виду у сотни диспетчеров и портовых рабочих.

Приехал Виктор, таща за собой сумку с инструментами и скафандр для нее — синий, форменный скафандр местного полицейского. Он уже облачился в свой собственный; на плече у него красовался золотой значок.

Они прошли через один из рабочих шлюзов, за ними плыл полупрозрачный нейлоновый мешок с инструментами, привязанный к запястью Прободы

Несколько минут спустя они плыли рядом с освещенным корпусом «Стар Куин», направляясь к пробоине в обшивке корпуса.

Позади них в похожем на пещеру стыковочном отсеке лязгали огромные металлические зажимы, приковывая корабль к станции, а самонаводящиеся шланги и кабели змеились из заправочных коллекторов, ища отверстия топливных баков и зарядных устройств.

Буксиры и тендеры прибывали и отправлялись, скользя в огромные двери дока, открытые навстречу звездам. Вся эта деятельность происходила в мертвой тишине вакуума. Космический катер был пришвартован рядом со «Стар Куин». У коммерческого шлюза напротив стоял катер, заправленный топливом и готовый доставить пассажиров на станцию с прибывающего лайнера «Гелиос».

Над всей сценой возвышался прозрачный купол управления движением.

Не без труда добрались до панели L-43, поскольку она пряталась на нижней стороне модуля экипажа прямо над выпуклым концом длинного цилиндра трюма «С».

— Дай-ка я посмотрю. — Вот, убери. — Она сняла робота, похожего на глаз краба, с корпуса, где он сидел над отверстием, и протянула его о Прободе; магнитные ролики на концах ног робота жужжали, ища захват. Пробода поставил его повыше на модуль, и тот поспешил на свое штатное место.

Спарта подняла голову над поврежденной пластиной и сфокусировала правый глаз на дыре. Она увеличила изображение и рассмотрела его в мельчайших деталях.

— Мне отсюда мало что видно, — раздался голос Прободы из комлинка в правом ухе.

— Подожди, не мешай. Сначала дай мне это

сфотографировать, — пробормотала она и сделала снимок фотокамерой, висевшей у нее на левом запястье.

Повреждения, наносимые корпусу корабля метеоритом, летящим с типичной межпланетной скоростью, приблизительно соответствуют тому, что происходит, когда, скажем, гиперскоростная ракета поражает броню. Выделившаяся энергия создает конусообразную ударную волну, движущуюся внутрь, которая отбрасывает широкий круг материала с внутренней стороны пластины. Этот расплавленный материал продолжает двигаться и если внутренняя часть корпуса заполнена воздухом, ударная волна быстро расширяется, вызывая избыточное давление, создающее разрушения вблизи отверстия, хотя они быстро падают с расстоянием.

— Трудно ли будет снять панель? — Спросил Прободa.

— Нам не так уж повезло, нужно будет отвинтить вот эти пятьдесят винтов по краям. — сказала она. — Доставай соответствующий инструмент.

Прободa достал из нейлоновой сумки шуруповерт, вставил головку, подал. — Вот. А я могу чем-нибудь помочь?

— Будешь ловить эти проклятые маленькие винты. — Ей потребовалось почти десять минут, чтобы выкрутить все. Прободa ловил винты и складывал в пакет.

— Давай теперь попробуем снять.

Он протянул ей маленький массивный электромагнит. Она приложила его к выкрашенному в желтый цвет треугольнику в центре пластины, который обозначал наличие в этом месте слоистого железа, щелкнула выключателем магнита и сильно дернула. Секция и не шелохнулась, хотя магнит крепко прилип.

— Именно этого я и боялась. Попробуй, у тебя силы побольше.

Он напрягся, потянул, но пластина прочно застряла в корпусе.

— Придется установить съемник.

Прободa сунул руку в сумку с инструментами и вытащил набор стальных стержней и два сильных магнита. Магниты расположили на желтых треугольниках соседних пластин, слева и справа, и включили. Магниты вцепились в корпус. Через несколько минут п-образная скоба из стержней возвышалась над непокорной обшивкой корпуса. В центре моста на массивный кронштейн повесили червячную передачу, крючок другого конца которой ввели в отверстие кронштейна на задней стенке магнита.

После трех полных оборотов выпуклая пластина, как пробка,

из бутылки, выскочила на свободу.

— Вот что держало.— Она показала ему внутреннюю сторону панели. — Герметик повсюду.

Капли затвердевшего желтого пластика крепко держали пластину, пластиковая пена изверглась из аварийных канистр внутри корабля, была перенесена потоком воздуха в дыру, где застыла, запечатав ее, как и было задумано.

Спарта осмотрела внутреннюю сторону пластины и твердый темный холмик пластика, закрывавший отверстие, сфотографировала его, затем начала ножом удалять пластик, складывая стружку в прозрачный мешок.

— Зачем ты это делаешь?

— Не волнуйся, я не уничтожу никаких улик, хочу посмотреть, как выглядит дыра под липкой массой. Под пластиком оказалось коническое отверстие, окруженное ореолом яркого перекристаллизованного металла.

— Ну, выполнено, конечно, со знанием дела, но вызывает вопросы. — Она сфотографировала отверстие и передала панель Прободе. — Положи в мешок.

Они сложили инструменты и собранные улики в мешок.

— Мы нашли то, что ожидалось?

— Возможно. Но придется подождать результаты анализов. А теперь, давай заглянем внутрь корабля.

Они тащились вдоль выпуклого цилиндра трюма «С», перебираясь с одного поручня на другой, пока не достигли кормового шлюза корабля.

Кормовой шлюз находился в длинной центральной шахте, которая соединяла топливные баки и ядерные двигатели с модулем экипажа, как раз в кормовой части самих трюмов. Спарта открыла наружную дверь шлюза (управление открытием было стандартным, таким же как на всех космических кораблях) и вошла в тесное пространство. Прободa протиснулся за ней, таща за собой сумку с инструментами.

Она закрыла внешний люк. Рядом с колесом внутреннего люка загорелся большой красный знак: «ВНИМАНИЕ. ВАКУУМ».

Спарта ввела задание — создать давление в центральной шахте корабля. Через несколько секунд предупреждающий индикатор сменил цвет с красного на зеленый.

— Сейчас войдем, — сказала она. — Там будет пахнуть не слишком хорошо.

— Почему бы нам не остаться в скафандрах?

— Ну, это не совсем удобно, Виктор. Но ты если хочешь, можешь не открывать шлем.

Он не стал это обсуждать, но шлем не открыл. Она

постаралась,чтобы он не заметил ее усмешку. — Он был очень самолюбив.

Прежде чем войти Спарта сняла шлем, повернула штурвал и слегка приоткрыла дверь.

В ее мозг ворвался запах пота, несвежей пищи, сигаретного дыма, пролитого вина, краски, машинного масла, жира, человеческих отходов и, главное, углекислого газа, хотя он и не пахнет. Воздух был уже не так плох, как раньше для Мак-Нила в те последние дни, (он уже смешался со свежим воздухом со станции), но и этого было достаточно — Спарте потребовалось большое усилие, чтобы голова стала ясной.

Но она не сказала Прободе, зачем она себя истязает этой вонью.

Дело в том, что она могла не только непосредственно ощущать химические составляющие своего окружения, но и анализировать то, что чувствовала. Прежде чем следовать дальше, ей нужно было получить ответ на вопрос: пользовался ли кто-нибудь этим шлюзом во время путешествия?

С главным шлюзом корабля проблем не было. Трудно кому-нибудь из экипажа тайком выйти из корабля во время полета, — большой риск что другой это заметит. Но этот шлюз — совсем другое дело. Вполне возможно, что один из них выбрался за пределы корабля через этот дальний шлюз, пока другой спал или был занят в другом месте. В последнее время этот вопрос приобрел новое значение.

Запах этого места ответил на ее вопрос.

— О'кей, думаю, теперь все ясно. — Она улыбнулась Прободе, который с сомнением посмотрел на нее сквозь защитный шлем.

Она окончательно открыла дверь и проникла внутрь. На какое-то мгновение у нее возникло тревожное ощущение, будто она смотрит в дуло винтовки — узкая труба длиной в сотню метров.

— Что-нибудь случилось? — Громким голос Прободы в ее комлинке.

— Нет… Я в порядке. — Она посмотрела «вверх», на нос корабля, на люк шлюза в двадцати метрах над головой. Над этим люком был выход в модуль экипажа. Рядом горел зеленый огонек: «давление сравнялось».

Выбравшись наверх, они попали в большой шлюз, из которого имелись люки в каждый из четырех съемных трюмов и один — в модуль экипажа. На трех трюмах светились ярко-красные знаки: «ОПАСНОСТЬ. ВАКУУМ».

Надпись рядом с люком в трюм «А», однако, светилась менее безумным желтым цветом: «несанкционированный вход

запрещен».

Все они имели стандартную конструкцию — мощные колеса с широкими спицами посреди круглых стальных дверей на петлях. Любой, кто мог бы нанести правильную комбинацию цифр на панель рядом с колесом, получал доступ. Ей потребовалось время, чтобы наклонить голову к каждому из них по очереди, прежде чем Прободa поднялся снизу со своим мешком инструментов. Трюмы «B» и D не трогали неделями, но клавиатура и колесо трюма «A» показали что ими пользовались, это, впрочем, было вполне ожидаемым. А вот то, что недавно трогали вход в трюм «C» было неожиданным.

— Заперт только трюм «A», Виктор, мы займемся им позже, или найдем комбинацию, или вскроем. Давай ты осмотришь «B», а я проверю «C».

— Договорились, — он стал наполнять воздухом шлюз «B». Она защелкнула шлем и вошла в шлюз трюма «C». Процедура закрытия люка позади нее, откачка воздуха и открытия люка в безвоздушный трюм, должна был быть выполнена тщательно — нетерпеливая небрежность недопустима.

Это был стальной цилиндр длиной около двадцати метров и диаметром около семи, темный, если не считать рабочего фонаря рядом со шлюзом. В тусклом зеленом свете фонаря виднелись металлические монстры, каждый весом почти шесть тонн, прикованные к стальным ребрам трюма. В полумраке они, казалось, расширялись, когда она приближалась к ним, и их алмазные глаза, казалось, следили за ней.

Конечно, это были всего лишь машины. Без своих топливных стержней, сложенных рядом в защитных графитовых блоках, огромные роботы не могли сдвинуться ни на миллиметр. И все же Спарта не могла отрицать того впечатления, которое они произвели на нее: их титановые тела были созданы, чтобы выдерживать температуру печи, их ноги были созданы, чтобы преодолевать самые крутые участки местности, их усеянные алмазами части рта и когти были созданы, чтобы крошить самые непокорные природные материалы…

И эти сверкающие бриллиантовые глаза…

Когда Спарта подплыла ближе к ближайшему роботу, она почувствовала покалывание в своем внутреннем ухе. Остановилась на мгновение, — небольшая остаточная радиоактивность. Взгляд на серийный номер машины подтвердил, что это та самая машина, которую Сандра Сильвестр испытывала на полигоне Солсбери за три недели до того, как ее погрузили на борт «Стар Куин».

Она осторожно прошла мимо первого робота и осмотрела

остальных, одного за другим, вглядываясь в их прямые и грозные головы. Все, кроме первого, были холодны, как камни.

Вернувшись в трюм, закрыв за собой шлюз, Спарта увидела, что Прободa выбирается из трюма «D».

Очевидно, он удовлетворился тем, что увидел в трюме «B», и осмотрел оставшийся отсек, пока она любовалась роботами. Из люка торчала его макушка, Спарта постучала по ей. — Почему бы тебе не открыть шлем? — Вонь тебя не убьет.

Глянув на нее он расстегнул шлем и втянул носом воздух. — Сморщился. — И он прожил здесь неделю!?

Она подумала, что, возможно, этот запах поможет Прободе немного лучшее понять Мак-Нила, и, возможно, появится даже уважение. — Виктор, я хочу, кое-что тебе поручить. Нам нужно разделиться.

— До того, как закончим здесь?

— Да, у нас появились важные улики и нужно срочно доставить их в лабораторию, затем тебе нужно встретить «Гелиос и произвести задержание всех пассажиров.

— Инспектор Трой, — Прободa перешел на официальный тон, — мне приказано не отходить от тебя ни на шаг.

— Понимаешь, Виктор, дело вот в чем… — и она рассказала ему о всех своих подозрения.

Как только он ушел. Она обнаружила, что убеждать и подчинять, это очень энергозатратное занятие. — Почти мгновенно, почти непроизвольно она впала в транс.

Недолгая медитация привела ее в чувство. Позволив внешнему миру просочиться обратно в ее сознание, она начала прислушиваться…

Сначала она не отфильтровывала и не фокусировала то, что услышала, а вслушивалась во всю симфонию огромной космической станции, вращающейся в пространстве над Венерой, ее звуки вибрировали сквозь стену «Стар Куин». Она слышала приглушенные голоса ста тысяч обитателей станции, треть из которых была на работе, треть спала, а еще одна треть занималась мелочами существования, — покупкой, продажей, обучением, воспитанием, приготовлением пищи, едой, игрой…

Охватывая все целиком, она конечно не могла различить отдельные разговоры. В непосредственной близости, казалось, никто не разговаривал. Конечно, она могла бы настроиться на радиопередачи и линии связи, если бы решила узнать что-то конкретное, но это не входило в ее планы. Она хотела почувствовать атмосферу станции. Каково это — жить в металлическом мире, постоянно вращающемся вокруг адской

планеты? Мир с парками и садами, магазинами, школами и ресторанами, конечно, мир с непревзойденным видом на звездную ночь и яркое солнце — но замкнутый мир, из которого только богатые могли легко уехать. Это был тесный мир, где люди из разных культур — японской, арабской, русской, североамериканской — сталкивались в условиях, которые неизбежно создавали напряжение в отношениях. Кто-то пришел за деньгами, кто-то захотел каким-то образом освободится от ограничений перенаселенной Земли. Некоторых, конечно, привозили родители. Но лишь немногие обладали духом первопроходцев. Порт-Геспер был городом компании, как нефтяная платформа в Северной Атлантике или фабрика в канадском лесу.

Картина, которую Спарта получила через металлические стены, говорила о напряжении в отношениях, о чувстве, близком к рабству. О чувстве безысходности, среди тех кто был вынужден сюда приехать, — среди недавних, вынужденных иммигрантов, и особенно среди молодежи, родившейся на станции. О подспудном назревающем недовольстве. А правящая верхушка твердо стояла у руля, и их мало что интересовало, кроме энергичного использования ресурсов Венеры. Устраиваясь при этом как можно удобнее, они старались набить себе карманы, чтобы затем навсегда покинуть Порт-Геспер.

Почти в километре от того места, где дрейфовала Спарта, находился большой развлекательный центр станции. Огромное кольцо было опоясано деревьями (все их вершины были обращены внутрь), окна были снабжены жалюзи, которые постоянно регулировали интенсивность светового потока. Тропинки тянулись среди всевозможных видов деревьев, кустарников, цветов, папоротников, вдоль журчащих ручьев, пересекали пруды по арочным мостам из дерева или камня.

Прошедший весь круговой маршрут, длина которого составляла около четырех километров[24], увидел бы восемь поразительно разных пейзажей, созданных выдающимся мастером ландшафтного дизайна Сено Сато.

Вот Киото, остроконечный замок, галька, искривленные сосны. — Воспоминание о его далекой родине.

Вот Самарканд, его арабесковые павильоны из инкрустированного голубого камня, отражающиеся в благоухающих бассейнах, ветви тамариска .

Далее Киев, — голые березы, голубые луковичные купола над замерзшим каналом, по которому кружат два конькобежца. Снег под ногами.

Снег под ногами превращается в песок: и вот он Сфинкс, в саду из голых красных камней.

Вверх по этой каменистой тропе, мимо цветущей сливы, к семиэтажной каменной пагоде с позолоченными навершиями.

Сквозь эти желтые листья проступает пруд с лодками Центрального парка Нью-Йорка, заполненный игрушечными шхунами.

Далее проход из молчаливых болиголовов ведет в Ванкувер, где мокрые кедры, тотемные столбы и зеленеющие горгульи.

И под этими капающими древовидными папоротниками к болотам легендарной, вымышленной Венеры, с замечательной коллекцией плотоядных растений, сверкающих в вечном дожде.

Климатом всего этого многообразия управляет специальная установка

По обе стороны великолепных садов, параллельными поясами, располагались, Елисейские поля, Красная площадь, Пятая Авеню и главная улица Порт-Геспера — магазины, галереи, чайные лавки, торговцы коврами, рестораны пятнадцати различных этнических групп, рыбные рынки (специализировались на выращивании леща), фруктовые и овощные рынки, цветочные киоски, храмы, мечети, синагоги, церкви, кабаре, центр искусств. Улицы забитые покупателями и лоточниками, жонглерами и бродячими музыкантами, людьми, одетыми в яркие металлы и пластмассы и их собственную раскрашенную кожу.

Все это великолепие было разделено переборками на отсеки. Переборки, не бросающиеся в глаза, прозрачные или хорошо замаскированные, были снабжены дверями, автоматически закрывающимися при нарушении герметичности отсека, когда давление падало ниже допустимого значения.

Сады Сато привлекали богатых туристов со всей Солнечной системы. Чему местные торговцы были конечно рады.

Аттракционы, галереи и музеи редко посещалась местным народом. Все диковинки становятся знакомым после пятого или шестого визита и смертельно скучным после сотого. Каждая новинка — повод вновь посетить центр, вновь потратить там деньги. Каждая новинка приносит деньги.

Винсент Дарлингтон был в ярости.

Он бродил по эффектно безвкусному главному залу Гесперского музея, бесцельно поправляя картины в богато украшенных рамах, постоянно возвращаясь к специально изготовленному пьедесталу, где в золоченой раме должно было красоваться его новое приобретение. Никто, входя в музей, не мог его не заметить. Окно рядом с витражным стеклом придавало

пьедесталу вид церковного алтаря. Но сейчас там ничего не было и он не собирался открывать музей, пока его сокровище не будет благополучно возведено на трон.

А ведь так все хорошо было задумано. Он пригласил на церемонию открытия человека, который, скорее всего, притащит за собой эту Сильвестр и она все-таки придет, и он увидит зависть на ее лице…

Но теперь все пошло наперекосяк. Или, по крайней мере, откладывалось.

Сначала новость о том, что его приобретение не будет ему выдано до конца расследования.

А тут еще новость о том, что полиция задержала всех пассажиров «Гелиоса»! Что, во имя всего святого, может быть такого сложного в простой аварии в космосе? …

Он не выдержал — позвонил, попросил упростить процедуру, чтобы он мог быстрее получить самую ценную книгу за всю историю английского языка — и, честно говоря, если это была не самая ценная книга, то почему он был вынужден заплатить за нее такую возмутительную сумму? Да еще из собственного кармана, который не был, скажем так, бездонным …

Он заплатил деньги за эту чертову книгу. Во Вселенной осталось всего два ее экземпляра — один в Библиотеке Конгресса Соединенных Штатов Америки, второй в музее Порт-Геспера, музея, который принадлежал ему. И он купил книгу по одной причине — чтобы унизить эту женщину, так его публично унизившую, а ведь когда-то она была его подругой.

Он должен был просто сказать «скатертью дорога» этой маленькой шлюшке. Но она была так хороша, и Дарлингтон не нашел ей замену на станции — этой банке из-под сардин в космосе.

Это заставило его задуматься, как он делал это не раз, о том, сможет ли он когда-нибудь покинуть Порт-Геспер и вернуться на Землю. В глубине души он знал, что похоронят бедного Винса Дарлингтона в космосе, если только Черт не приберет его сестер первыми. Его ядовитые сестрички заявили, что если он вернется на Землю, то они не станут больше молчать и он угодит в швейцарскую тюрьму. А они могу это ему обеспечить, с их то деньгами.

Это было его убежище, и здесь он останется, в этих нескольких маленьких комнатах с обитыми бархатом стенами, окруженный своими мертвыми сокровищами.

Что же делать?

Когда же ему позволят вступить во владение? Возможно,следует отменить открытие музея прямо сейчас.

Капитану Антрин похоже не удалось ничего предпринять, одни улыбки и обещания и никаких результатов.

Дарлингтон нервно прошел в одну из маленьких темных комнат и остановился возле стеклянной витрины, поймав свое отражение в крышке. Он пригладил редеющие черные волосы и поправил старомодные очки в роговой оправе. — Хорошо выглядит, слава Богу, и скривив губы в довольной гримасе, двинулся дальше, не обращая внимания на содержимое витрины. А ведь это были его настоящие сокровища, хотя он и отказывался признавать их таковыми. — Странные отпечатки, найденные на поверхности Венеры роботами-исследователями. Отпечатки сделавшие музей местом интенсивного интереса ученых, а после садов Сато — одной из главных туристических достопримечательностей Порт-Геспера. И Дарлингтон, в душе не понимая такого ажиотажа, признал их коммерческую ценность.

Он продолжал расхаживать взад-вперед, разглядывая свои кричащие картины, скульптуры и дорогие безделушки и размышляя о том, что искал этот назойливый полицейский с Земли, ковыряясь в аварийном корабле, где хранилась его драгоценная книга.

Виктор Пробода отнес собранные улики в лабораторию и явился по вызову капитана Антрин в ее кабинет, лейтенант Китамуки уже была там.

— Тебе дали простые инструкции, Виктор, ты не должен был оставлять инспектора одну. — Антрин не улыбалась, ее лицо начальственно затвердело.

— Она доверила мне улики, капитан, и обещала сообщать обо всем, что найдет.

— Ты ей доверяешь полностью? — Подключилась Китамуки.

— Похоже, она знает свое дело, лейтенант, к тому же Земля назначила ее главной. — Пробода почувствовал, что в этом кабинете становится ужасно жарко.

— Мы просили нам помочь. Мы не просили, чтобы у нас отбирали расследование, вот в чем дело. — Сказала Антрин.

— Мне это тоже очень не понравилось, капитан, — решительно заявил Пробода. — По правде говоря, сначала я принял это близко к сердцу, ведь ты уже поручила провести расследование мне. Но в конце концов, большинство главных фигурантов этого дела — земляне…

— Большинство фигурантов евроамериканцы, так пусть они и расследуют? — продолжила Китамуки.

— Извините, прежде всего вам следует взглянуть на результаты лабораторных исследований. Мы провели — точнее,

Трой провела — очень тщательный осмотр места катастрофы и того, что она обнаружила… — решительно начал Пробода. Он видел, что Китамуки готова оседлать своего любимого конька «теорию заговора» — объяснять все происходящее хитрыми экономическими и политическими интригами, многоходовыми комбинациями. А он считал, что чаще всего преступником руководят такие простые мотивы, такие как месть, жадность и глупость.

Но договорить ему не дали:

— Есть сведения, что наш отдел хотят дискредитировать, — перебила Китамуки. — Здесь у нас японо-китайско-арабский Лазурный Дракон все больше укрепляет свои позиции, и кое-кому из евроамериканцев, как на станции, так и на Земле, это не нравится. — Она сделала паузу, чтобы дать волю своим мрачным подозрениям. Но ей договорить тоже не пришлось:

— Нужно быть осторожными, Виктор, — спокойно сказал Антрин. — Порт-Геспер — это образец сотрудничества, мы стражи его, и некоторым можем мешать.

Пробода подозревал, что ему вешают лапшу на уши, а ему хотелось ясности:

— И как же ты хочешь, чтобы я действовал?

— Делай, как просит Трой. Просто постоянно советуйся. Ведь она может какие-то факты неправильно истолковать.

— Ясно, — согласился Пробода. — Мне поручено задержать пассажиров «Гелиоса», выполнять?

— Да. А что ты там говорил насчет результатов лабораторных анализов?

15

Оставшись одна в «Стар Куин», Спарта начала скрупулезное расследование.

Рядом со шлюзом висели на стене два скафандра. Одно место пустовало — не было скафандра Гранта. Так, это скафандр Уичерли — злополучного пилота. Любопытствуя, Спарта проверила запас воздуха в скафандре Мак-Нила и обнаружила, что он частично заряжен — его хватило бы на полчаса. Может быть, Мак-Нил приготовил его на случай, если это ему не повезет, если это ему придется раствориться в космосе? Если это так, то это говорит в его пользу. Спарта поковырялась тут и там среди шкафчиков с припасами — инструменты, батарейки, запасные канистры с гидроксидом лития[25] и тому подобное, здесь не нашлось ничего интересного. Она спустилась на летную палубу.

Пульты, перед широкими окнами, горели мерцающими огнями, их синие, красные и желтые индикаторные лампы мягко светились от резервного питания. Три кресла: командира, второго пилота и инженера — хотя «Стар Куин», как и другие современные грузовые суда, мог управляться одним членом экипажа или вообще управляться дистанционно.

Вид рубки представлял собой прагматичную смесь экзотики и обыденности. Компьютеры были по последнему слову техники, а огнетушители по-прежнему были просто красными металлическими бутылками, прикрепленными к переборкам. Стеллажи и шкафы с оргтехникой — стандартные, хорошее рабочее пространство и хороший вид из окон; все было спроектировано с учетом того, что члены экипажа проведут здесь большой кусок своей жизни. Спарта была удивлена, однако, казенностью обстановки, никаких вырезанных карикатур, плакатов, никаких милых заметок. Видимо, Питер Грант был не из тех, кто любит окружать себя такими мелочами.

Помимо рабочих программ корабля, с консолей рубки можно было получить доступ ко всей информации о корабле и его грузе, за исключением личных компьютерных файлов Гранта и Мак-Нила.

Спарта перевела дух и принялась за работу. По химическим следам, оставленным на консолях, подлокотниках, поручнях и других поверхностях, она убедилась, что никто, кроме Гранта и Мак-Нила, не был на этой палубе в течение нескольких недель.

Там оставались беспорядочные следы, но большинство из них были многомесячной давности, — рабочих, ремонтировавших корабль.

Спарта вошла в компьютер. Она загрузила его память в свою гораздо более емкую.

Пробежала глазами несколько первых файлов.

Грузовой манифест был таким, каким она запомнила его при старте с Земли — никаких прибавлений, никаких вычитаний, никаких сюрпризов.

Четыре съемных грузовых трюма.

В этом рейсе только первый отсек трюма «А» герметичен — обычные продукты питания, лекарства и так далее —и этот крошечный предмет застрахованный на два миллиона фунтов стерлингов — книга в футляре для переноски…

Несколько других застрахованных предметов: два ящика сигар, предназначенных не кому иному, как Каре Антрин, стоимостью по тысяче фунтов каждый, четыре ящика вина, в краже одного из которых Мак-Нил уже признался, стоимостью в общей сложности пятнадцать тысяч американских долларов, предназначенных тому же Винсенту Дарлингтону, новому владельцу знаменитой книги.

Но были и незастрахованные вещи: новейший супербоевик Би-би-си на видеочипе «Пока горит Рим», предмет, который показался Спарте достойным пристального внимания — ящик «разные книги, 25 килограммов», предназначенный Сандре Сильвестр.

В трюмах B, C и D, которые оставались в вакууме на протяжении всего полета, находилось: инструменты, машины, тонна углерода в виде графитовых кирпичей (дешевле доставлять с Земли, чем извлекать из атмосферы Венеры). Шесть роботов «Роллс-Ройсов HVRM» для горнодобывающей корпорации Иштар, весом 5,5 тонны каждый.

Спарта «вошла» в «черный ящик», который содержал все данные о путешествии. Доведение полной записи до сознания будет длительным процессом. Сейчас она довольствовалась быстрым внутренним сканированием в поисках аномалий.

Одна аномалия выделялась в массиве данных — взрывы, сигналы тревоги, призывы о помощи… человеческие голоса, испуганные, ругающиеся — черный ящик регистрировал всю последовательность событий, сопутствующих падению метеорита.

Еще одна аномалия зацепила ее сознание — разговор, состоявшийся непосредственно перед тем, как роковая радиограмма Гранта была передана на Землю и Венеру. — Это «Стар Куин», говорит командор Питер Грант. Инженер Мак-Нил и я, вместе пришли к выводу, что кислорода осталось достаточно только для одного человека…

Но в момент, предшествовавший объявлению, Гранта и Мак-

Нила на летной палубе не было. Голоса двух мужчин были приглушены перегородкой.

Голос Мак-Нила — «Не тебе обвинять меня в интриганстве».

Его обвинять…?

Весь разговор можно было восстановить полностью, но для этого Спарте пришлось бы погрузиться в легкий транс. Но сейчас на это не было времени, сейчас ей нужно было действовать быстро…

Лайнер «Гелиос», оснащенный более мощным, чем у «Стар Куин», атомным двигателем, находился в двенадцати днях пути от Земли и в восьми днях пути от Порт-Геспера, когда по всей Солнечной системе прозвучало : «…говорит капитан Питер Грант…». Через несколько минут — еще до того, как Питер Грант прошел через шлюз «Стар Куин», в последний раз — капитан «Гелиоса» получил приказ от Комитета Космического Контроля, действующего в соответствии с межпланетными законами, уведомить своих пассажиров и команду, что все сообщения с «Гелиоса» записываются и что любая информация, полученная таким образом, будет использована в последующих административных и судебных разбирательствах инцидента со «Стар Куин».

Другими словами, на борту «Гелиоса» были подозреваемые в причастности к предполагаемому преступлению на «Стар Куин».

Причины для таких подозрений были. «Гелиос» покинул Землю через два дня после того, как метеорит ударил «Стар Куин». Дата старта лайнера была известна уже несколько месяцев. И вот в последнюю минуту на нем появляются несколько новых пассажиров, имеющих непосредственное отношение к потерпевшему аварию судну, это: Никос Павлакис, один из владельцев «Стар Куин», Перси Фарнсворт, представлявший группу Ллойда, которая застраховала корабль, его груз и жизни экипажа, Сандра Сильвестр — исполнительный директор «Иштар Майнинг Корпорейшн», чей груз был основным в этом рейсе.

Кроме них другими пассажирами лайнера, которых вряд ли в чем-либо можно было подозревать, были: профессор археологии из Осаки, три молоденькие голландки, отправившиеся в грандиозное межпланетное турне (им нравилось, что их подозревают в межпланетном преступлении), полдюжины арабов-горнорабочих в сопровождении своих жен в паранджах и непослушных детей, попутчица Сандры — Нэнсибет Мокороа, а так же предмет пристального интереса молоденьких голландок — Блейк Редфилд (одинокий, симпатичный, старше пятнадцати и моложе тридцати), но он держался замкнуто и не отвечал на их

знаки внимания.

Пассажиры почти не общались друг с другом, слишком разношерстное было общество.

Никос Павлакис большую часть времени проводил за стаканом УЗО, когда видел Сандру Сильвестр, то изо всех сил старался быть любезным со своей клиенткой. Это случалось нечасто, поскольку она избегала его.

Фарнсворта, страхового агента, часто можно было найти притаившимся в сторонке, потягивающим джин и демонстративно сердито глядящим на Павлакиса.

Павлакис и Сильвестр взяли себе за правило вообще избегать Фарнсворта.

Так происходило большую часть полета, но вот вскоре после сообщения о гибели Гранта в гостиной произошел очень примечательный разговор.

Сильвестр застала Фарнсворта, угощавшего Нэнсибет кальвадосом. Мужчина средних лет и двадцатилетняя женщина парили, в невесомости на фоне звезд. Увидев их Сандра пришла в бешенство — чего, несомненно, и добивалась Нэнсибет. Прежде чем подойти, Сильвестр обдумала ситуацию — в конце концов, какое ей до этого дело? Ведь девушка была предана ей, как собака. Тем не менее Сандра чувствовала, что она не может позволить хитрому Фарнсворту общаться Нэнсибет.

Нэнсибет ехидно наблюдала за приближением Сильвестр, слегка раскачиваясь от невесомости и алкоголя.

— Сандра. Познакомься с моей подругой Присси Барнсворт.

— Перси Фарнсворт, Миссис Сильвестр. — Представился Фарнсворт. В условиях слабой гравитации на ноги не встанешь, но он тем не менее с достоинством выпрямился и отвесил внушающий уважение поклон.

Сильвестр оглядела его с отвращением: уже под пятьдесят, повадки молодого солдафона, глянула мимо его протянутой руки. — Будь осторожна, Нэнсибет. Похмелье от бренди не очень приятно.

— Дорогая матушка Сильвестр, — пролепетала она. — Что я тебе говорила, Фарни? Эксперт во всем. Что б я делала без ее советов. — Нэнсибет перебрасывала из руки в руку свою колбу с яблочным бренди. На третьем броске она промахнулась, и Фарнсворт подхватил ее, вернув без комментариев.

— Как я понимаю, вы не плохо провели время на юге Франции, миссис Сильвестр, — сказал Фарнсворт, не обращая внимания на ее не очень любезное поведение.

Сандра бросила на него взгляд, который ясно говорил о нежелании общаться, но Нэнсибет весело защебетала: — Нам

было очень хорошо два дня. Или три? А три недели я скучала.

— Мистер Фарнсворт, — поспешно перебила его Сандра, — ваша попытка выудить у моего компаньона информацию, которая может быть вам полезна, она… она очевидная… (Глаза Нэнсибет расширились, она театрально ухватилась за пышную юбку своего цветастого ситцевого платья — «выудить у меня? Ну, мистер Фармерворт…) — … и жалкая, — закончила Сандра.

Но Фарнсворт пропустил все претензии мимо ушей. — Я не хотел ничего плохого, миссис Сильвестр. Мы просто болтали, вот и все. Может быть поговорим по делу прямо, без обиняков. А?

— Как мужчина с мужчиной, так сказать, — добавила Нэнсибет и сделала вид, что вздрогнула, когда Сильвестр бросила на нее свирепый взгляд. Очевидно, она напилась сильнее, чем казалось.

— Зря вы видите во мне врага, миссис Сильвестр, — продолжил Фарнсворт. — Я представляю и ваши интересы, знаете ли. В некотором смысле.

— В том смысле, что заплатите нам сумму, от которой не сможете отвертеться?

— Вам нечего бояться, Миссис Сильвестр. «Стар Куин» благополучно финишировала бы с вашим грузом, даже если бы она была кораблем-призраком. Нужно больше, чем жалкий метеорит, чтобы повредить робот «Роллс-Ройса», не так ли?

В течение всего их разговора Нэнсибет гримасничала, изображая отчужденное презрение Сандры, оскорбленную невинность Фарнсворта. Это была своего рода ребячья непосредственность, которая при других обстоятельствах придавала ей дополнительную привлекательность. Сейчас она была так же привлекательна, как двухлетний ребенок в истерике.

— Спасибо за заботу, мистер Фарнсворт, — холодно сказала Сильвестр. — А теперь, может быть, вы оставите нас в покое?

— Позвольте мне быть откровенным, миссис Сильвестр, прошу прощения, в конце концов, мы оба знаем о трудностях линий Павлакиса. А?

— Ничего подобного я не знаю.

— Не нужно большого воображения, чтобы понять, что сделал Павлакис на своем корабле для получения выгоды. А?

— Нэнсибет, идем со мной, — сказала Сандра, отворачиваясь.

— Но он сделал это довольно плохо, не так ли? — Сказал Фарнсворт, подплывая ближе, его голос стал глубже и резче. — Никаких существенных повреждений корабля или груза. Цела даже та знаменитая книга, которая тебя так заинтересовала.

— Не забудь про экипаж, — крикнула Нэнсибет, все еще оставаясь легкомысленным бесенком. Он пытался убить их всех!

— Боже милостивый, Нэнсибет… — Сильвестр бросила взгляд через гостиную туда, где Никос Павлакис склонился над своим УЗО. — Как ты можешь говорить такое? О человеке, которого ты никогда не встречала?

— Но это у него получилось только наполовину, — закончила девушка. — Старина Ангус выжил.

— Это всего лишь проницательная догадка, миссис Сильвестр, но я готов поспорить, что она верна. — Взгляд Фарнсворта мелодраматически сузился. — «Павлакис Лайнс» страхует своих членов экипажа на довольно крупные суммы, вы знали об этом?

Ее глаза остановились на нем, почти против ее воли. — Нет, мистер Фарнсворт, вообще-то не знала.

— Но если это самоубийство, тогда конечно другое дело…

Сильвестр отвела от него взгляд. Ее вдруг затошнило от этого его вида, от этих зубов, рыжеватых волос, она резко повернулась спиной к ним обоим и, оттолкнувшись от ближайшего поручня не оглядываясь поспешила прочь.

Нэнсибет, смотрела вслед с притворной невинностью. — Пока-пока, Сандра… тебе полезно немного позлиться. — Она покосилась на Фарнсворта. — Самоубийство? Ты хочешь сказать, что тебе не придется платить Гранту? Я имею в виду, для Гранта? Потому что он покончил с собой?

— Это еще под вопросом. — Фарнсворт по-совиному оглянулся. — Сделал, или не сделал.

— А разве нет? — О, да… его что, его убили?

— А, убийство. Здесь ничего не ясно, вот что. — Фарнсворт потянул за узел своего кроваво-красного полимерного галстука. — С тобой было ужасно хорошо, но боюсь, мне придется бежать.

—Да, Вуссперси, — проворковала покинутая Нэнсибет. Так вот чего он от нее хотел — просто поговорить с Сил. — Беги, а почему бы и нет? И почему б тебе не отправиться вслед за командором Грантом…? Чтоб тебя не нашли тоже.

В другом конце зала, неподалеку от бара, плавал Никос Павлакис с колбой УЗО и пакетом оливок.

Он прекрасно понимал, что они говорили о нем.

Вспыльчивость толкала его немедленно обратиться к Фарнсворту, призвать его к ответу, но деловой здравый смысл требовал сохранять спокойствие любой ценой. Он был в отчаянии от случившегося. Он думал о Гранте, который много лет был надежным служащим для него и его отца, о вдове Гранта и его детях. Еще больше его тревожили перспективы Мак-Нила, еще одного хорошего человека…

Павлакис думал, что знает, что случилось со «Стар Куин». Для него это было очевидно, но, он надеялся, что не для других. И он не мог позволить себе никому ни слова сказать о своих подозрениях.

И меньше всего — Фарнсворту.

«Гелиос» уже приближался, времени оставалось мало, приходилось спешить с осмотром жилого модуля «Стар Куин».

Спарта быстро осмотрела камбуз, места общего пользования, не нашла ничего противоречащего рассказу Мак-Нила. Место в аптечке, в которой должен был находиться пузырек с ядом, было пусто. В ящике стола в кают-компании лежали две колоды игральных карт, одна из которых никогда не открывалась, на другой были следы Мак-Нила и только одну карту из колоды Грант брал в руки.

Спарта зашла в каюту пилота. В него не заходили с тех пор, как Уичерли последний раз был на корабле, перед тем как покинуть Фаларонскую верфь.

Каюта Гранта. Кровать застелена, углы выровнены, а одеяло туго натянуто. Одежда аккуратно сложена в корзинах для белья. Полки в основном со справочниками и книгами по самосовершенствованию; не было никаких признаков того, что Грант читал для удовольствия или имел какие-либо хобби, кроме компьютерных игр. Письма к жене и детям были прикреплены к маленькому письменному столу, и Спарта оставила их там, убедившись, что Мак-Нил, если его и интересовало их содержание (а это вполне могло быть), к ним не прикасался. Это еще один плюс в его пользу.

В ящике стола Гранта лежало еще одно письмо, скомканное, адресованное Мак-Нилу. Но поскольку Мак-Нил не обыскивал ящик, он, вероятно, не знал о его существовании.

Каюта Мак-Нила рисовала портрет совсем другого человека. Постель не убиралась уже несколько дней, а может быть, и недель. Багровые пятна пролитого вина на простынях, одежда кое-как втиснута в корзины.

Его библиотека чипов представляла собой завораживающее сочетание названий. Там были труды по мистике: «Дао Дэ Цзин» Лао Цзы, трактат по алхимии, еще один по каббале. Философия — Кант, Ницше.

Некоторые из книг были настоящими, с фотограммами на пластиковых листах, которые имитировали бумагу столетней давности. Тоненькая книжечка по салонной магии, еще одна по шахматам, еще одна по го. Романы: «Юрген» Кейбелла[26], недавняя работа марсианских «Дионис».

Личные компьютерные файлы Мак-Нила открывали другой, но столь же широкий круг интересов, он играл в шахматы на уровне мастера со своей машиной, тщательно следил за Лондонской, Нью-Йоркской, Токийской и Гонконгской фондовыми биржами, состоял в клубах «Роза месяца» и «Вино месяца». Вино и розы — он занимался ими между рейсами. На его компьютере были и другие файлы, защищенные паролями настолько тривиальными, что Спарта едва заметила их, — эротика (интерактивная фантазия), эти файлы полностью использовали графику высокого разрешения. Спарта их поспешно закрыла, несмотря на то, что она считала себя развитой не по годам, ее лицо стало ярко-розовым.

Она направилась в коридор, который проходил через центр палубы жизнеобеспечения. Как раз по другую сторону этих тесных, изогнутых, безликих стальных стен произошел роковой взрыв и моментально помещение автоматически было загерметизировано.

Затем она прошла через шлюз к съемным трюмам. Трюм «А»: «несанкционированный вход запрещен».

Мак-Нил сказал правду. Следы его и многих других рук остались на клавиатуре, но самый последний след принадлежал Питеру Гранту — его прикосновение к шести клавишам перекрывало все остальные. Она постучала по клавишам (комбинацию Гранта она обнаружила ранее там где он ее сохранил — в файлах персонального компьютера), индикатор рядом с замком мигнул с желтого на зеленый.

Повернула штурвал и потянула на себя крышку люка. Индикаторы подтвердили, что давление в трюме равно давлению снаружи. Повернула штурвал на внутреннем люке и через мгновение вплыла в трюм.

Это было тесное круглое помещение, высотой около двух с половиной метров, заставленное стальными стеллажами с пакетами и ящиками. Крышей отсека служила крышка самого трюма, пол представлял собой съемную стальную перегородку, плотно прилегающую к стенам и обеспечивающую герметичность. Остальная часть почти двадцатиметрового в длину трюма в этом рейсе пустовала и была просто большой бутылкой вакуума. — Ведь даже вес воздуха, это балласт, уменьшающий эффективность рейса.

Все было надежно раскреплено: мешки с диким рисом, спаржа, ящики с живой дичью в анабиозе, — деликатесы, которые, совершив путешествие с Земли, стоили гораздо больше, чем золото такого же веса.

Кубинские сигары Кары Антрин (живет явно не по

средствам).

Книги Сандры Сильвестр («разные книги, 25 килограммов») лежали в сером футляре, на котором Спарта обнаружила следы самой Сильвестр, Мак-Нила, Гранта, других неизвестных, но ни одного недавнего. Спарта быстро разгадала простой шифр замка. Внутри лежали несколько бумажных и пластиковых книг, некоторые в кожаных переплетах, другие с причудливыми, яркими иллюстрированными обложками. Ничего неожиданного. Она закрыла футляр.

Футляр Дарлингтона со знаменитой книгой. Магнитный замок, более сложный, чем цифровая панель шлюза. На ящике не было никаких признаков того, что до него вообще дотрагивались. Единственными его химическими сигналами были сильные запахи моющего средства (метилового спирта, ацетона и четыреххлористого углерода). Его тщательно протерли. — Это что, «маячок», который, подобно человеческому волосу, лежащему поперек щели в двери шкафа, должен сигнализировать о произошедшей попытке обыска или вмешательства? Что ж, никакого вмешательства не было.

Спарта продолжала возиться с ним. Никто без чуткости Спарты не смог бы вычислить комбинацию шифра менее чем за несколько дней, без помощи большого компьютера — столько времени потребовалось бы только на то, чтобы просмотреть половину возможных комбинаций. Но Спарта уничтожала возможности миллионами и миллиардами, мгновенно, просто путем считывания электронных путей глубоко в схемах замка и отбрасывания тех, которые были спящими.

Она была в трансе, когда делала это. Через пять минут она открыла замок. В футляре лежала книга «Семь столпов мудрости». Это было поистине произведение искусства. Она была не только украшена мраморным футляром, кожаным переплетом и красивой окантовкой, но и отпечатана, как сама Библия короля Иакова, на библейской бумаге, в двойных столбцах линотипа, каждая буква и символ были вдавлены в бумагу, а не просто появляясь там в виде пленочного наложения. Сама бумага была тонкой и эластичной, совсем не похожей на листы, которые она видела в Нью-Йоркской библиотеке, выставленные как реликвии прошлого…

Богатство и великолепие книги, которую она держала в руках, гипнотизировали ее, призывая взяться за чтение. На мгновение она забыла о расследовании. На случайно открытой странице прочла:

Если я не колеблясь рисковал своей жизнью, то

зачем же так суетиться и пачкать ее? И все же жизнь и честь относятся к разным категориям. …или же честь подобна листьям Сивиллы[27], и чем меньше ее остается, тем драгоценнее оставшееся немногое…?

Странная мысль. Честь рассматривалась как товар, и чем меньше ее, тем она дороже. Спарта закрыла книгу и убрала ее обратно в футляр.

Она увидела все что хотела на «Стар Куин».

16

— Леди и джентльмены, с прискорбием сообщаю, что процесс высадки задерживается. Вскоре к нам присоединится представитель Порт-Геспера, чтобы все объяснить. Чтобы облегчить ситуацию, все пассажиры должны как можно скорее явиться в зал. Стюарды вам помогут.

В отличие от «Стар Куин», «Гелиос» вывели на парковочную орбиту буксирами малой дальности. Хорошо видимая через иллюминаторы кают-компании станция висела в небе в километре от нее, величественно вращаясь на фоне яркого полумесяца Венеры, зелень знаменитых садов мерцала сквозь окна центрального кольца.

Недовольно перешептываясь, пассажиры собрались в зале, самым нерасторопным «помогали» стюарды, которые, казалось, забыли о почтении. Все находившиеся на корабле (и пассажиры и команда) были раздражены тем, что, преодолев миллионы километров, они в последний момент не могут сойти на берег.

Яркая искра мелькнула в среди кораблей, дрейфующих вокруг станции, и вскоре превратилась в крошечный белый катер украшенный голубой лентой и Золотой Звездой. Катер причалил к главному шлюзу, и через несколько минут высокий блондин с квадратной челюстью быстро вошел в салон.

— Я инспектор Виктор Пробода из управления космического контроля Порт-Геспера, — заявил он собравшимся, большинство из которых недовольно хмурилось. — Вы будете временно задержаны здесь, пока мы будем продолжать наше расследование недавних событий на борту «Стар Куин», мы искренне сожалеем о любых неудобствах, которые это может вызвать. Сначала мне нужно будет убедиться, что ваши регистрационные карточки в порядке. Затем я буду подходить к некоторым и задавать вопросы…

Вскоре после окончания осмотра «Стар Куин», Спарта постучала в дверь палаты Ангуса Мак-Нила.

Он стоял улыбающийся, свежевыбритый, в свежевыглаженной хлопчатобумажной рубашке с закатанными выше локтей рукавами, в хрустящих брюках, и попыхивал сигаретой, которую, очевидно, только что закурил.

— Прости, что помешала, — сказала она, увидев открытый чемоданчик на кровати. Он упаковывал туалетные принадлежности, она обратила внимание, что они, похоже, были куплены в тех же магазинах, что и ее собственная наспех

приобретенная зубная щетка.

— Самое время начать новую жизнь. Жаль, что тебе пришлось увидеть этот мой бардак. Решила пустить меня обратно на борт?

— Боюсь, это займет еще некоторое время.

— Есть еще вопросы, инспектор? — Когда она утвердительно кивнула, он указал на стул и взял другой для себя. — Тогда нам лучше устроиться поудобнее.

Спарта села. С минуту она молча смотрела на него. Цвет лица Мак-Нила заметно улучшился, и хотя он выглядит изможденным, но, похоже, не потерял мышечного тонуса. Даже после нескольких дней почти полного голода его руки выглядели мускулистыми.

— Мистер Мак-Нил, знаешь, просто поразительно, сколько всего можно узнать, к примеру, из черного ящика «Стар Куин».

Мак-Нил затянулся сигаретой и посмотрел на нее. Его доброжелательное выражение лица не изменилось.

— Микрофоны ловят каждое слово, произнесенное на летной палубе. То, что я услышала, подтвердило ваш рассказ о происшествии во всех деталях.

Макнил поднял бровь. — Едва хватило бы времени просмотреть записи в реальном времени за пару недель, инспектор.

— Ты прав. Тщательная проверка займет месяцы. Я использовала алгоритм, который определяет области максимального интереса. Сейчас я хочу поговорить о последней дискуссии, которая состоялась в кают-компании.

— Не уверен, что припомню дословно…

Она наклонилась вперед — Даже несмотря на то, что в жилых помещениях нет микрофонов главный бортовой самописец может восстановить точные слова.

Выражение его лица по-прежнему не изменилось, но черты почти незаметно напряглись. Она знала, что он думает, не блефует ли она.

Сейчас он поймет, что нет. — Вы только что вместе обедали. Грант подал вам кофе — он был горячее, чем обычно. Он развернулся и направился в коридор. И тогда ты его спросил, это твои точные слова:

— Куда спешишь? Я думал, мы собирались кое-что обсудить.

Последний намек на расслабленность покинул глаза Мак-Нила. Он раздавил сигарету, его мясистые щеки затряслись.

— Ну, мистер Мак-Нил, — мягко сказала Спарта, — нам с тобой есть что обсудить?

На мгновение показалось, что он смотрит мимо, в пустую белую стену позади ее головы. Затем его взгляд снова

сфокусировался на ее лице. — Он кивнул. — Да, я расскажу тебе все, только прошу об одном чтобы, выслушав меня (если будешь согласна с моими доводами), ты стерла запись этого разговора.

— Я буду иметь это в виду.

Мак-Нил глубоко вздохнул. — Тогда вот вам вся правда, инспектор…

Грант уже добрался до центрального коридора, когда Мак-Нил негромко окликнул его:

— Куда спешишь? Я думал, мы собирались кое-что обсудить.

Чтобы остановить свой полет, Грант схватился за дверной проем и медленно, недоверчиво обернулся. Инженеру полагалось уже умереть, а он удобно сидел, и во взгляде его читалось что-то непонятное, какое-то новое, особое выражение.

— Сядь! — резко сказал Мак-Нил , и с этой минуты власть на корабле как будто переменилась.

Грант подчинился против воли. Что-то здесь было не так, но он не представлял, что именно.

После длившейся целую вечность паузы Мак-Нил почти грустно сказал:

— Я был о тебе лучшего мнения, Грант.

Грант обрел наконец голос, хотя сам не узнал его.

— О чем ты? — просипел он.

— А как ты думаешь, о чем? — В тоне Мак-Нила едва слышалось раздражение. — Конечно, об этой небольшой попытке отравить меня.

Итак, для Гранта все кончилось. Но ему было уже все равно. Мак-Нил сосредоточенно разглядывал свои ухоженные ногти.

— Интересно, — спросил он так, как спрашивают «который час», — когда ты принял решение убить меня?

Гранту казалось, что все это происходит на сцене — в жизни такого не могло быть.

— Только сегодня, — сказал он, веря, что говорит правду.

— Гм-м… — с сомнением произнес Мак-Нил и встал.

Грант проследил глазами, как он направляется к аптечке и отыскивает маленький пузырек. Тот по-прежнему был полон: Грант предусмотрительно добавил туда порошка.

— Наверно, мне следовало бы взбеситься, — тем же обыденным тоном продолжал Мак-Нил, зажав двумя пальцами пузырек. — Но почему-то это не так. Может быть, потому, что я никогда не питал особых иллюзий относительно человеческой натуры. И я ведь, конечно, давно заметил, к чему идет дело.

Только последняя фраза полностью проникла в сознание Гранта:

— Ты… заметил, к чему идет?!

— О боже, да! Для настоящего преступника ты слишком простодушен. А теперь, после краха твоего маленького замысла, положение у нас обоих неловкое, ты не находишь?

Сдержаннее оценить ситуацию было невозможно.

— По правилам, — задумчиво продолжал инженер, — я был должен сейчас прийти в ярость, связаться с Венерой и разоблачить тебя перед властями. Но в данных обстоятельствах это лишено смысла, да и ярость мне никогда по-настоящему не удавалась. Ты, конечно, скажешь, что это из-за лени, но я считаю иначе. — Он криво усмехнулся. — О, твое мнение мне известно — с присущей тебе аккуратностью ты четко определил, что я за тип, нет разве? Я слабохарактерен и распущен, у меня нет понятия о нравственном величии, да и вообще о нравственности, и мне ни до кого нет дела, я люблю только себя… Что ж, не спорю. Может быть, на девяносто процентов все так. Но какую огромную роль играют оставшиеся десять процентов, Грант! По-крайней мере для меня.

Грант чувствовал себя не в том состоянии, чтобы предаваться психологическому анализу, — сейчас было не самое подходящее время для этого. К тому же мысли Гранта все еще были целиком заняты неожиданным и загадочным ходом событий. А Мак-Нил, отлично понимая это, явно не спешил удовлетворить это любопытство.

— Ну и что же ты намерен теперь делать? — Спросил Грант, желая поскорее покончить с этим делом.

— Я, — спокойно ответил Мак-Нил, — продолжил бы дискуссию с того места, на каком она была прервана из-за этого кофе.

— Не думаешь же ты…

— Думаю! Думаю продолжить, как если бы ничего не произошло!

— Чушь! — вскричал Грант. — Ты хитришь!

Мак-Нил со вздохом поставил на место пузырек и твердо посмотрел на Гранта.

— Не тебе обвинять меня в интриганстве. Итак, я повторяю мое прежнее предложение, я предлагаю решить, кто из нас примет яд. Только решать мы теперь будем вдвоем. И яд, — он снова приподнял пузырек, — будет настоящий. От этого порошка остается лишь отвратительный вкус во рту.

У Гранта наконец мелькнула догадка.

— Ты подменил яд?

— Естественно. Тебе, может быть, кажется, что ты хороший актер, Грант, но, по правде говоря, тебя насквозь видно. Я понял,

что ты что-то замышляешь, пожалуй, раньше, чем ты сами отдал себе в этом отчет. За последние дни я обшарил весь корабль. Было даже забавно перебирать все способы, какими ты постараешься от меня отделаться. Мне это помогло скоротать время. Яд был настолько очевиден, что прежде всего я позаботился о нем. Но с сигналом опасности я, кажется, переусердствовал и чуть не выдал себя, поперхнувшись первым же глотком: соль плохо совместима с кофе.

Он снова невесело усмехнулся.

— Вообще-то я надеялся на что-то более тонкое. Я нашел пятнадцать абсолютно надежных способов убийства на космическом корабле. Но описывать их сейчас мне не хотелось бы.

Это просто фантастика, подумал Грант. С ним обходились не как с преступником, а как со школьником, не выучившим урока.

— И все-таки ты готов начать все сначала? — недоверчиво спросил он. – И в случае проигрыша даже сам принять яд?

Мак-Нил долго молчал. Потом медленно заговорил снова:

— Вижу, ты все еще мне не веришь. Это не соответствует твоему представлению обо мне, не так ли? Но, возможно, я смогу заставить тебя понять меня.

В сущности все очень просто. (Он сделал паузу, и затем продолжил более оживленно). Я брал от жизни все, что мог, не о чем не сожалея, не слишком терзаясь угрызениями совести.

Грант… Большая часть моей жизни уже позади, но я не цепляюсь за то, что осталось, так отчаянно, как ты считаешь. Однако кое-что, пока я жив, мне совершенно необходимо. Тебя это, может быть, удивит, но дело в том, Грант, что некоторые принципы у меня имеются. В частности, я… я всегда старался вести себя как цивилизованный человек. Не скажу, что это всегда мне удавалось. Но, сделав что-либо неподобающее, я всегда старался загладить свою вину.

Он опять помолчал, а затем так, точно не Грант, а он сам нуждался в оправдании, объяснил:

— Я никогда не питал к тебе симпатии, Грант, но я часто тобой восхищался. Вот почему мне очень жаль, что все так случилось. Особенно я восхищался тобой в тот день, когда корабль получил пробоину.

После этих слов Мак-Нил запнулся и не смог сразу подобрать нужные слова. Когда он заговорил снова, то избегал встречаться взглядом с Грантом.

— В тот день я показал себя не с лучшей стороны. Случившееся потрясло меня. Я всегда был уверен, что выдержу любое испытание, но… в общем удар был слишком силен, он сбил

меня с ног, я не выдержал…

Он попытался шуткой скрыть смущение:

— Такая же история случилась со мной в моем первом полете. Я был слишком уверен, что никогда не заболею космической болезнью, а в результате именно из-за излишней самоуверенности мне было особенно тяжело. Но я переборол себя — переборол тогда и переборол теперь… Большим сюрпризом, мало что в моей жизни так сильно удивляло меня, стало то что я увидел, что именно ты, ты – «Стальной Грант», начинаешь ломаться…

Грант сердито покраснел, но Мак-Нил, не дав ему ничего сказать, продолжил:

— О, конечно, история с вином! Я понимаю, ты сейчас думаешь о ней. Так вот, это — единственное, в чем я НЕ раскаиваюсь. Я сказал, что всегда старался вести себя как цивилизованный человек, а цивилизованный человек должен знать, когда напиться. Но тебе этого, пожалуй, не понять.

Между тем, как ни странно, именно сейчас Грант начал его понимать. Только сейчас он почувствовал, как сильно заблуждался насчет Мак-Нила. Нет, «заблуждался» — не то слово. Во многом он был прав. Но он скользил взглядом по поверхности, не подозревая, какие под ней скрываются глубины.

В первый и (учитывая обстоятельства) в последний раз ему стали ясны истинные мотивы поведения инженера. Теперь он понимал, что перед ним не трус, пытающийся оправдаться перед миром: никто и не узнает, что произошло на борту «Стар Куин». Да и Мак-Нилу, с его так часто раздражавшей Гранта самоуверенностью, вероятнее всего, наплевать на общественное мнение. Но ради той же самоуверенности ему необходимо любой ценой сохранить собственное доброе мнение о себе. Иначе жизнь утратит для него всякий смысл, и на такую жизнь он ни за что не согласится.

Инженер пристально наблюдал за Грантом и, наверно, почувствовал, что тот уже близок к истине, так как внезапно изменил тон, словно жалея об излишней откровенности:

— Не думай, что мне нравится проявлять донкихотское благородство, подставляя другую щеку. Подойдем к делу исключительно с позиций здравого смысла. Какое-то соглашение мы ведь вынуждены принять. Приходило ли тебе в голову, что, если один из нас спасется, не заручившись соответствующими показаниями другого, оправдаться перед людьми ему будет нелегко?

Это обстоятельство Грант в своей слепой ярости совершенно упустил из виду, его праведность казалась такой… такой

самоочевидной. Но он не верил, чтобы оно могло чересчур беспокоить Мак-Нила.

— Да, — сказал он. — Пожалуй, ты прав.

Сейчас он чувствовал себя намного лучше. Ненависть испарилась, и на душе у него стало спокойнее. Даже то, что дело приняло совсем не тот оборот, какого он ждал, уже не слишком его тревожило.

— Ладно, — сказал он равнодушно, — покончим с этим. Где-то здесь должна быть колода карт.

— Я думаю, нам сначала нужно сделать заявления для Венеры — нам обоим, — с какой-то особой настойчивостью возразил инженер. — Надо зафиксировать то, что мы действуем по полному согласию — на случай, если потом придется отвечать на разные неудобные вопросы.

Грант безразлично кивнул. Он был уже на все согласен. Он достал из ящика стола запечатанную колоду металлизированных карт и последовал за Мак-Нилом по коридору на летную палубу. Колбу с ядом захватили с собой.

Он даже улыбнулся, когда десятью минутами позже вытащил из колоды карту и положил ее лицевой стороной вверх рядом с картой Мак-Нила.

Мак-Нил замолчал. С минуту он занимался тем, что прикуривал новую сигарету. Затем он глубоко вдохнул ароматный ядовитый дым и сказал: — А остальное вы уже знаете, инспектор.

— За исключением нескольких незначительных деталей, — холодно сказала Спарта. — Куда делись колба с ядом и колба с солью?

— Через шлюз вместе с Грантом, — коротко ответил он. — Я подумал, что так будет лучше, а то химический анализ, обнаружение следов соли, вопросы…

Спарта достала из кармана куртки пачку металлизированных игральных карт:

— Узнаешь ? — Она протянула их ему.

Он взял их в свои большие, удивительно аккуратные руки, почти не глядя на них:

— Да похоже, что наши. Или такие же.

— Теперь нужно перетасовать.

Инженер пристально посмотрел на нее, затем сделал, как ему было сказано, умело перетасовав тонкие гибкие карты в воздухе между своими изогнутыми ладонями и проворными пальцами. Закончив, он с любопытством посмотрел на нее.

— Сними, если не возражаешь, — сказала она.

— Но ведь это ты должна снять, не так ли?

— Давай, снимай.

Он положил колоду на ближайший столик с лампой и быстро сдвинул верхнюю часть колоды в сторону, затем положил на нее нижнюю часть, отклонился назад. — И что теперь?

— А теперь я хочу, чтобы ты снова перетасовал их.

Выражение его лица, непроницаемое, как ему казалось, едва скрывало презрение. Он только что поделился с ней одним из самых значительных эпизодов своей жизни, а она ответила ему просьбой поиграть в игры — без сомнения, пытаясь обмануть его. Он быстро перетасовывал карты, не делая никаких замечаний, позволяя шипению и рычанию их разделения, и быстрой рекомбинации выразить негодование за него. — А теперь?

— Теперь я выберу карту.

Он, изобразив поклон, протянул ей колоду. Ее пальцы зависли над картами, двигаясь взад и вперед, как будто она пыталась принять решение. Все еще сосредотачиваясь, она сказала: — Ты очень хорошо управляешься с картами, мистер Мак-Нил.

— Я и не делал из этого секрета, инспектор.

— Да, а как тебе это, мистер Мак-Нил? — Она вытащила карту и протянула ему, даже не потрудившись взглянуть на нее.

Он потрясенно уставился на нее.

— Это валет пики, не так ли, Мистер Мак-Нил? Карта, которую вы вытянули против командора Гранта?

Он прошептал «Да», она вытащила еще одну карту из колоды, которую он все еще держал перед ней. И снова она показала ему карту, даже не взглянув на нее. — А это тройка треф. Карта, которую вытащил Грант, которая послала его на смерть. — Она бросила две карты на кровать. — Теперь можешь опустить колоду, Мистер Мак-Нил.

Его сигарета догорала в пепельнице. Он уже понял смысл ее демонстрации и ждал, продолжения.

— Металлизированные карты не допускаются в профессиональную игру по простой причине, — сказала она, - с которой, я уверена, ты хорошо знаком. Их не так легко пометить зазубринами и булавочными наколками, как картонные, но очень просто наложить на них слабый электрический или магнитный рисунок, который может быть обнаружен соответствующим детектором. Такой детектор может быть маленьким, таким, скажем, чтобы поместиться в перстень, подобный тому, что ты носишь на правой руке. Красивая вещь — венерианское золото, не так ли?

Перстень был красив и замысловат, изображал

обнимающихся мужчину и женщину. Не колеблясь, Мак-Нил повертел его, снял и протянул ей, но, к его удивлению, она покачала головой и улыбнулась. — Мне не нужно на него смотреть, мистер Мак-Нил. Единственные узоры на этих картах были наложены мной несколько минут назад. — Она отодвинулась от него, расслабившись в кресле, приглашая его тоже расслабиться. — Я использовала другие методы, чтобы определить, какие карты были вытащены тобой и Грантом.

— Но если ты не обвиняешь меня в убийстве Гранта, то к чему эта демонстрация? Некоторые люди могли бы назвать это необычайно жестоким. — Хрипло сказал он, обретя дар речи.

— Но тебе, ведь не понадобились бы электромагнитные уловки, чтобы обмануть, не так ли, мистер Мак-Нил? — Она взглянула на его руки зажатые между коленями. — Даже с закатанными рукавами.

— Я мог бы легко обмануть его, инспектор Трой. Но клянусь, я этого не делал.

— Спасибо, что признаешься. Я уверена, что это правда.— Спарта поднялась на ноги. — Жизнь и честь относятся к разным категориям… …и чем меньше ее остается, тем драгоценнее оставшееся немногое…

— Что это значит? — Прохрипел Мак-Нил.

— Из старой книги, которую я недавно просмотрела — отрывок, который заставил меня захотеть прочитать ее когда-нибудь. Он дал мне ключ к пониманию твоей ситуации. Ты очень хорошо умеешь скрывать правду, мистер Мак-Нил, твое особое чувство чести не позволяет тебе лгать прямо. — Она улыбнулась. — Неудивительно, что ты чуть не подавился тем кофе.

Теперь выражение лица Мак-Нила было озадаченным, почти смиренным.

Как могла эта бледная, худенькая девушка заглянуть так глубоко в его душу? — Я все еще не понимаю, что ты собираешься делать.

Спарта снова полезла в карман куртки и вытащила маленькую книгу. — После меня «Стар Куин» будут осматривать другие люди, и осматривать тщательно, как и я. Поскольку мы с тобой знаем, что ты не обманул Гранта, пусть будет лучше, что этой книги у тебя никогда не было, что я ее не находила, и что у меня никогда не было никаких подозрений.

Она бросила книгу на кровать, рядом с картами. Она упала лицом вверх: Гарри Блэкстоун «О Магии».

— Карты тоже оставь себе. Маленький подарок, который поможет тебе скорее поправиться. Я купила их десять минут

назад в киоске.

— У меня такое чувство, инспектор, — сказал Мак-Нил, — что ничто из сказанного мною не стало для вас таким уж сюрпризом.

Спарта положила руку на дверную панель, собираясь уходить.

— Не думай, что я восхищаюсь тобой, мистер Мак-Нил. Твоя жизнь и то, как ты решишь жить, — это твое дело. Но так уж случилось, что я согласна, что нет никакого оправдания для разрушения репутации покойного, несчастного Питера Гранта. — Теперь она уже не улыбалась. — Это я говорю с глазу на глаз, а не по закону. Но если ты еще что-то скрыл от меня, я это выясню, и если это преступление, я тебя за это посажу.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ВЫБРОС

17

Спарта связалась по комлинку с Виктором Прободой: теперь он может прекратить играть в игры. Пассажиры с «Гелиоса» могли сойти на берег.

Космодром в космическом пространстве это смесь морской гавани, железнодорожного вокзала и стоянки автомобилей. Множество мелких судов, буксиров, тендеров, такси, катеров и самоходных спутников, постоянно скользит и вращается вокруг большой центральной станции. В космосе очень мало прогулочных судов (увлечение эксцентричного миллиардера солнечным яхтингом составляет редкое исключение), и в отличие от оживленной гавани, здесь нет никакой суеты, никаких прыжков по волнам. Ежедневная рутина сопоставления орбит — исключительно точная, ответственная работа, с постоянным пересчетом перепадов скоростей и соотношения масса/топливо — так что в космосе даже небольшие суда так же жестко ограничены заданными траекториями, как грузовые вагоны на железной дороге. За исключением того, что в космосе банды компьютеров постоянно перекраивают дорожки.

И если не считать местного трафика, космопорт не очень загружен. Челноки с поверхности планеты заходят несколько раз в месяц, межпланетные лайнеры и грузовые суда — несколько раз в год. Встречая дорогих гостей местные торгаши выпускают костюмированных волонтеров, приветствуя прибывающих так, как Гонолулу когда-то приветствовал приходящие корабли. Вместо травяных юбок или цветочных венков, космические станции изобрели новые «традиции», отражающие этнический и политический состав станции, ее экономическую основу, ее заимствованные мифологии: так, прибыв на станцию Марс, пассажиры могли встретить мужчин и женщин, одетых в римские нагрудники, демонстрирующие свои голые колени и несущие красные флаги, украшенные молотами и серпами.

В Порт-Геспер пассажиры «Гелиоса», сойдя на берег после долгой задержки, пересекли извилистый коридор из нержавеющей стали, залитый разноцветными огнями, кричащими вывесками на английском, арабском и русском языках. Развевающиеся на ветру от вытяжных вентиляторов бумажные плакаты с иероглифами придавали всему дополнительный праздничный оттенок.

Когда пассажиры добрались до застекленной части коридора, их внимание привлекла тихая суматоха наверху, подняв глаза, они увидели Афродиту в хитоне, сидящую верхом на пластиковой

морской раковине, улыбающуюся и машущую им рукой, а рядом с ней синтоистскую богиню солнца, в красиво развевающемся шелковом кимоно. Обе женщины свободно парили в невесомости, под странными углами друг к другу и ко всем остальным. Эти штатные богини станции были окружены ухмыляющимися мужчинами, женщинами и детьми, жестикулирующими корзинами с фруктами и цветами, продуктами гидропонных ферм и садов станции.

Пассажиры, прежде чем им позволили подняться на уровень этих небесных созданий, столкнулись препятствием. — В конце коридора их остановил инспектор Виктор Прободa, рядом стояли охранники с парализаторами. Пассажиров по одному или группами проводили в небольшую кубическую комнату, обитую со всех шести сторон темно-синим ковром. На одной из стен комнаты большой экран демонстрировал суровое лицо инспектора Эллен Трой. Она демонстративно переводила взгляд с посетителя на экран с информацией перед собой, информация была собеседнику невидна.

Спарта находилась в потайной комнате недалеко от посадочной трубы, и ни какой информации на экране не было, и увеличенное лицо и якобы считывание информации — все это была постановка, психологическое давление. Она договорилась с Прободой, чтобы пассажиры заходили в комнату в определенном порядке, и уже избавилась от большинства из них, включая японского профессора и арабов с их семьями, а также инженеров и коммивояжеров.

В данный момент она пыталась поторопить голландских школьниц. — Нам больше не придется вас задерживать, — сказала она с дружелюбной улыбкой. — Надеюсь, остальная часть вашего путешествия будет более увлекательной.

— Это была самая лучшая часть, — сказала одна из них, а другая добавила, сильно хлопая ресницами в сторону Прободы, — у вас такие симпатичные сотрудники.

Третья девушка, однако, выглядела такой же чопорной, как и сам Прободa.

— Сюда, пожалуйста, — сказал он, — проходите направо.

— Пока, Вики…

«Вики» почувствовал на себе веселый взгляд Спарты и постарался поскорей выпроводить девушек.

— Мистер Перси Фарнсворт, Лондон, представитель фирмы «Ллойд» — объявил Прободa.

Фарнсворт вошел в куб для допросов, подергивая усами. — Мистер Фарнсворт, инспектор Трой, — показал Прободa на экран.

Фарнсворт выглядел бодрым и в то же время

задыхающимся. — Охотно помогу в расследовании, инспектор. Право слово. Знаете,такие вещи — моя специальность.

Спарта молча смотрела на него, в течение двух секунд: ветеран-мошенник,отсидевший свой срок, теперь работает на другую сторону. Во всяком случае, такова была история.

— Ты и так уже помог нам, дал много зацепок. — Она притворилась, что просматривает досье на своем фиктивном экране. — М-м-м… похоже, синдикат Ллойда был в восторге от «Стар Куин». Застраховал корабль, большую часть груза, жизни экипажа.

— Совершенно верно. И, естественно, я хотел бы связаться с Ллойдом как можно скорее, подать предварительные результаты…

— Знаешь, — перебила она. — Не для протокола. Я бы сказала, что страховщики отделались легким испугом.

Фарнсворт обдумал эту фразу — что именно она имела в виду? — и, видимо, решил, что инспектор играет с ним в кошки-мышки. — Да, похоже на то, — сказал он, переходя на доверительный тон. — Но… это дело с Грантом…

— Полагаю, ты хотел бы знать, был ли это несчастный случай или самоубийство. Вот в чем главный вопрос. К сожалению, адвокатам будет не просто решит его, мистер Фарнсворт. Мне нечего добавить к тому, что известно. В ее тоне не было ни капли доброжелательности. — Я принимаю твое любезное предложение о дальнейшей помощи. Пожалуйста, пройди вон в ту дверь слева и подожди меня там. Я приду не больше чем через на десять минут.

— Туда? — В ковре открылась дверь в мрачную стальную трубу. Он нерешительно заглянул в нее, словно ожидая встретить дикое животное. Пробормотав «ну что ж», Фарнсворт вышел. Как только дверь захлопнулась за ним. Пробода запустил следующего. — мистер Никос Павлакис, Афины, представитель компании «Павлакис Лайнс». А это инспектор Трой.

Павлакис кивнул своей большой головой: — Добрый день, инспектор.

Спарта не обратила на него внимания, пока не закончила читать что-то со своего экрана. Тем временем он нервно теребил манжеты своей тесной куртки.

— Я вижу, это ваш первый визит на Венеру, Мистер Павлакис, — сказала она, поднимая глаза. — Прискорбные обстоятельства.

— Как поживает Мистер Мак-Нил, инспектор? Он здоров? Могу я поговорить с ним?

— Из клиники его уже выписали. Скоро ты сможешь с ним

поговорить. — Его беспокойство показалось ей искренним, но это не отвлекло ее от темы разговора. — Мистер Павлакис, я заметила, что у «Стар Куин» — новый регистрационный номер, но на самом деле кораблю тридцать лет. Каков был ее прежний номер?

— Она была полностью отремонтирована, инспектор. Все, кроме основной рамы, новое или восстановленное, с несколькими незначительными изменениями…

Виктор Прободa прервал нервную речь Павлакиса. — Она просит назвать прежний номер.

— Я… регистрационный номер NSS 69376, инспектор.

— Это номер «Кроноса», — сказала Спарта. Слово прозвучало как обвинение. — Астероид Церера, шестьдесят седьмой год — два члена экипажа погибли, третий — женщина, ранена, весь груз потерян. Марсианская станция №73 — столкновение с доком, убило четырех рабочих станции, груз в одном трюме уничтожен. С тех пор произошло еще множество несчастных случаев, связанных с потерей груза. Несколько человек были ранены, и по меньшей мере еще одна смерть была связана с некачественным обслуживанием. У вас была веская причина переименовать корабль, Мистер Павлакис.

— Кронос — неподходящее имя для космического корабля, — сказал Павлакис.

Она торжественно кивнула. — Титан, который съел собственных детей. Должно быть, было трудно набирать квалифицированные экипажи.

Янтарные бусины Павлакиса пробивались сквозь его сильные пальцы. — Когда мне будет позволено осмотреть мой корабль и его груз, инспектор?

— Я отвечу на все вопросы, мистер Павлакис, как только я закончу эту процедуру. Пожалуйста, подождите меня — вон за той дверью слева от вас.

И снова открылась дверь в мрачную стальную трубу. Мрачно глядя поверх своих усов, Павлакис вышел, не сказав больше ни слова.

Впустили следующего пассажира.

— Мисс Нэнсибет Мокороа, Порт-Геспер, безработная. — Инспектор Трой — представил Прободa.

В бешенстве Нэнсибет безмолвно уставилась на Прободу, усмехнулась изображению на экране.

— Мисс Мокороа, год назад вы подали в суд на Мистера Винсента Дарлингтона с требованием расторгнуть трехлетний брачный контракт. Основание — сексуальная несовместимость. Знал ли Мистер Дарлингтон в то время, что вы уже стали

фактическим компаньоном миссис Сандры Сильвестр?

Нэнсибет молча смотрела на изображение на телеэкране, ее лицо застыло в маске презрения, которая была результатом долгой практики и которую Спарта легко распознала как прикрытие ее отчаянного замешательства. Спарта ждала.

— Мы друзья, — хрипло сказала Нэнсибет.

— Очень мило, — сказала Спарта. Знал ли мистер Дарлингтон в то время, что вы также были и любовниками с Сандрой?

— Просто друзья, вот и все! — Молодая женщина дико оглядела тесную комнату, неуклюжего полицейского рядом с ней. — Что, черт возьми, ты пытаешься доказать? Что это…

— Ладно, оставим эту тему. А теперь, если захочешь…

— Мне нужен адвокат, — взвизгнула Нэнсибет, решив, что наступление лучше защиты. — Прямо сейчас. Я знаю свои права.

— …ответь еще на один вопрос, — тихо закончила Спарта.

— Ни слова больше, черт побери! Ни слова больше. Ищейка! Это незаконное задержание. Необоснованный обыск…

Спарта и Прободa обменялись взглядами. — Обыск?

— …оскорбление достоинства, — продолжала Нэнсибет. — Клеветнические намеки. Злонамеренный умысел…

Спарта усмехнулась. — Не подавай на нас в суд, пока не услышишь вопрос, ладно?

Нэнсибет задохнулась от гнева, поняв, что поторопилась. Ведь ее еще не задержали. А может и не будут. — Что ты хочешь знать? — Ее голос внезапно стал усталым.

— Нэнсибет, как ты думаешь, кто-нибудь из них — Сильвестр или Дарлингтон — способен совершить убийство? …ради тебя?

Нэнсибет испуганно расхохоталась. — Это что, они обвиняют друг друга? Да каждый из них способен.

Прободa наклонился к ней. — Инспектор не спрашивал тебя, что они…

Но Спарта остановила его взглядом. — Ладно, спасибо, можешь идти. Через ту дверь, что справа от тебя.

— Точно, направо? — Спросил Прободa, Спарта подтвердила кивком.

Прободa открыл дверь, но Нэнсибет вдруг почему-то засомневалась. — А куда это ведет?

— Вон, — сказал Прободa. — Видишь. Фрукты, костюмы. Ты свободна.

Молодая женщина снова обвела комнату широко раскрытыми глазами, ее ноздри раздувались, дрожали. Затем она метнулась в дверь, как дикая кошка, вырвавшаяся из капкана. Прободa раздраженно посмотрел на Спарту. — Почему ты ее отпустила?

Мне показалось, что ей есть что скрывать.

— То, что она скрывает, не имеет ничего общего с нашим делом, Виктор. Наверное, это что-то из ее прошлого. А кто следующий?

— Миссис Сильвестр. Послушай, я надеюсь, что разговор будет более тактичным, чем…

— Давай будем действовать, как договорились.

Пробода хмыкнул и открыл дверь.

— Миссис Сандра Сильвестр, Порт-Геспер, исполнительный директор горнодобывающей корпорации «Иштар». — Его голос звучал официально и почтительно, как у мажордома.

Сандра Сильвестр плавно вплыла в комнату. — Виктор? Мы должны пройти через это еще раз?

— Миссис Сильвестр, позволь представить — инспектор Трой, — сказал он извиняющимся тоном.

— Я уверена, что тебе не терпится попасть в свой кабинет, миссис Сильвестр, поэтому буду говорить кратко.

— Мой кабинет подождет, — твердо сказала Сильвестр. — Я бы хотела сначала выгрузить своих роботов.

Спарта глянула на фальшивый экран, потом на Сандру. Женщины смотрели друг на друга. — Ты никогда раньше не имела дела с «Павлакис Лайнс», и все же ты смогла убедить Комитет Космического Контроля и страховщиков сделать исключение из правила «экипаж-три».

— Кажется, я только что объяснила инспектору Прободе, почему. У меня в грузовом отсеке шесть роботов-шахтеров, инспектор. Мне нужно поскорее заставить их работать.

— Значит, тебе очень повезло. — Спокойный голос Спарты не выдавал никаких признаков того, что на нее давят. — Ты могла потерять их всех.

— Вряд ли. Даже менее вероятно, чем то, что метеорит вообще ударит в корабль. И, во всяком случае, это никак не связано с численностью экипажа «Стар Куин».

— Почему не доверили своих роботов, застрахованных примерно на девятьсот миллионов долларов, беспилотному космическому кораблю?

Сильвестр улыбнулась в ответ. Это был хитрый вопрос с политическим и экономическим подтекстом, который вряд ли можно было ожидать от криминального инспектора. — Нет никаких беспилотных межпланетных грузовых кораблей, инспектор, Союз пилотов и лоббисты других заинтересованных групп убедили Комитет Космического Контроля запретить их использование. Я не трачу время на гипотетические вопросы.

— Где ты провела последние три недели земных каникул,

Миссис Сильвестр?

Вопрос явно не по обсуждаемой теме — и Сандре стоило немалых усилий скрыть свое удивление. — Я отдыхала на юге Франции.

— Ты сняла виллу на острове Левант, где, за исключением первого и последнего дня и еще двух дней, когда ты ее навестила, мисс Нэнсибет Мокороа жила одна. Где ты была все это время?

Сильвестр бросил взгляд на Прободу, но тот уклонился от ее взгляда.

Его предыдущие поверхностные расспросы не подготовили ее к такому уровню детализации. — Так и было… Я… у меня были личные дела.

— В Соединенных Штатах? В Англии?

Сандра Сильвестр ничего не ответила. С видимым усилием она взяла себя в руки.

— Благодарю, миссис Сильвестр, — холодно сказала Спарта. — Через эту дверь налево. Придется задержаться еще ненадолго. Не больше пяти-шести минут.

Спарта заметила, что Прободa слишком долго открывал дверь, смягчая эффект неожиданности. Сильвестр старалась держаться спокойно, пока выходила, но ей плохо это удавалось.

Прободa впустил в комнату следующего пассажира.

— Мистер Блейк Редфилд. Лондон. Представитель мистера Винсента Дарлингтона из Гесперского музея. Инспектор Трой, — представил Прободa, не замечая, что изображение потеряло свою четкость. — В тот момент, когда Прободa открывал дверь в коридор, Спарта ухудшила видимое Редфилду изображение на экране.

Блейк появился — бодрый, респектабельный, в своем дорогом английском костюме, слегка красуясь. Он повернулся к экрану со сдержанной, выжидательной полуулыбкой.

Если он и узнал ее, то ничем себя не выдал, но она знала, что он так же хорош в этой игре, как и она. Если у него была причина что-то скрывать, он мог делать это лучше, чем кто-либо другой.

Она не видела его уже два года, он выглядел не столько старше, сколько увереннее в себе. В нем появилось что-то новое, что-то, чего она не знала в нем раньше. Он ждал, когда она заговорит.

— Ты действовал как агент Мистера Дарлингтона при покупке «Семи столпов мудрости»?

— Совершенно верно.

— Цель путешествия?

— Я здесь, чтобы убедиться, что знаменитая книга, которую

вы только что назвали, благополучно доставлена мистеру Дарлингтону.

Спарта помолчала. Это казалось нелогичным ответом, намеренно провокационным, вызовом который она не могла пропустить.

— Зачем было отправлять книгу на «Стар Куин»? Почему бы не привезти ее самому?

Редфилд ухмыльнулся. — Можно, конечно, было сделать и так.

— Я убедилась, что книга находится на борту «Стар Куин», Мистер Редфилд.

— Это обнадеживает. Можно мне тоже посмотреть?

Сердце Спарты заколотилось, сильно и быстро, — что происходит, что-то, чего она не ожидала.

Тут же она решила, что мистеру Блейку Редфилду не следует давать больше информации, чем он уже получил.

— Скоро посмотришь, через ту дверь справа, пожалуйста. Извини, что пришлось подождать.

Когда он выходил, она увидела, что он широко улыбается. Он хотел, чтобы она это увидела.

— Все, Виктор, — сказала она, — он был последним из овец.

— Последний из чего?

— Козы в загоне. Пойдем доить.

Крошечная, слабо освещенная комнатка, в которой Фарнсворт, Павлакис и Сильвестр разместились после того, как прошли поворот стальной трубы, представляла собой еще один куб — на этот раз из голой стали, такой же безликий, как трюм подводной лодки. Видимого выхода не было, путь назад был закрыт скользящими панелями. Видеоэкран занимал весь потолок.

Разговор на повышенных тонах между тремя сокамерниками уже готов был перерасти в яростную перебранку, когда темный экран внезапно осветился. На нем появилась инспектор Эллен Трой, ее лицо занимало почти весь экран.

— Я обещала не отнимать у вас много времени, поэтому буду говорить кратко. — объявило это лицо. Изображение Спарты сменилось четким изображением металлической пластины.

— Это пластина корпуса «Стар Куин» № Л-43 с отверстием.

Наплыв к верхнему правому углу, к аккуратной черной дыре на серебристом фоне.

— А сейчас вы увидите как эта дыра выглядит изнутри.

На экране возникла черная вогнутая поверхность, затем наплыв и увеличенное изображение конусной поверхности отверстия, покрытой затвердевшей пластиковой пеной, которая

сделала отверстие герметичным

Новое изображение показало комок желтой пены, возвышающийся над поверхностью пластины, — вид дыры до того, как дыра была очищена.

Педантичный, раздражающий голос Спарты продолжал звучать в череде образов. — Значительный ущерб «Стар Куин» был нанесен взрывом, уничтожившим как кислородные баки, так и топливный элемент, — сказала она, когда на экране появилось изображение почерневшего беспорядка внутри.

Она сделала паузу, чтобы дать им возможность изучить обломки. Затем продолжила: — однако ни дыра в обшивке корпуса, ни внутренний взрыв не были вызваны метеоритом.

Если ее аудитория из трех человек и была удивлена этой новостью, то об этом говорило разве что углубившееся молчание.

— В результате лабораторного анализа структуры метала вокруг отверстия было установлено, что это отверстие, вероятно, было вырезано плазменной горелкой. Далее. Изучение пластиковой пены, заполнившей отверстие, показал наличие двух слоев. Тонкий слой прилегающий непосредственно к металлу был катализирован более двух месяцев назад. Другими словами, дыра была в пластине и запечатана пластиком еще до того, как «Стар Куин» покинул Землю. Взрыв произошел внутри корабля — пробоина открылась, позволив воздуху вырваться наружу, — а затем была быстро запечатана аварийными системами корабля.

На экране один за другим возникали диаграммы, снимки и графики, подтверждающие все сказанное.

— Взрывное устройство было помещено внутрь корпуса топливного элемента — эти спектрограммы показывают тип взрывчатого вещества, и сработало по команде, заранее введенной в программу корабельного компьютера.

Снова возник суровый образ Спарты:

— Кто подорвал «Стар Куин»? Почему? Любой, кто может пролить свет на это, может говорить сейчас. Или, свяжитесь с местным отделением Комитета Комического Контроля. «Стар Куин» останется в карантине до полного завершения расследования.

Яркий луч света пронзил комнату и частично размыл изображение на экране, — это открылась двойная дверь, ведущая в один из самых оживленных коридоров.

Тем временем Спарта перейдя на режим связи, при котором она видела и слышала подозреваемых, а они ее нет, повернулась к Прободе, стоявшему рядом.

— Виктор, следуй за миссис Сильвестр и позвони мне через пять минут — дай знать, куда она направляется. Она уже уходит,

давай скорей! — Небольшая комната с терминалом, в которой находилась Спарта, располагалась совсем рядом с камерой, в которой находились подозреваемые, но знать они об этом не могли.

Спарта вновь включила прямую трансляцию.

Фарнсворт и Павлакис все еще были в комнате, хотя Павлакис уже неуверенно выставил одну ногу за дверь, не решив уйти ему или остаться.

— Странно, — сказал Фарнсворт гигантскому изображению над головой. — Раскрытие доказательств без предъявления обвинения…

— Мы на борту космической станции, Мистер Фарнсворт. Куда злодею деться?

— А если злодея здесь нет?

— И тогда ничего страшного.

— А ты не подумала, что эти сведения не останутся в секрете дольше, чем на несколько минут? Даже на Земле это станет известно.

— Есть какое-то конкретное подозрение, Мистер Фарнсворт?

Фарнсворт ткнул большим пальцем в сторону Павлакиса, который все еще неуклюже топтался в дверях, вырисовываясь на фоне ярко освещенного коридора. — Вот этот. Семейная история обманутых страховщиков. Никогда не мог доказать махинации его компании. Но если он и не преступник, то он может сказать тебе, кто преступник.

Ну и наглец, жаль, что он не виновен. — Хорошо. А как насчет того, что это сделала Сильвестр? — Спросила Спарта.

Это немного его расстроило — он воспринял это всерьез. — Ты имеешь в виду ревность?… Как будто он мог… никогда об этом не думал. — Этот парень Дарлингтон покупает книгу, о которой она мечтала, и она делает все, чтобы книга пропала… и так далее?

— И так далее.

— Это новая теория… — Пробормотал Фарнсворт.

— Это не теория, Фарнсворт. — Ее лицо, в три раза больше человеческого, склонилось к нему.

— Это не теория?

— Это вовсе не теория.

— Тогда достаточно болтовни. Прости меня… — Он неуклюже поплыл к двери, скорее всего заторопился связаться со своими хозяевами.

Павлакис исчез.

Комлинк звякнул в ее правом ухе. — Слушаю, говори.

— Это Пробода. Миссис Сильвестр отправилась прямиком в

штаб-квартиру «Иштар Майнинг Корпорейшн». Я сейчас нахожусь рядом.

Штаб-квартира находилась почти в двух километрах отсюда[28], в дальнем конце космической станции, ее иллюминаторы и антенны смотрели прямо вниз на яркие облака Венеры.

— Все. Возвращайся как можно скорее.

— И что дальше? — Прободa был раздражен. Опять он занимался бессмысленным делом.

— Мы подождем. Не долго. Может быть, десять или пятнадцать минут, Виктор. Я думаю, что мы увидим признание или акт отчаяния…

Спарта не только услышала, но и почувствовала сильный удар. Огни погасли, все сразу, и в темноте низкий вой сирен быстро превратился в тонкий, отчаянный визг. Настенные динамики настойчиво обращались ко всем, повторяя на английском, арабском, русском, японском языках: «Немедленно эвакуировать секцию один. В первой секции наблюдается катастрофическая потеря давления. Немедленно эвакуировать основную секцию один»…

— С тобой все в порядке? Что там произошло? Трой? — закричал оглушительно в комлинк Прободa. Но ему никто не ответил.

18

Любая жизненно важная система космической станции имеет и свой источник энергии, и может получать ее и от соседней системы. Но кто-то, хорошо знавший Порт-Геспер, сумел изолировать всю обращенную к звездам секцию станции, прервав подачу туда энергии и от ядерного реактора и отрезав линии от солнечных батарей. И все это в тот самый миг, когда в секторе безопасности взорвался герметичный люк. Пока не включатся аварийные батареи, будет очень темно, но не Спарте, которая настроила свое зрение на инфракрасное излучение и быстро пробиралась сквозь мир светящихся форм. Погасшие светильники все еще светились от тепла своих диодов. Провода в стенных панелях все еще светились нагретые электричеством, которое недавно протекало через них, а сами панели слабо светились своим теплом.

Хотя большинство линий связи станции потребляли только тоненькие струйки электричества, их чрезвычайная плотность создавала светящиеся горячие точки в каждой телефонной линии и линии передачи данных. Каждое место, к которому за последний час прикасались человеческие руки и ноги, светилось их теплом.

В коридорах и переходах быстро вспыхивали аварийные огни от их собственных автономных батарей, отбрасывая лучи и резкие стробоскопические тени в проходы. Люди плыли стараясь быстрее покинуть аварийную секцию, двигаясь, по большей части, беззвучно, за исключением нескольких испуганных криков, на которые быстро реагировали сотрудники «службы чрезвычайных ситуаций» — брали испуганных на буксир и тащили их на выход.

Разгерметизация была первобытным страхом в космосе, но постоянные обитатели Станции так часто проводили учения именно для таких ситуаций, что когда это происходило на самом деле, все знали, что нужно делать. Старожилы знали, что при объявленной скорости утечки, в этой секции объем воздуха настолько велик, что пройдет восемь часов, прежде чем давление упадет с его нынешнего роскошного уровня до давления на горной вершине в Андах. Задолго до этого ремонтные бригады выполнят свою работу.

Спарта оставаясь в темноте, избегая людных коридоров, плыла сквозь тусклое инфракрасное свечение проходов, вдоль грузовых шахт, мимо труб и вентиляционных туннелей, к взорванному люку. Направление движения ей подсказал воздух, ей понадобилось лишь мгновение, чтобы точно определить

направление потока. Летя, она чувствовала легкий ветерок, постепенно усиливающийся. В двадцати-тридцати метрах от отверстия поток воздуха достигал ураганной скорости, и окажись она там, ее бы засосало в воронку и выстрелило в пространство, как винтовочную пулю. Ей придется подойти ближе, но не настолько.

Взорванный люк был в доке Q3, и цель этого акта саботажа была ей ясна — создать диверсию, которая сделает окрестности дока небезопасными, и, в результате этого, в районе «Стар Куин» никого не будет. Поэтому Спарта и спешила, стремясь добраться до «Стар Куин», пока еще была надежда помешать преступнику.

Когда она приблизилась к шлюзу двигаясь внутри вентиляционного канала, ей пришло в голову, что диверсия была умно спланирована, рассчитана на минимальное число жертв — единственными людьми, постоянно находившимися в непосредственной близости от места взрыва, были охранники, но они постоянно в скафандрах, и даже если бы их засосало в вакуум дока, большого вреда им бы это не принесло.

Значит, мягкосердечный злодей? Не тот, кто взорвал кислородный баллон «Стар Куин». Хотя, возможно, у преступника не было специальной заботы о безопасности людей и все получилось случайно .

Спарта сбила панель с конца вентиляционной шахты и увидела, как та улетела, уносимая ветром. Охранников у шлюза трубы, ведущей к «Стар Куин» не было, двери шлюза были широко открытыми.

И если Спарта была права, человек все еще находился на борту корабля, — и в любую секунду мог появиться ей навстречу.

Нужно спешить. Она выкарабкалась из вентиляционной системы. Цепляясь за стены, сопротивляясь потоку, всасывающему ее во взорванный люк, она проникла в стыковочную трубу «Стар Куин» и наконец добралась до главного шлюза корабля. Вплыла внутрь, нажала на кнопки и увидела, как люк медленно закрылся за ней; внутри шлюза воцарилась тишина. Она увидела красные отблески отпечатков рук на панели управления — отпечатки рук одного человека.

Спарта наклонилась к светящемуся отпечатку и вдохнула его химическую сущность. — Этот аминокислотный узор не принадлежал ни кому из тех, кого она встретила на Порт-Гесперe.

По одному сценарию, Сандра Сильвестр должна была находиться в трюме, пытаясь украсть «Семь столпов мудрости», но она никак не могла успеть сюда добраться.

По другому, наиболее вероятному, сценарию — Никос

Павлакис настраивал автоматику, чтобы она направила корабль к Солнцу, навсегда похоронив доказательства преступления. Но без сообщников у Павлакиса не было времени организовать диверсию, хотя они у него и могли быть.

Спарта осторожно вплыла в корабль, прислушалась. — Отдаленное осторожное движение, возможно, прикосновение перчатки или царапанье ботинка по металлу. Она точно определила: кто-то находится в трюме «А».

Трюм «А», значит не Павлакис, значит книга, значит кто-то из агентов Сандры Сильвестр. Но у меня нет оружия. — Нужно попробовать успеть закодировать замок люка шлюза и поймать преступника в ловушку.

Она пробиралась в невесомости к люку шлюзовой камеры, который была приоткрыта, люк трюма «А» тоже был открыт. В нем горел свет и был виден человек с книгой в руках — Блейк. Она уже собиралась захлопнуть крышку люка, но ее остановил спокойный и какой-то теплый голос:

— Не бойся меня, позволь мне все объяснить.

Казалось, что он всего лишь слегка потерял самообладание. По голосу ясно, — он говорит искренне. И тут она поймала себя на том, что любуется, — он выглядел довольно очаровательно с растрепанными рыжеватыми волосами и изрядно помятым костюмом. Она поколебалась, потом заговорила:

— Я тебя слушаю

— Мне нужно было взглянуть на эту книгу, прежде чем ты выпустишь ее с корабля, ты сказала, что она здесь, но мне нужно было знать, настоящая ли книга, которую ты видела. Ты же не эксперт, как я. Кто-то, у кого были время и деньги, подделал книгу. Представь. Ему пришлось найти мастеров, способных набрать текст старым способом, строчка за строчкой, длиной в треть миллиона слов. А для этого нужно было отлить нужный шрифт (это заняло бы месяцы, если у человека не было навыков) — хотя у настоящих мастеров нужный шрифт конечно же был, или они легко могли его найти. Пришлось найти старую бумагу нужного сорта — или воспроизвести ее, водяные знаки и все такое, и сделать так, чтобы она выглядела старой. Потом кожаные переплеты, мраморная обложка… подумай о мастерстве, о невероятном мастерстве!

В своей страсти к тому, что он описывал, к этой странной старой книге, он, казалось, на мгновение забыл о Спарте.

— Почему так важно было взглянуть на книгу сейчас? Почему нельзя было подождать?

— Потому что настоящая книга все еще может быть на борту.

Так ли это на самом деле? Или в его руках настоящая книга,

а вся эта история — попытка оправдаться ? И Спарта, с целью уточнить, сказала:

— Сандра Сильвестр летала в Вашингтон, а затем вернулась в Лондон за три недели до посадки на «Гелиос».

— Она совершала и другие поездки из Франции в Англию. Что она там делала? — Она была в Оксфорде. Там сделала книгу. — На мгновение Блейк встретился с ней взглядом и поднял книгу. — Прекрасная подделка. Шрифт безупречен. Бумага превосходная — из тех, на которых до сих пор печатают Библии. Переплет необычайно хорош. Химический анализ докажет, что книга новая, но чтобы делать анализ нужно заподозрить неладное, а это случилось бы не скоро.

Она наблюдала за ним, слушала его. Он действительно сильно изменился:

— А как же ты определил, что это подделка?

— Триста тысяч слов. Некоторые наборщики были не осторожны.

— Ошибки?

— Несколько опечаток. Удивительно, что всего несколько. — Он улыбнулся. — Хотя, конечно, у меня не было времени на тщательную корректуру.

— Но Дарлингтон, вряд ли стал бы ее читать, и вряд ли заметил бы ошибки?

— Судя по тому, что я знаю об этом человеке, он никогда бы ее не открыл.— Он улыбнулся. — Ну, может быть, титульную страницу.

— Почему ты думаешь, что оригинал все еще на борту?

— Потому что я лично привез эту книгу на шаттле и видел, как она была закреплена на полке всего за несколько часов до того, как «Стар Куин» покинул Землю. Если только ее не унесли с корабля немедленно, она должна быть здесь.

А как же шифр футляра? — Ведь, чтобы совершить подмену, его нужно знать.

Нет, я почти уверен в этом. Что касается замка, то у вора была куча свободного времени и доступ к корабельному компьютеру… Видишь ли, я догадывался, что задумала Сильвестр, но мне и в голову не приходило, что она может действовать так быстро. Новость о попадании метеорита заставила меня задуматься о том, зачем она так сильно старалась, чтобы «Стар Куин» улетел по расписанию. А потом я узнал, что инспектор Эллен Трой получила назначение на…

Как он узнал об этом? Она побеспокоится об этом позже — у нее будет достаточно времени, чтобы взять интервью у Блейка Редфилда. — Хорошо, мистер Редфилд. Давай мне эту

изысканную подделку. Я думаю, это вещественное доказательство номер один. — Затем с сочувствием добавила. — Спасибо за помощь, я замолвлю за тебя словечко на суде.

— Извини, за дыру в станции. — Он не сделал ни малейшего движения, чтобы передать ей книгу. — Но шумиха, которую я поднял, была вызвана не только ради книги — не то чтобы она того не стоила…

Ей нравился его голос, но он говорил слишком много. — Книгу, пожалуйста.

Он не сводил с нее глаз. — Видишь ли, я знал, что если кто-то и придет до того, как я покину «Стар Куин», то это будешь ты. Собственно, я на это и рассчитывал.

В предчувствии чего-то, ее сердце бешено заколотилось. Когда-то она хорошо знала Блейда Редфилда, так хорошо, как один ребенок может знать другого. Почему он теперь для нее загадка?

— Спарта, — тихо сказал он. — Я никогда не верил тому, что они рассказывали нам о том, что случилось с тобой, что случилось с твоими родителями, почему они закрыли программу. Я узнал тебя в ту же секунду, как увидел на той улице в Манхэттене. Но ты не хотела, чтобы я знал о твоем существовании. Поэтому я…

Громовой скрежет металла оборвал его на полуслове, раздавил теплоту его голоса.

Она увидела, что трюм «С» тоже открыт и сейчас его шлюз был жерлом печи, — оттуда шла обжигающая волна жара. — Беги, — крикнула она, кидаясь к этой печке. Она захлопнула люк и крутанула колесо:

— Блейк, шевелись!

Он выбрался из трюма «А», все еще держа фальшивую книгу.

— Вперед, — велела она ему. — Нам нужно поскорее покинуть корабль!

Блейк выбирался из люка шлюзовой камеры — как раз в тот момент, когда крышка люка выпятилась от мощного удара. Спарта подтолкнула его и прыгнула следом, за мгновение до того, как ромбовидный хоботок прорвался сквозь сталь люка, как бензопила сквозь фанеру, разбрызгивая невесомую шрапнель. Робот "Роллс-Ройс" быстро проделывал себе отверстие в стальной палубе.

Шахтный робот, загруженный через внешний люк трюма, был не только слишком велик для шлюза, но и слишком велик для коридора; то, что ему пришлось разрывать корабль на куски, чтобы продвинуться вперед, не остановило его.

Блейк проплывал мимо кают, через летную палубу, — к

главному шлюзу, отталкиваясь и управляя собой одной рукой, держа книгу в другой. Спарта следовала за ним.

Блейк добрался до верха модуля экипажа. Он резко остановился у наружного люка главного шлюза, потянулся к кнопкам —и отдернул руку, как будто его ошпарили.

Спарта остановилась под ним. — Пошел, Блейк, вперед! — рявкнула, прежде чем увидела то, что увидел он, светящаяся, красная строчка.«ВНИМАНИЕ. ВАКУУМ».

— Должно быть, загерметизировали зону безопасности, — сказала она, — и сейчас там вакуум.

— Скафандры — на стене рядом.

Продвижение робота было стремительным металл и пластик были для него слабой преградой. В любой момент он прорвется сквозь корпус, и тогда они погибнут в вакууме.

— Не успеем, — сказала она. — Наш единственный шанс, это вывести его из строя.

Она нырнула обратно на летную палубу. Он неуклюже последовал за ней. Для него здесь было темно, как в кромешной тьме, если не считать мерцания ламп на пульте, но она видела все. Она могла видеть сквозь стальную палубу то, что выглядело как сияние приближающейся звезды — белого карлика.

— Брось эту проклятую книгу! — Но он держал изящную подделку так, словно она стоила не меньше его жизни. Робот появился на летной палубе, существо из кошмара, которому предшествовали вспышки его радиаторов. Расширив отверстие коридора своим пилообразным хоботком, его ощетинившиеся сенсоры появились сначала над краем отверстия, а через миллисекунду в комнату просунулась огромная голова в самурайском шлеме. Его голова вращалась быстрыми рывками, в алмазных фасеточных глазах отражалось разноцветное свечение приборной панели.

Волны тепла от его радиаторов было достаточно, чтобы заставить Блейка и Спарту отступить.

Блестящие глаза робота уставились на Спарту. Его ножные двигатели с воем ускорились, и он подпрыгнул — пять с половиной невесомых тонн, его рудные черпаки вытянулись, потянулись к углу потолка, где она съежилась. Она была легче и могла ускоряться гораздо быстрее; к тому времени, как машина дотянулась до потолка, Спарта уже отскакивала от пола.

— Огнетушитель, — крикнул Блейк, и на полсекунды ей показалось, что он запаниковал, потерял рассудок — что толку от огнетушителя против ядерного реактора? — но в следующие полсекунды она поняла, что жар сделал из него гения.

То, что шахтерский робот не был создан для работы в невесомости, давало им небольшое преимущество в битве. Еще одно преимущество, едва ли не более сильное, состояло в том, что монстр вел себя так, словно имел на нее личную обиду. Он не хотел просто пробить дыру в корабле и позволить ей умереть, опьяненной гипоксией. Он хотел разорвать ее на куски. Кто-то смотрел его глазами, контролируя каждое движение.

Блейк ловко подлетел к голове чудища, целясь огнетушителем, нажимая на спусковой крючок, покрывая его глаза густой пеной…

— ААА! — Крик Блейка был резким и не долгим, его рука оказалась в нескольких дюймах от радиатора робота и «Семь столпов мудрости» занялись пламенем. В отчаянии он направил огнетушитель на книгу, потом на себя, на свою горящую куртку.

Огромный робот неистово извивался. Он потерял ориентацию и выглядел жуком, перевернутым на спину. Но через несколько секунд он ухватится за что-нибудь, тогда, конечно, его удаленный оператор, вынужденный довольствоваться эффективной смертью, проигнорирует личную месть и просто использует машину, чтобы разбить окна «Стар Куин». Времени осталось только на одно, — она впала в транс. Сверхвысокочастотный поток данных — безумно пахнущий поток данных, наполненный ненавистью поток данных управляющей передачи робота — ворвался в ее сознание. Она подняла руки вверх и изогнула их дугой антенны. Ее живот горел. Она послала сообщение.

Робот судорожно дернулся и замер.

Она держала его, как кошку, за загривок, зажав в голове, а не в кулаке, но для этого требовалась вся ее концентрация. Она могла подавить сильный сигнал от управляющего роботом передатчика только потому, что находилась в нескольких футах от робота; энергия, запасенная в батареях под ее легкими, уйдет меньше чем за минуту.

— Блейк! — Произнесено было надрывно, на пределе сил. — Вытащи топливную капсулу, — выдохнула она. Ее луч дрогнул, и существо яростно дернулось.

Блейк изумленно уставился на нее. Она висела, как левитирующая Минойская жрица в зловещем свете, ее руки были изогнуты в виде крючков, даруя дикое благословение. Она выдавливала из себя слова, тонкие, как шелуха: — в его брюхе. Вытащи ее.

Наконец он решился — оказался под ним, между его дрожащими лапами и когтями. Потолок над парализованной машиной обуглился от жара радиаторов; тлеющая пластиковая обивка начала заполнять комнату едким дымом.

Блейк нащупал топливный люк — она хотела сказать ему, что делать, но побоялась потерять контроль над машиной — через мгновение он разобрался сам и открыл люк.

Затем он снова оказался в тупике. Он сделал паузу, и изучал топливный элемент в течение бесконечных секунд.

Все было сделано просто. В конце концов, это был «Роллс-Ройс». Он обхватил пальцами хромированные скобы топливной сборки, уперся ногами в корпус робота и потянул.

Топливная сборка выскользнула наружу. Ее оболочка закрылась, — сработала антирадиационная защита. В одно мгновение огромный робот был выпотрошен, мертв. Его радиаторы остывали недостаточно быстро — потолок продолжал разгораться.

— Черт побери, здесь должен быть еще один огнетушитель.

Он был. Спарта выдернула его из кронштейна, пронеслась мимо и покрыла пылающую обивку кремовой пеной, опустошила бутылку и отшвырнула ее в сторону.

Они посмотрели друг на друга — взвинченные, раздраженные, обожженные, закопченные, задыхающиеся от дыма, затем ему удалось ухмыльнуться. Все-таки она молодец, что вернулась сюда, на летную палубу, в шлюзовой у них не было никаких шансов. — Давай наденем скафандры, пока не задохнулись.

Он взял скафандр Мак-Нила, она — Уичерли, и когда она выпускала немного кислорода из своего в почти пустой баллон Блейка, она остановилась. На нее снизошло еще одно вдохновение.

— Блейк… это Сильвестр украла книгу, то есть кто-то для нее украл. И мне кажется, я знаю, где книга сейчас.

— У нее на борту есть ящик с другими книгами, но я там смотрел…

— Да, я знаю. А сейчас я гляну в другом месте. — Она отсоединила слишком большие для нее перчатки скафандра и сдернула их. — Для этого мне нужны мои пальцы.

Спарта вернулась на летную палубу, между когтями и ногами неподвижного робота нашла крышку главного процессора, открыла ее и заглянула внутрь.

Блейк наблюдал за ней, едва различимый в темноте. — Что ты там делаешь? — Она занималась этим, как ему казалось, очень долго.

— Мне придется снова установить топливную сборку. Не волнуйся, сейчас я ему сделаю лоботомию.

Он промолчал, так как единственное, что напрашивалось — ты сошла с ума.

Когда топливная сборка скользнула внутрь робота, его голова закачалась, когти слабо заскрежетали, но движения были как у одурманенного наркотиками носорога. Процессор получил команду — «режим осмотра червячной пары». Двигатели заныли. Брюшко робота раскололось по центру, обнажились сложные металлические внутренности. Там, зажатая между массивными деталями червячной передачи, уютно устроилась хрупкая, красивая книга в своем футляре.

19

Сначала восстановили подачу энергии в аварийный сектор, и команды рабочих в скафандрах быстро заменили взорванный люк. Не прошло и часа после аварии, как ядро было разгерметизировано, и работы возобновились в обычном режиме.

Когда воздух еще только наполнял сектор, патрульный отряд, одетый в скафандры и с парализаторами наготове, ворвался в «Стар Куин». Они были закаленными полицейскими, привыкшими иметь дело с пьянством, убийственной яростью и другими формами безумия, которые обычно поражают людей, живущих на космических станциях, но увиденное разрушение поразило их.

Они не видели никогда роботов-шахтеров, рыскавших по поверхности планеты под ними, не видели эти машины, которые давали им заработок. И, увидев среди обломков «Стар Куин» этого робота, они даже не поняли что это такое. Они приблизились к машине, как ныряльщики к большой, вялой белой акуле.

Кроме выведенного из строя робота, ничего необычного на корабле обнаружено не было.

Спарта и Блейк бросили скафандры через пять минут после того, как надели их.

И снова Спарта плыла в темноте, избегая людных коридоров, теперь уже с напарником,по запутанным каналам инженерных сетей станции. Она знала все закоулки, храня в своей памяти тысячи инженерных схем.

Но и Блейк знал этот район не плохо, — изучил его еще на Земле, уже тогда планируя свое нападение на «Стар Куин».

Они разговаривали на ходу, следуя друг за другом по темному лабиринту:

— Три пятнадцатиграммовых куска пластида на таймере для герметичного люка, — говорил Блейк. — Заряды на снабжающих энергией кабелях, также на таймере. На подстанции обесточил линии электробусов — у пары тамошних работников будет эфирное похмелье — пришлось их усыпить. Хотелось как можно меньше разрушений и жертв.

— С4? А, случайно, не гремучее золото?[29]

— Кому могло понадобиться это барахло? Это чертовски опасно.

— Кто-то не заботился о безопасности и хотел, чтобы обломки выглядели как взрыв в топливном элементе.

— Так что, на «Стар Куин» была диверсия?

— Возможно, ты последний человек в Солнечной системе, для которого это является новостью. Но может ты сделал это сам?

Он рассмеялся.

— Мне нужна остальная часть твоей истории, Блейк, прежде чем я решу, что с тобой делать.

— Давай остановимся на минутку, — сказал он. Они находились на подстанции, окруженные огромными насосами и толстыми серыми трансформаторами; сумеречный мрак был испещрен яркими полосами света, исходящими из решетки внизу, медленно ползущими вместе с вращением станции. Сквозь решетку они могли видеть центральное кольцо, с его деревьями и садами.

— Я не проходил курсы взрывотехников в «Спарте», Линда…

— Никогда не называй меня так. — Ее сердитое предупреждение эхом отозвалось в металлической камере.

— Уже слишком поздно. Они знают, кто ты.

— Да? Ну, а я знаю, кто они такие. — Голос выдал ее, потому что она устала, и страх вырвался наружу. — Чего я не знаю, так это где они находятся.

— Один из них здесь, на этой станции. Ищет тебя. Вот почему я пошел на все эти фейерверки — чтобы добраться до тебя. Прежде их.

— Кто же это?

— Не думаю, что я его узнаю. Или ее. Может быть.

— Проклятие. — Она вздохнула. — Начни с самого начала, ладно?

Он глубоко вздохнул, закрыл глаза и медленно выдохнул. Когда он открыл свои темные глаза, они сверкнули отраженным светом снизу. — «Спарта» распалась через год после того, как ты ее покинула. Тогда нас было около дюжины моего возраста, шестнадцатилетних и семнадцатилетних — Рон, Халид, Сара, Луис, Розария…

Она перебила его: — В таком далеком прошлом моя память превосходна.

— Весной, после твоего отъезда, к нам пришли какие-то странные типы из правительственного агентства. Эти люди были вербовщиками, ищущими добровольцев для «дополнительной учебной программы». Они делали много намеков о увлекательной, не совсем законной работе на правительство. У нас создалось отчетливое впечатление, что тебя уже отобрали для этого … а ты, ведь, была всеобщим кумиром.

— Примером для подражания во всем хорошем, а особенно в плохом.

— И это тоже, иногда. — Он улыбнулся при этом

воспоминании.

— Почти все согласились. Я записался — устроил скандал с мамой и папой, но они в конце концов сдались — и отправился в летний лагерь с несколькими другими ребятами. Это было в восточной Аризоне, высоко в горах. Мы пробыли там недели три. Они знали, что у нас хорошая общая подготовка, поэтому сразу перешли к специфическим вещам. Выживание. Шифры. Подрывное дело. Способы убийства. Позже я понял, что все это было легкой, детской игрой. Отбор тех из нас, кто был наиболее талантлив. Психологически восприимчив.

— Кого отобрали? Тебя и кого еще?

— Никого. Однажды днем пришел твой отец. С ним были мордовороты в штатском, возможно, из ФБР. Я никогда не видел его таким злым; он просто терроризировал этих самоуверенных крутых парней, которые управляли этим лагерем. Нам, детям, он почти ничего не говорил, но мы видели, что его сердце разрывается. Через час мы уже возвращались обратно в Финикс. Это был конец летнего лагеря. — Блейк помолчал. — Это был последний раз, когда я видел твоего отца. И твою мать я больше никогда не видел.

— Они мертвы. Официально. Крушение вертолета в Мэриленде.

— Да. Ты была на похоронах?

— Возможно, да. А может, и нет. Этот год пропал из моей памяти.

— Никто из тех, с кем я разговаривал, не был на похоронах. Мы услышали о катастрофе через месяц после того, как вернулись. «Спарта» просто развалилась. Нас всех разогнали по частным колледжам. — После «Спарты» мне казалось, что я попал в школу для дебилов. Про то, что с тобой случилось, никто никогда не слышал.

— И что же со мной случилось?

Блейк посмотрел на нее, и его теплые глаза смягчились и он начал:

— После окончания колледжа, деньги отца позволили мне заниматься, тем что мне по душе и я занялся расследованием твоего таинственного исчезновения и вообще всего связанного с проектом «Спарта». Вот что мне удалось выяснить.

В журналах писалось что примерно в то время существовала программа для введения самовоспроизводящихся биочипов в человеческий мозг. Исследования проводились в лаборатории военно-морского флота, потому что они были экспертами по биочипам. Первым испытуемым был некто, предположительно клинически мертвый, с мертвым мозгом.

— Отличная история для прикрытия. — Она рассмеялась, но в ее голосе прозвучала горечь. — Все, что они сделали, — это поменяли местами причину и следствие.

Он подождал, но она больше ничего не сказала. — Этот субъект сначала показал замечательные результаты, но затем из-за серьезных нарушений в его психике эксперимент пришлось прекратить и он был помещен в спецлечебницу. Уединенное местечко в Колорадо.

— Биочипы — это еще не все, что они сделали, Блейк, — прошептала она. — Они совершили много такого, что нельзя предавать гласности.

— Я об этом уже начал догадываться. Четыре года назад лечебница в Колорадо сгорела дотла. — Убили дюжину человек. Концы в воду.

— Все, что ты мне рассказал, я уже восстановила для себя, — нетерпеливо сказала она.

— Если бы я не увидел тебя живой, я бы прекратил это расследование. Как тебе удалось сбежать?

— Доктор, который должен был быть моим сторожевым псом… должно быть, его начала мучить совесть. Он использовал биочипы, чтобы восстановить повреждения, которые они нанесли. Я начала вспоминать…

Она повернулась к нему, крепко сжала его руку. — А что случилось за этот стертый из моей памяти год? Что они на самом деле пытались сделать? Что я такого сделала, что напугало их и, заставило превратить меня в овощ?

— Может быть, ты чему-то научилась, — сказал он. По его тону она поняла, что ей может не понравиться то, что она услышит. Она убрала руку и тихо спросила: — Как ты думаешь, что это могло быть?

— Я думаю, ты поняла, что «Спарта» была гораздо больше того, что знали о ней твои отец и мать. Верхушка огромного айсберга, древнего айсберга.

Он изучал ее, пока станция катилась в пространстве, а яркие полосы света снизу, сквозь решетку разрезали, ее темные черты на ленты.

— Есть одна теория. Идеал. Мужчин и женщин сжигали во имя этого идеала. Других, кто верил в теорию, превозносили как великих философов. А некоторые верующие обрели власть и стали чудовищами. Чем больше я изучаю этот предмет, тем больше связей я нахожу, и тем дальше они уходят в глубь веков — в 13 веке они были известны как адепты «Свободного Духа», пророки — но какое бы имя они ни использовали, они никогда не были искоренены. Их целью всегда было сделать человека

подобным Богу. Совершенство в этой жизни. Сверхчеловек.

Разум Спарты покалывало; образы танцевали в полумраке, но мерцали стробоскопически, прежде чем она успевала привести их в сознание. Странная вибрация одолела ее обычное зрение; она прижала пальцы к закрытым векам.

— Мои родители были психологами, учеными, — прошептала она.

— Всегда были темная сторона и светлая сторона, добро и зло.

Он терпеливо ждал, пока она снова откроет глаза.

— Человека, который руководил проектом, зовут Лэрд, — сказал он. — Он старался держать свою причастность в секрете.

— Я запомню это имя.

— Лэрд знал твоих родителей много лет, даже десятилетий. Еще до того, как они эмигрировали. Может быть, он знал что-то такое, что могло бы их заставить сотрудничать.

— Нет, — прошептала она. — Нет, Блейк, Я думаю, он соблазнил их видением более легкого пути к совершенству.

— Ты вспомнила что-то новое?

Она огляделась вокруг, рассеянная и нервная. — Ты мне очень помог, Блейк. Пора нам заняться остальными делами.

— Лэрд сменил имя, возможно, внешность, но я думаю, что он все еще пользуется влиянием в правительстве.

— Я буду беспокоиться об этом позже.

— Если бы он мог контролировать тебя, он мог бы многого добиться. — Он помолчал. — Может быть, даже стать президентом.

— Возможно, дело в том, что он не смог меня контролировать и я стала для него опасной. Возможно, почувствовал угрозу своему верховенству. Кто знает.

— И я думаю, он захотел похоронить доказательства своей неудачи.

— Это понятно. Но это моя проблема.

— Я сделал проблему своей.

— Извини, но ты можешь и перестать считать ее своей. — Ее голос снова обрел уверенность. — Давай продолжим игру, в которую мы играем. — «Держи вора».

— Инспектор Эллен Трой, Комитет Космического Контроля.

Винсента Дарлингтон колебался, открывать или нет. — Что ей нужно? Уважение к авторитету организации победило и он неохотно открыл двери Гесперского музея.

Спарта сунула свой значок в карман. Она все еще была в своем штатском костюме, сильно пострадавшем в сражении, и

чувствовала себя скорее доковой крысой, чем полицейским:

— Полагаю, вы знакомы с мистером Блейком Редфилдом из Лондона.

— Боже мой, мистер Редфилд, — прошептал Дарлингтон. — О, заходите, заходите оба. Пожалуйста, простите мне этот ужасный беспорядок. Должно было состояться кое-какое торжество…

Это место было похоже на морг. Белые скатерти покрывали бугристые холмики на длинных столах, стоящих у стен.

Пышные и благоговейные сцены, написанные маслом, висели в витиеватых рамах. Разноцветный свет из стеклянного купола заливал все вокруг.

— Ну и ну! — Дарлингтон нерешительно протянул пухлую руку Блейку. — Так и есть… рад наконец познакомиться с вами лично.

Блейк крепко пожал ему руку, Дарлингтон с удивлением увидел обугленный рукав его пиджака. Блейк проследил за его взглядом. — Извините, я только что был причастен к инциденту с разгерметизацией, — сказал он, — и у меня не было времени, чтобы привести себя в порядок.

— Боже мой, это ужасно. Что случилось?

— Это расследуется, — сказала Спарта. — Тем временем решено было передать вам вашу собственность, думаю, здесь она будет в сохранности.

На сгибе левой руки Блейк держал большой пакет, завернутый в белый пластик. — Вот книга, сэр — сказал Блейк, протягивая пакет. Он позволил пластику упасть, открывая мраморный футляр.

Глаза Дарлингтона расширились за толстыми круглыми стеклами очков, а губы искривились от удовольствия. Он спокойно взял книгу у Блейка, некоторое время смотрел на нее, затем торжественно отнес к витрине в конце зала.

Дарлингтон положил книгу на стекло и вытащил из футляра том в кожаном переплете. Позолоченные края страниц блестели в странном, свете.

Дарлингтон погладил коричневую обложку так нежно, словно это была живая кожа, повертел драгоценный предмет в руках, чтобы осмотреть его безупречный переплет. Затем он благоговейно положил книгу обратно, открыл на титульном листе и оставил ее так.

Блейк взглянул на Спарту. — Та улыбнулась.

— Вы отправили его вот так? — Резко сказал Дарлингтон. — Эта прекрасная книга могла бы… сильно испачкаться.

— Нет. Мы храним ящик, в котором она была, в качестве

вещественного доказательства, — ответила Спарта. — Я попросила мистера Редфилда осмотреть книгу и удостовериться в ее подлинности.

— А я хотел, чтобы книга благополучно попала в ваши руки, мистер Дарлингтон.

— Да, конечно. Ну что ж! — Дарлингтон весело улыбнулся, а затем с внезапным вдохновением оглядел комнату. — Торжество! А вы знаете, ведь еще не поздно! Сейчас я всех обзвоню.

Дарлингтон направился к своему кабинету, сделал два шага и вспомнил, что оставил «Семь столпов мудрости» не спрятав. Он вернулся, повозился со сложными замками витрины и аккуратно разложил книгу на бархатных подушках внутри, закрыл витрину набрал код.

Он поднял глаза, улыбаясь Спарте, и та одобрительно кивнула. — Тогда мы пойдем. Пожалуйста, держите книгу доступной на случай, если она может потребоваться в качестве доказательства.

—Прямо здесь, инспектор! Она будет прямо здесь! — Дарлингтон похлопал по витрине, затем бросился к одному из столов и с размаху сдернул покрывало, открыв взору гору роскошных креветок. Он был так взволнован, что чуть не захлопал в ладоши.

Блейк и Спарта подошли к дверям.

— О, кстати, вы должны прийти на вечеринку, — крикнул им вслед Дарлингтон, когда дверь открылась. — Вы оба! После того, как приведете себя в порядок.

Вестибюль перед музеем был переполнен пешеходами. Они оказались напротив Ванкуверского сада, быстро пересекли металлическую мостовую и спустились по тропинке, обсаженной папоротниками, мимо гранитных скал, ища укрытия среди изогнутых сосновых ветвей и тотемных столбов.

— Если ты не позволишь мне пойти с тобой, — сказал Блейк, — я приму предложение Дарлингтона. Умираю с голоду.

Она кивнула. — Я заметила, Блейк, что ты такой же искусный притворщик, как и я. — «Причастен к инциденту»…

Когда она повернулась, чтобы идти, он мягко взял ее за локоть.

— Береги спину. Я не знаю на что ты способна, но не переоцени себя.

Она достала сверток, спрятанный в трансформаторной комнате, и нажала на кнопку комлинка в ухе, чей настойчивый перезвон она отключила полчаса назад.

— Где ты пропадала? — Наполовину забота Прободы, наполовину паника была трогательной.

— Я недооценила нашего противника, Виктор. Я отправилась в «Стар Куин» в надежде на то…

— Ты была на борту? — крикнул он так громко, что она выдернула комлинк из уха.

— Черт возьми, Виктор… Я надеялась поймать преступника с поличным, — продолжила она, осторожно поднося комлинк к уху. — К сожалению, я столкнулась с большим роботом.

— Боже мой, Эллен, ты слышала, что творилось внутри корабля?

— Я же только что сказала тебе, что была там, — раздраженно сказала она. — Я хочу, чтобы мы встретились с тобой в офисе горнодобывающей корпорации Иштар. Как можно быстрее. Прямо сейчас.

— Капитан Антрин ужасно сердится, Эллен. Она хочет, чтобы ты немедленно явилась сюда.

— У меня нет времени. Скажи ей, что я сделаю полный отчет, как только смогу.

— Я не могу — я имею в виду, по собственной инициативе…

— Виктор, если ты не встретишься со мной в офисе Иштар, мне придется самой разбираться с Сандрой Сильвестр. А я слишком устала, чтобы быть вежливой.

Она отключилась. На этот раз она не лгала, к своему ужасу, она обнаружила, что дрожит от усталости. Хватит ли у нее сил для оставшейся работы?

Две крупные горнодобывающие компании в Порт-Геспер обеспечивали экономическую базу для всей колонии; Иштар и Лазурный Дракон были серьезными соперниками, их штаб-квартиры располагались напротив друг друга в выступах на торце станции, обращенном к планете. Снаружи эти сооружения ощетинились антеннами, которые передавали и принимали закодированную телеметрию.

Все металлургическое производство располагалось на искусственных спутниках станции, расположенных в нескольких километрах от нее

Показав свой значок монитору видеопланшета, Спарта получила разрешение войти в Иштар через бронзовые парадные двери, так называемые «Ворота Иштар», которые открывались в длинный коридор, обшитый темной кожей, ведущий из невесомости к нормальной земной гравитации. Никаких охранников не было видно, но она знала, что ее продвижение контролировалось на протяжении всего пути.

В конце коридора она очутилась в комнате, обшитой резными панелями красного дерева и устланной китайскими и персидскими коврами. Другого выхода из комнаты не было видно, хотя Спарта знала, что он есть. В центре полутемной комнаты небольшой прожектор освещал золотую статуэтку древней вавилонской богини Иштар, современную интерпретацию популярного во всем Мэйнбелте художника Фрикки.

Спарта остановилась, очарованная, ее макрозумный глаз изучал скульптуру. Это была потрясающая работа, крошечная, но пышущая силой, гибкая, но узловатая, как один из восковых этюдов Родена. Вокруг основания были вырезаны буквами, напоминавшими клинопись, стихи из первобытного гимна:

Я Иштар, богиня вечера. Я Иштар, богиня утра. Я небеса разрушаю. Я земли опустошаю. Я горы сметаю прочь. Все в моей власти.

— Чем я могу помочь? — Вопрос, заданный не слишком любезно, с пренебрежением, исходил от молодой женщины, бесшумно вышедшей из тени.

— Инспектор Трой. Комитет Космического Контроля, — сказала Спарта, поворачиваясь к ней. Высокая секретарша была одета в длинное пурпурное платье из чего-то похожего на мятый бархат; Спарта остро ощущала собственные опаленные волосы, испачканные щеки, порванные, испачканные брюки. — Пожалуйста, сообщите миссис Сильвестр, — она откашлялась, — что я здесь, чтобы поговорить с ней.

— Она ждет вас, инспектор? — гладкая и холеная, определенно не склонная к сотрудничеству…

Имя секретарши было выгравировано на массивной золотой булавке у нее под горлом, булавке, которая была бы невидима для обычных глаз. Только не Спарте.

Каждый приличный полицейский может сказать очень много одной короткой фразой; некоторые простые утверждения несут в себе богатый подтекст (повинуйся мне или иди в тюрьму).

Трюк с первым именем сейчас не повредит, даже если это разозлит ее. — Решила Спарта и резко произнесла:

— Я требую вашего полного сотрудничества, Барбара. (Барбара дернулась, замораживая изображение на портативном видеоплате, с которым она консультировалась.) Я здесь, чтобы встретиться с Сандрой Сильвестр по срочному официальному делу, касающемуся «Семи столпов мудрости».

Секретарша чопорно набрала трехзначный код и тихо заговорила с устройством. Мгновение спустя густой, хриплый голос Сильвестр заполнил комнату. — Немедленно приведите ко

мне инспектора Трой.

Молодая секретарша потеряла всю свою надменность.

— За мной, пожалуйста, — прошептала она.

Спарта последовала за ней через двойные панели, которые бесшумно скользнули в сторону. Один извилистый зал следовал за другим, и вскоре взгляду открылись умопомрачительные сцены: под Спартой и рядом с ней изогнутые дымчатые окна выходили на диспетчерские, заполненные десятками операторов перед зелеными и оранжевыми экранами. Другие изогнутые стеклянные коридоры пересекались вверху и внизу, и другие комнаты управления были видны через отдаленные окна.

На многих экранах были видны графические изображения или колонки цифр, но на других разворачивались живые картины причудливого мира, открывался вид на ад глазами роботов. — На поверхности планеты, на освещенной стороне или далеко во тьме, радиосигналы, передаваемые синхронными спутниками, двигали роботов с помощью дистанционного управления, чтобы искать, копать, обрабатывать и складировать.

Они миновали центр управления, прошли дальше по коридору и, наконец, попали в кабинет такой роскоши, что Спарта даже заколебалась, прежде чем войти.

Стол из полированного халцедона стоял у стены из грубой, изогнутой бронзы. Красноватый свет падал на поверхность стены, освещая статуи в нишах, — изысканные работы известнейших художников Солнечной системы: дубликат Иштар Фрикки, по бокам которого стояли Инанна, Астарта, Кибела, Мариана, Афродита, Лакшми. На другой стене висели полки с книгами, переплетенными в цветную кожу и украшенными золотом и серебром. Сквозь окна, сильно смягчающие свет, в сумерках катились сернистые облака планеты.

Это была комната, которая парадоксальным образом говорила об отчаянии — тюрьма, ее статичная роскошь должна была заменить случайные простоты свободы.

— Можешь идти, Барбара.

Спарта обернулась и увидела позади себя Сильвестр, одетую в то же самое темное шелковое платье, в котором она сошла с «Гелиоса».

Она не заметила как секретарша ушла; эти женщины обладали сверхъестественной способностью двигаться бесшумно.

Спарта поймала себя на том, что жалеет, что Пробода не появился.

— Вы гораздо меньше, чем я ожидала, инспектор Трой.

— У видеопластинок есть такой эффект.

— А я не сомневаюсь, что ты и рассчитывала на такой эффект, — сказала Сандра. Она пересекла комнату с ковровым покрытием, подошла к своему каменному столу и села. — Обычно я прошу устроиться поудобнее, но сейчас я очень занята. Или, может быть, вы готовы отпустить мой груз?

— Нет.

— Что ты хочешь услышать от меня о «Семи столпах мудрости»?

Спарта поняла, что слишком устала, чтобы заниматься тонкостями, прямота вопроса, который она задала, удивила даже ее саму:

— Сколько ты потратила на подделку этой книги?

Сильвестр рассмеялась испуганным лаем:

— Остроумный вопрос, на который не будет ответа. — Но, в отличие от Спарты, Сильвестр была плохой лгуньей.

— Ты покинула арендованную виллу на острове Левант на следующий день после прибытия туда, села на самолет из Тулона в Париж, оттуда прямоточным реактивным самолетом в Вашингтон, округ Колумбия, где провела день в Библиотеке Конгресса, записывая на чип все содержание единственного оставшегося Оксфордского издания «Семи столпов мудрости», все еще доступного широкой публике.

Затем ты полетела в Лондон, где с помощью книготорговца Гермионы Скрэттон, чье участие в литературных махинациях в некоторых кругах считают выдающимся, установила контакт с нужными людьми в Оксфорде, городе, где бережно хранят Искусство книгопечатания и его древние инструменты, где даже шрифты прошлого выставлены как сокровища в музеях, где до сих пор иногда практикуются почитаемые техники прошлого. С помощью нескольких печатников и переплетчика, — людей, чья любовь к изготовлению книг настолько велика, что они позволили себе заниматься подделкой ради чистой радости попрактиковаться в своих навыках, хотя очень значительные суммы, которые им заплатили, не ослабили их энтузиазма, — была изготовлена почти идеальная копия «Семи столпов мудрости». Еще проще было подкупить известного любителя роскоши члена экипажа «Стар Куин», чтобы он потренировался, подобрал код к замку ящика и украл книгу из груза собственного корабля, заменив ее вашей подделкой.

По мере того как Сильвестр слушала эту речь, румянец на ее бледных щеках становился все ярче. — Это экстраординарный сценарий, инспектор. Я не могу себе представить, что ты хочешь от меня услышать.

— Только подтверди это.

— Я не пруд, в котором можно ловить рыбу. — Сандра заставила себя расслабиться. — Пожалуйста, уходи сейчас же. У меня больше нет времени.

— Я была очень неосторожна при первом осмотре «Стар Куин», — я знала, что один из ваших роботов прошел полевые испытания и думала, что этим объясняется его остаточная радиоактивность, и не стала осматривать топливные сборки.

— Убирайся, — решительно сказала Сильвестр.

— …но иногда лишние знания опасны. Если бы не знала об испытаниях, то проверила бы радиоактивный робот, и увидела бы, что Мак-Нил вставил топливные стержни обратно, чтобы открыть машину. Эта оплошность едва не стоила нам с Блейком Редфилдом жизни. От твоих рук.

— Ты несешь полную чушь…

В два быстрых шага Спарта оказалась у стола. Она подняла пакет, завернутый в пластик, который держала на боку, и швырнула его на полированный камень:

— Вот то, что осталось от вашей книги, миссис Сильвестр.

Сандра замерла. Она уставилась на пакет. Ее нерешительность была так очевидна, так мучительна, что Спарта почувствовала тревогу и боль женщины.

— Блеф не принесет тебе ничего, кроме небольшого выигрыша времени, — продолжила Спарта. — Может быть, я и не знаю всех подробностей, но я доберусь до ваших финансовых отчетов и поговорю с теми, кто знает. С Мак-Нилом, для начала. Подробности и свидетели скоро появятся. Первый свидетель — эта книга. Трудно узнать ее в нынешнем состоянии (резко сказала Спарта, ее собственный страх и негодование из-за нападения на ее жизнь, наконец, перешли в гнев, уничтожая сочувствие, которое она испытывала к этой женщине), но постарайся, будь добра, скажи мне, — это копия?

Сандра вздохнула. Дрожа, она потянулась к тонкому пластику и отбросила его… Обугленный блок страниц лежал в хлопьях пепла и пены, в крошащихся обломках его чехла. — Это слишком жестоко, — прошептала она, выпрямившись в кресле, вцепившись в край стола так крепко, что побелели костяшки пальцев. — Откуда мне знать?

Спарта развернула книгу, открыла запекшиеся страницы и прочла: — «Мечтатели — опасные люди, ибо они претворяют свой сны в жизнь, делая его возможным». — «Сны», а должно быть «сон», единственное число.

Спарта перевернула потрепанную книгу и, перегнувшись через стол, подтолкнула ее к Сандре:

— Блейк Редфилд сообщил мне, что текст содержит много

подобных ошибок. Это подделка. Оригинал был возвращен владельцу.

— Дарлингтону?

— Да, это…

В своем почти полном изнеможении от усталости, в пьянящем порыве мести женщине, которая пыталась лишить ее жизни, Спарта не слышала и не видела ничего вокруг…

Черный пистолет, возникший в руке Сандры, обрушился ей на голову. Ее реакция была прискорбно вялой, — успела лишь слегка отклониться.

20

Блейк Редфилд провел несколько коротких минут в своем номере с видом на Вену в отеле «Геспер Хилтон», а затем в белой рубашке, темно-бордовом галстуке и темном шелковом костюме стильного покроя отправился в музей Геспера, чтобы еще раз, более респектабельно, появиться там.

Приключения последнего часа сделали его на удивление нерешительным и неуверенным. Случайная встреча с Линдой на углу манхэттенской улицы пробудила в нем какое-то чувство, поначалу не слишком острое, но настойчивое и все более усиливающееся.

Первое время после разгона «Спарты» он стал стал самостоятельно совершенствоваться в том, чем занимался с секретными агентами в горах Аризоны. Но затем занялся расследованием таинственного исчезновения друга детства и всего связанного с этим. Обнаружилось, что расследование и его страсть коллекционера хорошо дополняют друг друга, потому что нигде он не чувствовал себя так хорошо, как в старых книжных магазинах, библиотечных залах, в файлах данных, электронных или оптико-волоконных. Там он наткнулся на длинный, намеренно скрытый след темного международного культа пророков «Свободного Духа». И этот след привел его к главарям «Спарты». С его умением делать выводы и строить гипотезы, благодаря развитию полученному в «Спарте», он узнал больше, чем ожидал.

Встреча с Линдой, или Эллен Трой, как она себя называла, не оправдало его сокровенных надежд. Он ожидал, что его встретят как родственную душу. Вместо этого она оказалась занятой делами, которыми не захотела делиться, и если и обращала на него внимание, то как на одного из подозреваемых. Она научилась скрывать свои мысли и чувства от людей, слишком хорошо.

А он так надеялся затронуть ее чувства.

Теперь он задумался, насколько неожиданными были ее драматические проявления. Она была таинственным образом сведуща в вещах, о которых он только догадывался.

Винсент Дарлингтон, одурманенный успехом в обществе, бурно приветствовал Блейка и провел его в эрзац-часовню.

Общество космической станции имело вид довольно странный. Плюмажи и трапеции из блесток покачивались на головах. Прически необычайных форм: колеса повозок, трещотки,

башни, штопоры. Лица — всех цветов и оттенков, пятен и полос. Комната была заполнена до отказа, но только рядом со столами с едой. Очевидно, эти люди ценили вкус Дарлингтона если не в искусстве, то в шампанском и закусках.

Блейк узнал нескольких своих недавних спутников на борту «Гелиоса», включая, к его легкому удивлению, Нэнсибет, спутницу Сандры Сильвестр, которая встала перед ним, когда он попытался подойти поближе к витрине с «Семью столпами мудрости». Нэнсибет была великолепна в зеленых пластиковых ботинках до колен, в мини-юбке из натуральной кожи, выкрашенной в белый цвет, со свисающей с пояса бахромой из сырой конопли. Ее топ был слегка прикрыт фиолетовой анодированной алюминиевой сеткой, которая хорошо сочеталась с ее фиолетовыми глазами.

— Открой ротик — проворковала она, вздернув подбородок и поджав губы, а когда он начал спрашивать ее «зачем», то его рот приоткрылся и продолжить фразу не получилось, так как ему засунули в зубы тюбик чего-то розового, оранжевого и мягкого. — Ты выглядел голодным, — объяснила она, пока он жевал.

— Был, — сказал он, сглотнув и поморщившись.

— Не только животик, Блейки. У тебя голодные глаза.

Ее голос понизился на столько, что ему пришлось наклониться ближе, чтобы услышать ее. Ее стапятидесятисантиметровые зеркальные серьги качались, как маятники, угрожая загипнотизировать его. — Всю дорогу сюда, на лайнере, я чувствовал, как твои голодные глаза пожирают меня.

— Конечно, ты этого ужасно боялась! — Он сказал это громче, чем намеревался: соседние головы повернулись.

Нэнсибет отшатнулась. — Блейк, глупышка! Неужели ты не понимаешь, о чем я говорю?

— Лучше бы я вообще на тебя не смотрел. — он воспользовался ее временным замешательством, чтобы продвинуться ближе к витрине. — Ты уже видела эту книгу? Как ты думаешь, Дарлингтон устроил ей достойное погребение в этом мавзолее?

— Что ты имеешь в виду? — подозрительно спросила она. Теперь ее подбородок упирался ему в плечо, и была опасность более плотного контакта. — У Винса очень хороший вкус. Я думаю, что золото на краях страниц очень хорошо сочетается с потолком.

— Именно это я и имел в виду.

Наконец он добрался до алтаря, в котором хранилась реликвия, и обнаружил, что ее почти невозможно разглядеть:

гости, собравшиеся поблизости, использовали стеклянную крышку витрины как удобную столешницу для своих тарелок и бокалов. Не мечите бисер перед свиньями. — Блейк отвернулся. Нэнсибет все еще не отставала, тогда он сказал прямо: — Я удивлен, что вы здесь без миссис Сильвестр.

Она умом не блистала, но шестым чувством понимала других, и поэтому ответила так же прямо, по деловому. — Винс терпеть не может Сандру. Он пригласил меня давным-давно, чтобы досадить ей, — он думал, что я притащу ее с собой. Его идея состояла в том, что она придет похвастаться мной, а он утрет ей нос этой книгой.

Блейк улыбнулся:

— Ты молодец, Нэнсибет. Говоришь прямо, называешь вещи своими именами.

— Да, называю. Но кое-кто этого не замечает.

— Извини. Дело в том, что я ищу кое-кого другого.

Ее взгляд стал холодным. Она пожала плечами и повернулась к нему спиной.

Наполнив тарелку, в поисках места, где можно спокойно поесть, он оказался в маленькой комнате, похожей на часовню, рядом с гротескной стеклянной витриной. В этой маленькой комнате были выставлены предметы, совершенно не похожие на ту безвкусицу, которую Дарлингтон выдвинул на показ. В ящиках Блейк узнал окаменелости венерианской жизни, благодаря которым низкого пошиба художественная галерея Дарлингтона стала известна во всех обитаемых мирах Солнечной системы.

Это были пыльные красно-серые предметы, фрагментированные, морфологически неоднозначные. Он ничего не знал о палеонтологии, но понимал, что они были идентифицированы как останки существ, которые рыли и ползали, возможно, хлопали крыльями и плавали во время жидкой воды и свободного кислорода, которое существовало миллионы лет назад, до того, как парниковый эффект превратил Венеру в ад высокого давления[30], которым она была сейчас.

Останки были скорее наводящими на размышления, чем привлекательными.

Ученые тома были посвящены этой дюжине обломков камня, но никто ничего не мог сказать наверняка о тех, кто их оставил после себя, кроме того, что они были живы.

Блейк печально размышлял над вопросом, — почему так много людей, подобных Винсенту Дарлингтону, обладают сокровищами, о ценности которых они не имеют ни малейшего представления. Ведь…

Его размышления были внезапно прерваны.

В соседней комнате женский крик перекрыл гомон, закричал мужчина, и вслед за этим раздались семь очень громких хлопков, сопровождаемых звоном разбитого стекла.

Какое-то мгновение — тишина. Одно только эхо. Затем — крики, паника, топот убегающих. Блейк через несколько секунд очутился в опустевшем зале. Картину, которую он увидел, кроме как «кровавой», по-другому, назвать было нельзя.

Сандра Сильвестр извивалась в объятиях Перси Фарнсворта и перепуганной Нэнсибет. Тяжелое шелковое платье Сандры было изрезано падавшим стеклом, кровь струилась по ее мертвенно-бледному лицу из порезов на голове. Ее правая рука с пистолетом была поднята над головой, Нэнсибет вцепилась в эту руку, крича: — Сил, хватит, хватит!

Фарнсворт, обхватив Сандру за талию, валил ее навзничь. Все упали на усыпанный стеклом пол, — у всех новые порезы на голове и плечах. Восьмая пуля ударила в изрешеченный потолок из цветного стекла, — еще град осколков.

Сильвестр выронила пистолет, исчерпав обойму, и обмякла. Блейк помог отнести ее в дальний угол комнаты, где на полу не было стекла. Глаза Сандры были залиты кровью и ничего не видели, — но она видела достаточно ясно, когда посылала первые пули в Винсента Дарлингтона.

Дарлингтон лежал на спине в растекающейся багровой луже, глядя широко раскрытыми глазами сквозь разбитый купол на верхушки высоких деревьев на противоположной стороне центрального кольца, его тело было усыпано осколками матового стекла.

За его спиной, надежно спрятанный в алтаре, служившем столом для тарелок с объедками и пустых стаканов, покоился предмет страсти Сандры Сильвестр.

Спарта была внутри калейдоскопа, его стеклышки быстро падали складываясь в новые симметричные узоры, на краю ее зрения и за его пределами. Медленно вращающийся вихрь пляшущих цветов, казалось, засасывал ее в бесконечность. С каждой сменой узора в ее сознании раздавался протяжный свистящий взрыв. Сцена была головокружительной и яркой. Часть ее сознания стояла в стороне, наблюдая за всем с удовольствием. Ей вспомнился забавный эпизод из детства — она рассмеялась и очнулась.

Ее голубые глаза открылись и увидели квадратное розовое лицо Виктора Прободы, низко наклонившегося над ней.

— Как ты себя чувствуешь? — Его светлые брови беспокойно

подергивались.

— Как будто кто-то ударил меня по голове. Над чем это я смеюсь?

С его помощью она села. Сильная боль в мышцах челюсти. Она осторожно коснулась своей щеки. — Ой! Держу пари, это выглядит очень мило.

— Я не думаю, что челюсть сломана. Ты бы знала.

— Отлично. Ты во всем видишь хорошую сторону, Виктор.

С его помощью она поднялась на ноги.

—Мы должны отвезти тебя в клинику. Возможно сотрясение мозга и…

— Подожди минутку. Ты случайно по дороге сюда не видел свою подругу Сандру Сильвестр?

Прободa явно чувствовал себя неловко:

— Да, сразу за воротами Иштар. По ее лицу я понял, что что-то произошло. Она посмотрела на меня, но даже не заметила. Я думал о том, что этот робот-шахтер сделал на «Стар Куин», и подумал, что именно поэтому ты пошла сюда, поэтому я подумал, что мне лучше найти тебя.

— Спасибо… Проклятье. — Она схватилась за ухо, но комлинк выпал. — Виктор, позвони и отправь отряд в музей. Позвони и в музей, постарайся предупредить Дарлингтона. Я думаю, она может его убить.

Прободa включил аварийный канал, но как только он упомянул музей, диспетчер прервал его.

Виктор слушал, опустив челюсть, потом прервал связь. Он посмотрел на Спарту. — Слишком поздно.

— Он мертв?

Его подбородок дернулся в знак согласия:

— Она влепила в его четыре пули. После того, как ее схватили, она выпустила еще четыре пули через стеклянный потолок. Хорошо, что не убила кого-то на другой стороне станции. — Все еще во всем вижу хорошую сторону.

Она дотронулась до его руки, наполовину побуждая его двигаться, наполовину утешая большого грустного копа, понимая, что ему жаль Сильвестр, которой он восхищался, а не Дарлингтона, эту глупую пиявку.

— Пошли, — сказала она.

В дверях стояла высокая женщина, Кара Антрин.

Строгая и седая, с квадратными плечами, она не соответствовала роскоши кабинета Сильвестра:

— Виктор, немедленно займись расследованием убийства Винсента Дарлингтона.

Прободa остановился в недоумении:

— Не слишком большое расследование, капитан. В комнате было полно свидетелей…

— Да, это не займет много времени.

— Но, «Стар Куин»,…

— Ты освобождаешься от обязанностей по отношению к «Стар Куин», — решительно заявила Антрин. Она скосила глаза на Спарту, собирающуюся противоречить. — Теперь у тебя новое дело.

Спарта поколебалась, потом кивнула:

— Совершенно верно, Виктор. Ты мне очень помог, и я ценю это…

Несчастное лицо Прободы вытянулось.

— Мы с капитаном быстро все уладим, — продолжила Спарта.

Пробода нехотя отошел в сторону. Инспектор Эллен Трой произвела на него хорошее впечатление, и он дал ей это понять. Он даже защищал ее перед своим боссом. И вот теперь она выкидывает его из дела:

— Как скажешь, — проворчал он. Он прошел мимо Антрин, не оглянувшись на Спарту.

Оставшись одни, женщины молча смотрели друг на друга.

Антрин была безупречна в своем сером шерстяном костюме, Спарта была усталым мальчишкой, потрепанным, уличным. Но Спарта больше не чувствовала себя в невыгодном положении. Она чувствовала только потребность в отдыхе.

— Тебе неоднократно и изобретательно удавалось избегать меня, инспектор Трой. Откуда такая внезапная перемена отношения?

— Я не думаю, что это место для разговоров, капитан — сказала Спарта, указывая подбородком на невидимых жучков и камеры комнаты. — Корпорации вроде этой умеют хранить секреты.

— Да, конечно. — Значит, возвращаемся в штаб? — Предположила Антрин.

Спарта уверенно прошла мимо нее. Антрин сразу же последовала за ней. Они прошли по изогнутому прозрачному коридору, из которого был виден центр управления.

Спарта остановилась у поручней.

— Что-то не так? — Спросил Антрин.

— Нисколько. Просто я плохо рассмотрела это по дороге сюда. Я была слишком занята. Для того, кто никогда раньше не покидал Землю, это впечатляющее зрелище.

— Я предполагаю, что это так и есть.

С высоты десяти метров, через изогнутое стекло, Спарта и

Антрин смотрели вниз на мужчин и женщин «Иштар», сидящих за своими пультами. Одни были настороже и усердно работали, другие бездельничали, лениво болтая друг с другом, потягивая кофе и покуривая сигареты, наблюдая на гигантских экранах, как верные роботы разрезают и разгребают недра Венеры.

Правая рука Антрин лежала во внешнем кармане куртки.

Она наклонилась ближе к Спарте — движение не осталось незамеченным.

Спарта повернулась к ней, настороженная:

— Мы можем поговорить здесь, они оставили глаза и уши за пределами этого участка.

—Ты уверена?

— Я проверила входящий коридор, — сказала Спарта. — Так что давай прекратим эти игры.

— Что?

Спарта услышала оскорбленное достоинство, а не чувство вины, наложившееся на осторожность.

Тон Спарты стал преувеличенным:

— Ты уже получила файлы, которые я заказала в Центральном управлении, не так ли

— Да, конечно.

Гнев убедительно перекрывал смущение, но Спарта рассмеялась ей в лицо. — Ты понятия не имеешь, о чем я говорю. Файлы по линии Павлакиса. Плохо твои люди работают.

За презрительной усмешкой на покрытом синяками и почерневшем лице, Спарта старалась удержать свое пульсирующее сознание от раскола. Осколки калейдоскопа кружились на краю ее зрения:

— Если бы ты видела отчеты, то знала бы, что это обезьяна Димитриос, которая вымещает злобу на юном Павлакисе. Месть. Потому что парень покончил с сорокалетним страховым мошенничеством, которым Димитриос занимался вместе со своим отцом. Павлакис сыграл ему на руку, наняв Уичерли — парня, который уже был замешан в афере, которому больше всего нужны были деньги и которому терять было нечего, которому жить оставалось считанные дни. И ты говоришь, что видела файлы?

— У нас есть такая информация, — отрезала Антрин. В гневе она потеряла осторожность, ведь Спарта говорила всего лишь о полицейской работе. — У нас есть показания Димитриоса, показания вдовы. Павлакис сам пришел к нам, — до взрыва. Он сказал, что все это время подозревал, что Димитриос подстроил фальшивый несчастный случай.

— Так, он это сказал? — Спарта ухмыльнулась, это была странная ухмылка, на опухшем, обожженном лице. — Тогда что

ты здесь делаешь на самом деле?

— Я пришла рассказать… — Но сказать было нечего, и на этот раз Антрин не смогла скрыть потрясения. — …ты….

— Ты пришла за мной, вот я перед тобой. Тебе потребовалась целая вечность, чтобы застать меня одну.

— Так ты все знаешь! — Антрин дико огляделся вокруг. Вряд ли они были одни. Но они были изолированы от рабочих внизу, а в стеклянной трубе нет ушей. А потом? Что скажут свидетели о том, что должно было произойти?

Ничего, они поверят тому, что будет говорить капитан Антрин.

Антрин дернула правой рукой вверх и вперед, но она была слишком близко — было ошибкой придвинуться так близко. Правая рука Спарты пересекла пространство между их телами и схватила запястье Антрин, блокируя вытащенное из кармана оружие. Через микросекунду Антрин споткнулась. Спарта так и не выпустила правое запястье Антрин. Обе упали. Спарта, еще падая, резко завела руку с оружием Антрин за спину. Та тяжело ударилась о покрытый ковром пол и закричала, когда вонзила острие себе в позвоночник.

Она кричала не только от боли. Она кричала от ужаса перед тем, что с ней происходит, что вот-вот должно случиться.

Спарта почти мгновенно выдернула эту штуку из спины Антрина. Только тогда она поняла, что это за оружие. Она знала, что опоздала, потому что телескопическая игла уже выскочила и извивалась, как волосяной червяк в спинном мозге Антрина, ища ее головной мозг. Антрин больше не чувствовала боли, но кричала от предчувствия приближающейся смерти разума.

Спарта бросила пустой шприц на ковер и села, опершись на выставленные назад руки, раскинув ноги и жадно глотая воздух. Коридор загрохотал обутыми в сапоги ногами, и из-за поворота появился отряд синих мундиров с парализаторами наготове. Они остановились, первая шеренга опустилась на колени, полдюжины стволов нацелились на Спарту.

Антрин продолжала ворочаться на спине. Теперь она плакала, громко всхлипывая от жалости к своему угасающему сознанию.

Виктор Пробода протиснулся сквозь толпу патрульных и опустился рядом на колени. Он протянул свои большие руки и заколебался, боясь прикоснуться к Антрин.

— Ты ничего не можешь для нее сделать, Виктор, — прошептала Спарта. — Она не испытывает боли.

— Что с ней происходит?

— Она забывает. Она все это забудет. Через несколько секунд она перестанет плакать, потому что не вспомнит, почему плачет.

Прободa посмотрел на лицо Антрин, красивое лицо, обрамленное прямыми седыми волосами, лицо на мгновение превратилось в маску медузы, но затем страх исчез, а слезы высохли.

— Неужели мы ничего не можем для нее сделать?

Спарта покачала головой. — Не сейчас. Может быть, позже, если они захотят. Но они, скорее всего, этого не сделают.

— Кто они такие?

Спарта отмахнулась от него. — Позже, Виктор.

Прободa решил, что подождет; инспектор Трой в первые пообещала объяснить суть происходящего. Он встал и крикнул. — Где эти носилки? Давайте шевелитесь! — Он перешагнул через Антрин к Спарте, протянул руку и помог подняться. — Уйма народу наблюдала вашу схватку, практически вся компания. Они сразу же позвонили нам.

— Я сказала ей, что здесь нет наблюдения. Она так хотела заполучить меня, что поверила мне. С ней происходит то же, что случилось бы со мной… Если бы это ей повезло.

Среди полицейских началось шевеление, появились носилки. Когда двое носильщиков опустились на колени рядом с Антрин, она заговорила спокойно и четко:

— Знание — это все.

— Живы ли мои родители? — Спросила ее Спарта.

— Секретами адептов нельзя делиться с непосвященными, — ответила Антрин.

— Мои родители — адепты? — Спросила Спарта. — А Лэрд — адепт?

— Это не разглашается, — сказал Антрин.

— Теперь я тебя вспомнила, — сказала Спарта. — Я помню, что ты делала со мной.

— У тебя есть допуск Q?

— Я помню твой дом в Мэриленде. Там была белка, которая скользила по проволоке.

— А я тебя должна помнить? — Спросила Антрин.

— И я помню, что ты делала со мной.

— А я тебя должна помнить? — Повторила Антрин.

— Слово «Спарта» тебе что-нибудь говорит? — Спросила Спарта.

Неуверенность сморщила лоб Антрина:

— Это… это имя?

Спарта почувствовала, как у нее перехватило горло, а на глазах выступили слезы.

— До свидания, Серая Леди. Ты невинна, как младенец.

Блейк Рэдфилд ждал в зоне невесомости, в коридоре за воротами Иштар, смешавшись с плавающей стаей зевак и акул пера, которые терроризировали полицию. Увидев ее лицо, он сначала удивился, потом встревожился.

Она позволила ему изучить ее синяки:

— Я следила за своим тылом, как ты советовал. — Она попыталась улыбнуться распухшими губами. — А она напала на меня с фронта.

Когда он протянул ей руку, она взяла ее. Держа его за руку, было легче не обращать внимания на вопросы, которые выкрикивали репортеры, на проклятия тех, кто, казалось, был готов убить за цитату. Но когда Кару Антрин протащили мимо на носилках, все кинулись за ними, как хищники за добычей. Спарта и Блейк задержались на мгновение, решили сократить путь — и через несколько секунд их не стало.

Они неслись по темным туннелям и каналам к центральной секции, не отставая друг от друга.

—Ты с самого начала знала, что это Антрин?

— Нет, но первый же ее взгляд насторожил меня. Что-то глубоко внутри, что-то, что я никак не могла вытащить из подсознания, говорило мне, что нужно держаться подальше от этой женщины. Сейчас, это была ее вторая попытка. Первой — было использование робота против нас.

— Я думал, это Сильвестр!

— И я тоже. Гнев — враг разума, а я была так зла, что не могла мыслить здраво. Сандра Сильвестр хотела эту книгу больше всего на свете, гораздо больше, чем свою любовницу Нэнсибет. Для нее получить книгу было важнее, чем унизить Дарлингтона. Она никогда бы не рискнула настоящей книгой, даже если бы подслушала наш разговор и поняла, что попалась. Это Антрин поставила прослушку на корабль и услышала нас.

Они летели молча, пока не достигли своего наблюдательного пункта с видом на центральный сад и не опустились на землю. Совершенно одни в качающейся клетке света, они вдруг почувствовали себя необъяснимо застенчивыми.

Спарта заставила себя продолжать:

— Антрин поднялась на борт «Стар Куин» и заправила робота топливом, пока я готовила свою лекцию о саботаже, расставляла ловушки. — Она устало рассмеялась. — Она получила возможность, о которой мечтала, неожиданно и не успела хорошо подготовиться. Она уж точно не рассчитывала что там окажешься ты. Когда робот не справился с заданием, она поняла, что трудно будет убить меня, по крайней мере так, чтобы не навлечь на себя

подозрения. Поэтому она решила превратить меня в овощ. В конце концов, однажды это уже сработало. Думаю, ты должен был быть следующим.

— Ты узнала что-нибудь о своих родителях? — спросил он тихо и настойчиво. — Они живы?

Спарта покачала головой:

— Слишком поздно, — печально сказала она. — Антрин не может нам сейчас ничего рассказать, даже если захочет. — Она потянулась к нему и нежно взяла за руку.

Он накрыл ее руку своей, затем взял за подбородок. — Тогда, я думаю, нам придется узнать это самим. Нам вдвоем. Найти их. Если ты готова позволить мне играть в эту игру.

Его пряный аромат был особенно восхитителен, он находился так близко от нее. — Я должна была позволить тебе это раньше. — Она чуть подалась вперед и прижалась своими разбитыми губами к его губам.

Эпилог

Мак-Нил, покинув клинику, снял комнату в помещении для временного персонала. Но чаще всего его можно было найти во французском ресторане, столики которого стояли среди пирамидальных тополей, где птичьи трели услаждали слух посетителей. Там и нашла его Спарта.

— Я знал, что ты меня найдешь, — сказал он. — Не хочешь ли отведать этого превосходного Сент-Эмильона?

Она отказалась.

В процессе последовавшего откровенного разговора Мак-Нил рассказал все, о чем ранее умолчал. В конце он спросил:

— А если я полностью во всем признаюсь, как ты думаешь, сколько мне дадут?

— Ну, учитывая, что собственность была возвращена…

— Ведь ты же понимаешь, что без моего признания будет трудно доказать мою вину, а если еще и адвокат будет достаточно хорош… — весело сказал он.

— Да, на это мало шансов. Ну во всяком случае, можешь получить срок за кражу вина.

— Увы, владелец всего, о чем идет речь, давно умер.

— Но, по меньшей мере, четыре-шесть месяцев в камере тебе могут влепить.

— Это надо же. Почти время рейса до Мэйнбелта. Всегда старался избегать этих рейсов.

— Пожалуй, я выпью бокал, — сказала Спарта. Он налил, она отпила глоток и поблагодарила.

Мак-Нил посерьезнел:

— Возможно, ты упускаешь из виду одно, инспектор. Это великолепная книга, а не какая-то безделица. Она должна была принадлежать тому, кто мог бы по-достоинству оценить и ее содержание, и ее оформление.

— Ты хочешь сказать, что тобой двигала не только жадность, мистер Мак-Нил?

— Я никогда не лгал тебе, инспектор. Я всегда восхищался миссис Сильвестр. И мне ее жаль. Этот нервный срыв. Видимо, эта космическая консервная банка все-таки ее доконала.

— Я верю тебе, Мак-Нил. Всегда верила.

Мак-Нил мог сам о себе позаботиться. А вот Блейку Редфилду нужна была помощь. Расследование необъяснимого патологического поведения Кары Антрин, без сомнения, будет продолжаться месяцы, если не годы. Спарта с мимолетным сожалением возложила на нее грехи, которых она не совершала.

— Взрыв люка, отключение электричества и все остальные «подвиги» Блейка.

Виктор Прободa в стыковочном отсеке, с букетом гидропонных астр провожал Блейка и Спарту. Под звуки хорового пения они собирались подняться на борт «Гелиоса» — сделать первый шаг в долгом обратном путешествии на Землю.

— Мне было очень приятно, Виктор. И если есть хоть какая-то справедливость, то тебя… — Ее прервал сигнал комлинка. — Одну секунду.

Она склонила голову набок и прислушалась: «Инспектор Трой! Инспектор Трой! Приказ Земного Центра! Поездка отменяется. Немедленно явиться в штаб».

Что все это значит? Она подняла глаза и увидела, что к ним уже плывет отряд синих мундиров. Это что — ее эскорт в штаб, так это должны воспринимать окружающие?

— Я не могу ничего объяснить, да ты бы мне и не поверил, если бы я это сделала. — Это все, что она смогла сказать на настойчивые вопросы Прободы

Несмотря на многослойный скандал, который занимал их внимание в течение последних недель — похороны, показания свидетелей, слушания и судебные процессы, — жители станции никогда не прекращали и даже не замедляли своей работы.

Пять новых огромных роботов Иштар отправились на Венеру сразу же после того, как был снят арест с «Стар Куин». Шестой был отпущен и последовал за своими товарищами после того, как эксперты извлекли последнюю молекулу улик из него и разрушенного им корабля.

Новое подразделение роботов было послано исследовать многообещающий район огромного плато Лакшми, ранее лишь слегка обследованный. Во время тех поисковых экспедиций был найден странный фрагмент, ныне находящийся в Музее Геспера — окаменелость, одна из дюжины венерианских окаменелостей. И так как существовала большая вероятность того, что подобные находки могут быть и сейчас, когда в этом регионе начнется серьезная добыча, то операторов попросили особо внимательно следить за экранами.

Атмосфера Венеры настолько плотна у поверхности, а свет Солнца настолько рассеян, что оператору не всегда легко было понять, что он видит на своем большом экране. Вести огромного робота по узкому каньону, отбирая образцы скальных обнажений через каждые несколько метров, было бы утомительно и очень непросто. Нависающие скалы светились темно-оранжевым светом,

все было видно как сквозь дно толстой пепельницы из оранжевого стекла.

Так что оператору «Роллс-Ройса HVRM», хоть он и был настороже, можно было простить, что он не сразу понял, что режущий хоботок робота прорвался в пещеру, которую он приял вначале за естественную впадину в скале. У оператора оставались лишь мгновения, чтобы среагировать, чтобы предотвратить разрушение причудливых форм, линий, вырезанных надписей и изображений, внезапно возникших на экране в ослепительным свете раскаленных добела радиаторов.

notes

Примечания

1

Отдел мозга, отвечающий за такие важнейшие функции, как память, эмоции и обучение, называется **гиппокамп**.

2

Гематоэнцефалический барьер – это своего рода преграда, которая препятствует прониканию из крови в ткань мозга токсических веществ, микроорганизмов, а также антибиотиков.

3

Штаб-квартира Агентства национальной безопасности США — в Форт-Мид (Fort Meade), штат Мэриленд.

4

Американский стандарт электроснабжения: 100—127 вольт, 60 герц.

5

NORAD (North American Aerospace Defense) — Командование воздушно-космической обороны Северной Америки.

6

«Rocks and straw» («Камни и солома») — современная (2015 г.) группа pop, фолк, кантри. Видимо в двадцать втором веке, в котором происходит действие, появился двойник этой группы.

7

Машина-автомат для приготовления еды.

8

Клиника Майо — один из крупнейших (ко-во сотрудников на 2020 г. — 65000) мировых медицинских исследовательских центров. США, Рочестер.

9

Eastman Kodak Company — американская компания, производитель фототехники и фото- и кинотоваров.

10

Схема таких кораблей — две сферы, обитаемый модуль и двигательный отсек соединены трубой длиной сто метров. Живут в книгах Артура Кларка «Пески Марса» и «Разрушающее напряжение.

11

Пан — древнегреческий бог дикой природы, охоты. Пан предстает как старый сатир с невероятно большими рогами.

12

Большинство англоязычных стран, за исключением Соединенных Штатов, все еще произносят слово «лейтенант» так, как будто в нем есть "f".

13

Один из ключевых суперзлодеев и самых сильных существ на Земле, фигурирующий в американских комиксах.

14

Узо —греческий алкогольный напиток со вкусом аниса.

15

Геспер, у древних греков — утренняя звезда или планета Венера.

16

Сотбис — Один из старейших в мире аукционных домов.

17

«Семь столпов мудрости» — беллетризованные мемуары британского офицера Т. Э. Лоуренса о времени Арабского восстания против Османской империи в 1916-1918 годах. Одно из самых известных и популярных произведений английской мемуарной литературы. При жизни автора печаталось с сокращениями.

18

Библейская бумага — этот сорт бумаги часто содержит хлопковые или льняные волокна, чтобы увеличить его прочность. Тонкость библейской бумаги позволяет книгам с очень большим количеством страниц (словарь,библия) оставаться довольно компактными.

19

Пояс Ван Аллена — Радиационный пояс земли (внутренний радиационный пояс на высоте ≈ 4000 км, внешний радиационный пояс на высоте ≈ 17 000 км)

20

ТРАМП (от англ. tramp - бродяга) грузовое судно, перевозящее любые массовые грузы по любым направлениям нерегулярно, без определенного расписания («бродячее» судно), в отличие от лайнера.

21

Рассказ американского писателя Эдгара Аллана По, опубликованный в 1845 году. В произведении раскрывается проблема «Беса противоречия», феномена, который заставляет людей совершать разрушительные для самих себя поступки.

22

Немного арифметики. Следовательно предстоит 7 дней одиночного полета. Когда произошла катастрофа им оставалось 21 день полета, т.е. после нее вдвоем они пролетели 21 - 7 = 14 дней, израсходовав 14 х 2 = 28 человеко-дней воздуха. А оставалось на момент катастрофы воздуха 35 человеко-дней. 35 - 28 = 7 человеко-дней, т. е. одному на 7 дней, впритирку. Все верно, действительно «Не нужно быть великим математиком»

23

Ньюарк — город-спутник Нью-Йорка.

24

По этой цифре (приблизительная длина окружности), можно определить диаметр станции — примерно 1300 м. и скорость ее вращения — 1,2 оборота в минуту.

25

Гидроксид лития используют как поглотитель углекислого газа.

26

Фэнтези. 1919 г. Заглавный герой пускается в путешествие через всё более фантастичные миры, включая Рай. Везде, где он проходит, он соблазняет местных женщин, не исключая даже жены Дьявола.

Роман был осуждён Нью-Йоркским обществом борьбы с безнравственностью; они пытались добиться судебного преследования автора за непристойность.

27

Так называемые «*Сивиллины книги*», состоявшие из предсказаний кумской сивиллы, играли большую роль в общественной жизни римского государства.

История появления этих книг в Риме такова: предсказания были записаны на пальмовых листьях и составили девять книг. Сивилла, явившись в Рим, предложила царю купить у неё эти книги за огромную цену, а когда он отказался, сожгла три из них. Затем она предложила ему купить оставшиеся шесть за ту же цену и, вновь получив отказ, сожгла ещё три книги. Тогда царь по совету авгуров купил уцелевшие книги за первоначальную цену.

28

Героиня находится вблизи оси станции (нулевая гравитация). Два километра не может быть радиусом станции, так как на конце радиуса гравитация будет в три раза больше земной (см. примеч. 24). То есть станция представляет собой цилиндр диаметром 1,3 км. и длиной 2км.

29

С4 — взрывчатое вещество, тот самый пластид, о котором шла речь выше. Гремучее золото — Фульминатное золото — взрывчатое вещество, известно человеку еще с 1600-х годов, взрывается при простом сотрясении, без потребности в воздухе или искрах.

30

Среднее давление у поверхности Венеры — примерно 93 атмосферы.